Поссе

ОСНОВЫ СОЦИАЛИЗМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАISS
П. 849

2-э

№ 2654.
335
П.61.

Possé: Les principes du socialisme

Prix: 30 коп., 80 cent.

ЦА155
П849

В. А. ПОССЕ

BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLITE

ОСНОВЫ СОЦІАЛИЗМА

изъ книги

«Теорія и практика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА

1905

24 ЖВ

К.

ЦА155
П849

БИБЛИОТЕКА
ИНСТ.

1100
28

Ц-6934у

2010г.
У82

№2694
335
п. 61 -

Глава III

Теоретическая часть программы

I

Современное общество, основанное на частной собственности и товарномъ производствѣ, постепенно раздѣляется на два класса съ противоположными интересами: на пролетаріатъ или неимущихъ и трудящихся, лишенныхъ средствъ производства и обращенія, и вслѣдствіе этого принужденныхъ продавать свою рабочую силу, и буржуазію или имущихъ, никакихъ цѣнностей не производящихъ, но сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ средства производства и обращенія.

Этимъ первымъ положеніемъ программа прямо вводитъ въ самую сущность современнаго общественнаго развитія. Здѣсь выдвинуты всѣ наиболѣе характерныя черты современнаго общественнаго строя, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи должны привести къ отрицанію этого строя, должны превратиться въ свою противоположность.

Развернемъ формулу и проанализируемъ ея отдѣльныя части.

Современное общество основано на частной собственности и товарномъ производствѣ.

Говоря «современное общество», мы слѣдуемъ примѣру «Коммунистическаго Манифеста» и подобно ему уже самимъ этимъ выраженіемъ отмѣчаемъ международный, интернаціональный характеръ современныхъ общественныхъ формъ, а слѣдовательно и международность классовой борьбы и соціалдемократіи.

«Современное общество», — говоритъ Марксъ въ своихъ замѣчаніяхъ на Готскую программу, — есть капиталистическое общество, существующее во всѣхъ культурныхъ странахъ, болѣе или менѣе свободное отъ средневѣковой примѣси, болѣе или менѣе видо-

измѣненное особенностями историческаго развитія каждой страны, болѣе или менѣе развитое. Напротивъ, «современное государство» измѣняется въ зависимости отъ границъ страны.»

Такимъ образомъ, по воззрѣнію Маркса, современное общество признается во всякомъ случаѣ, какъ единый организмъ, законы развитія котораго по существу не зависятъ отъ политическихъ границъ.

Характеризуется современное общество прежде всего частной собственностью и вытекающимъ изъ нея товарнымъ производствомъ.

Частная собственность лежитъ въ основѣ всѣхъ юридическихъ и моральныхъ надстроекъ современнаго общества. Она находится въ процессѣ развитія и изъ собственности первоначальной переходитъ въ собственность буржуазную. Первоначальная частная собственность основана на собственномъ трудѣ, но въ процессѣ общественнаго развитія она превращается въ свое отрицаніе, въ частную собственность, основанную на чужомъ трудѣ, что должно повести въ дальнѣйшемъ развитіи вообще къ уничтоженію частной собственности.

Теорія коммунистовъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» сводится къ одному выраженію — «къ уничтоженію частной собственности». Процессъ перехода превращенія первоначальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ въ частную собственность, основанную на чужомъ трудѣ, тѣсно связанъ съ другимъ характернымъ признакомъ современнаго общества *товарнымъ производствомъ*. И оно находится въ процессѣ развитія.

Постепенно продукты начинаютъ производиться не для собственнаго потребленія, а для продажи, для обмѣна на деньги, которыя, въ свою очередь, могутъ быть обмѣнены на какой угодно другой товаръ. Продуктъ на ряду съ *потребительной* цѣнностью пріобрѣтаетъ цѣнность *мѣновую*, которая является отношеніемъ количества труда необходимаго для производства даннаго продукта къ количеству труда необходимаго для производства продукта, служащаго денежной единицей; точнѣе — отношеніемъ рабочей энергіи, выражающейся въ рабочемъ времени, необходимымъ для созданія даннаго продукта, къ рабочей энергіи, выра-

жающейся въ рабочемъ времени, необходимымъ для производства продукта, служащаго денежной единицей.

Само собою разумѣется, что товарное производство предполагаетъ частную собственность на товары.

«Товары не могутъ сами пойти на рынокъ и тамъ сами обмѣниваться»,—говоритъ Марксъ во второй главѣ I тома «Капитала», — мы должны поэтому обратиться къ ихъ хранителямъ, т. е. товаровладѣльцамъ. Товары суть вещи, и поэтому не въ силахъ сопротивляться человѣку. Если они не подчиняются по доброй волѣ, то онъ можетъ употребить силу, другими словами — взять ихъ. Чтобы поставить данныя вещи во взаимныя отношенія въ качествѣ товаровъ, хранители ихъ сами должны относиться другъ къ другу, какъ лица, воля которыхъ царитъ въ этихъ вещахъ. Такимъ образомъ, каждый товаровладѣлецъ волею другого, т. е. при посредствѣ общаго обоимъ товаровладѣльцамъ волевого акта присваиваетъ себѣ чужой товаръ, отчуждая собственный. *Оба должны, слѣдовательно, признавать другъ друга частными собственниками.*»

Такимъ образомъ товарное производство и частная собственность тѣсно связаны между собою, и они обусловливаютъ постепенное раздѣленіе всего общества на два класса: пролетаріатъ и буржуазію, что программа выражаетъ опять таки въ первомъ же предложеніи своего перваго положенія.

«*Современное общество постепенно раздѣляется на два класса съ противоположными интересами.*»

Мы не говоримъ, современное общество уже *раздѣлено* на два класса съ противоположными интересами. Это было-бы невѣрно. Эту ошибку допустилъ проектъ нѣмецкаго «партійнаго правленія» 1891 года, но на нее указалъ и ее исправилъ Каутскій. Проектъ говорилъ, что отдѣленіе рабочихъ отъ средствъ работы и т. д. привело къ раздѣленію общества на два класса: работающихъ и владѣющихъ. «Это положеніе, — справедливо писалъ Каутскій*) — можно понимать такъ (и это ближайшее пониманіе), какъ будто онъ хочетъ сказать, что вообще въ современномъ обществѣ существуютъ только два класса: работающіе и владѣющіе, но въ четвертомъ положеніи самъ проектъ гово-

*) Neue Zeit, IX Jahrgang 1890-91, № 54, стр. 782.

ритъ о городскомъ и сельскомъ среднемъ сословіи, о мелкихъ бюргерахъ и мелкихъ крестьянахъ. Эти классы относятся столь же къ имущимъ, сколько къ трудящимся; то, что первое положеніе утверждаетъ, какъ *совершившійся фактъ* существуетъ лишь въ *тенденціи*. *Тенденція* капиталистическаго способа производства состоитъ въ томъ, чтобы экспропріировать средніе классы и раздѣлить общество на два класса: рабочихъ, которые ничѣмъ не владѣютъ, и владѣющихъ, которые ничего не работаютъ. Но мы еще совсѣмъ не такъ далеко, чтобы существовали только эти два класса, до этого мы, можетъ быть, никогда не дойдемъ, такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что капиталистическій способъ производства раньше погибнетъ отъ своихъ собственныхъ противорѣчій, чѣмъ сдѣлаетъ свои послѣдніе выводы.»

Съ этимъ нельзя было не согласиться, и ошибка была исправлена. Но это не помѣшало составителямъ проекта «Искры» и «Зари» формулировать третье свое положеніе, такъ, что раздѣленіе на два класса можно понять, какъ совершившійся фактъ, а не какъ тенденцію.

«Главная особенность такого общества (буржуазнаго). — говоритъ проектъ «Искры« и «Зари», — составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ, какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшимъ классамъ общества.»

Раздѣленіе общества здѣсь формулировано во всякомъ случаѣ, какъ фактъ, какъ состояніе, а не какъ тенденція, развитіе. Впрочемъ, составители какъ будто старались отсутствіе указанія на «тенденцію» замѣнить величайшею неопредѣленностью при формулировкѣ «факта». У нихъ имѣется одинъ только классъ: классъ, владѣющій самой важной и «значительной частью средствъ производства и обращенія товаровъ». Этому классу

не противопоставляется никакого другого опредѣленнаго класса, а что-то совершенно неопредѣленное, именно «огромное большинство населенія», смѣсь изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ. Между тѣмъ въ соціалдемократической программѣ, наряду съ указаніемъ на то, что современный способъ производства еще не окончательно отразился на всей классовой структурѣ общества, необходимо *на первый планъ* выдвинуть ясно, опредѣленно, въ простой и выпуклой формѣ, что классу буржуазіи уже и теперь противостоитъ классъ пролетаріевъ. Сдѣлать это не трудно, стоитъ только заглянуть въ «Коммунистическій Манифестъ», гдѣ на первой страницѣ просто и ясно сказано: «Все общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ другъ другу противостоящихъ класса: буржуазію и пролетаріатъ».

Здѣсь слѣдуетъ лишь выкинуть, или измѣнить слишкомъ картинное для программы и вполнѣ подходящее для манифеста выраженіе — «два большихъ враждебныхъ лагеря». Это и сдѣлано какъ въ проектѣ «Жизни», такъ и въ нашемъ.

Непосредственно за указаніемъ на постепенное раздѣленіе общества на два класса, первое положеніе нашей программы характеризуетъ въ нѣсколькихъ словахъ каждый изъ этихъ классовъ. Пролетаріатъ опредѣляется, какъ неимущіе и трудящіеся, лишенные средствъ производства и принужденные вслѣдствіе этого продавать свою рабочую силу.

Пролетаріи древняго міра были тоже неимущими и лишенными средствъ производства, но они не были трудящимися, такъ какъ тогда не существовало капиталистическаго товарнаго производства, которое сумѣло и рабочую силу превратить въ товаръ.

Современный пролетарій какъ бы соединяетъ въ себѣ древняго пролетарія и древняго раба, но онъ все же спеціальный продуктъ развитія современнаго общества, его появленіе обусловливается уничтоженіемъ формальнаго рабства и крѣпостного права, уничтоженія, идущаго рука объ руку съ такъ называемымъ первоначальнымъ накопленіемъ, которое основывается на самомъ грубомъ насиліи, которое состоитъ главнымъ образомъ въ экспропріаціи непосредственныхъ произ-

водителей, экспропріаціи, совершаемой «съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочно-злобныхъ страстей». *) Въ результатѣ передъ собственникомъ, захватившимъ землю и другія средства производства, стоитъ «свободный» пролетарій, у котораго нѣтъ средствъ производства, но который тѣмъ не менѣе обладаетъ очень драгоцѣннымъ для капиталиста товаромъ — своей рабочей силой. У этого товара имѣется своя специфическая потребительная цѣнность, онъ обладаетъ «способностью быть источникомъ цѣнности и притомъ бо́льшаго количества цѣнности, чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ». Какъ всякій товаръ, и рабочая сила опредѣляется количествомъ общественно необходимаго для его производства времени, въ данномъ случаѣ издержками на поддержаніе и воспроизведеніе рабочей силы, которую пролетарій тратитъ, работая у капиталиста въ теченіе опредѣленнаго времени. Онъ продаетъ мѣновую цѣнность своего товара, т. е. рабочей силы и тѣмъ, согласно съ законами товарнаго обмѣна, отчуждаетъ потребительную цѣнность своего товара, т. е. рабочей силы. Въ мѣновой цѣнности заключенъ прошлый трудъ, создавшій ее, т. е. въ данномъ случаѣ издержки существованія рабочаго. Потребительная-же цѣнность, пріобрѣтенная капиталистомъ, или живой трудъ,—величина иная и притомъ *бо́льшая*. Живой трудъ покрываетъ не только издержки существованія рабочаго, т. е. мѣновую цѣнность его рабочей силы, но создаетъ еще излишекъ, сверхъ-цѣнность, *прибавочную цѣнность*, остающуюся въ рукахъ капиталиста, купившаго товаръ. Пролетарій работаетъ для капиталиста, скажемъ, 12 часовъ: въ теченіе 6 часовъ онъ, скажемъ, вырабатываетъ свою мѣновую цѣнность, свою мѣновую цѣну, за которую куплена рабочая сила капиталистомъ, остальные 6 часовъ вырабатывается прибавочная цѣнность, попадающая, какъ прибыль въ карманъ капиталиста. «Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ, также мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла, торговцу масла. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную

*) «Капиталъ», томъ I, глава 24.

цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ поэтому потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать цѣлый день, что поэтому цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особую удачу покупателя, но ни въ коемъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу», — иронически замѣчаетъ Марксъ.

Вотъ она хитрая механика производства прибавочной цѣнности, которая является основой превращенія денегъ въ капиталъ!

За первоначальнымъ накопленіемъ слѣдуетъ вторичное накопленіе. Открытое и грубое насиліе смѣняется дѣйствіемъ «экономическихъ законовъ», отчего эксплоатируемому производителю нисколько не легче.

Мѣновую цѣнность своей рабочей силы пролетарій получаетъ въ видѣ заработной платы.

Одной изъ самыхъ главныхъ научныхъ заслугъ Маркса является раскрытіе этой хитрой капиталистической механики. Онъ показалъ, что заработная плата не то, чѣмъ она *кажется*, что она не *цѣнность или цѣна труда*, но только замаскированная форма *для цѣнности или цѣны рабочей силы*. «Этимъ, — говоритъ Марксъ въ своей критикѣ готской программы, — все прежнее буржуазное представленіе, представленіе о заработной платѣ, точно также, какъ вся предыдущая, направленная противъ него критика, разъ навсегда были разбиты и было ясно установлено, что наемному рабочему позволено работать для своей собственной жизни, т. е. для того, чтобы жить, лишь постольку, поскольку онъ извѣстное время даромъ работаетъ для капиталиста (конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и для тѣхъ, которые вмѣстѣ съ капиталистомъ пожираютъ прибавочную цѣнность); что вся капиталистическая система производства вертится на томъ, чтобы продолжить этотъ даровой трудъ, растянувъ рабочій день, или развивъ производительность большимъ напряженіемъ рабочей силы и т. д...»

Чтобы понимать хитрую механику буржуазнаго строя, необходимо ясно представлять себѣ разницу

между цѣнностью *труда*, которая достается капиталисту, и цѣнностью *рабочей силы*, которую получаетъ рабочій и которая соотвѣтствуетъ цѣнѣ продуктовъ, необходимыхъ для поддержанія его существованія.

Во всѣхъ этихъ понятіяхъ видимо не совсѣмъ разобрался даже Плехановъ. Въ статьѣ «Критика нашихъ критиковъ», помѣщенной во второмъ, и одновременно третьемъ № «Зари», на стр. 139 Плехановъ говоритъ: «Но, установивъ чрезвычайно важное различіе между *платой*, получаемой работникомъ и *цѣною силы*, онъ (Марксъ) уже не утверждаетъ, что повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго непремѣнно ведетъ къ паденію заработка. Нѣтъ, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины пониженіе цѣны рабочей силы и относительное ухудшеніе положенія рабочаго можетъ сопровождаться повышеніемъ его платы.»

Между тѣмъ Марксъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи цѣнности, ни въ коемъ случаѣ не могъ говорить о пониженіи цѣны *рабочей силы* въ связи съ повышеніемъ *заработной платы*, онъ могъ говорить и дѣйствительно говорилъ, что поденная, понедѣльная плата и т. д. можетъ оставаться, или даже повышаться, хотя *цѣна труда* будетъ понижаться. Это можетъ получиться въ томъ случаѣ, если при сохраненіи старой заработной платы, число рабочихъ часовъ въ день будетъ увеличено: тогда за каждый часъ работы капиталистъ заплатитъ меньше, но отъ этого не понизится, какъ думаетъ Плехановъ, цѣна и соотвѣтственно цѣнность *рабочей силы*, потому что она, по ученію Маркса, зависитъ не отъ труда, который выполняетъ данный рабочій, а отъ цѣнности продуктовъ, необходимыхъ для его существованія, слѣдовательно, отъ труда рабочихъ, изготовляющихъ эти средства существованія. Повторяемъ, *цѣнность рабочей силы и заработная плата совершенно не зависятъ отъ производимаго данными рабочими труда, а лишь отъ средствъ его существованія.* Благодаря этому фокусу, весь трудъ кажется оплаченнымъ трудомъ. «При барщинномъ трудѣ трудъ крестьянина на самого себя и его принудительный трудъ на помѣщика раздѣляются между собою совершенно осязательно во времени и пространствѣ. При рабскомъ трудѣ даже та часть рабочаго

дня, въ теченіе которой рабъ возмѣщаетъ только цѣнность своихъ собственныхъ средствъ существованія и когда онъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ работаетъ на самого себя, кажется трудомъ на его господина. Весь его трудъ представляется въ видѣ неоплаченнаго труда. При наемномъ трудѣ, наоборотъ, даже прибавочный или неоплаченный трудъ представляется въ видѣ оплаченнаго. Въ одномъ случаѣ отношеніе собственности скрадываетъ трудъ раба на себя самого, въ другомъ денежное отношеніе скрадываетъ даровой трудъ наемнаго рабочаго.

Нетрудно поэтому понять громадную важность превращенія цѣнности и цѣны рабочей силы въ форму заработной платы или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, которая дѣлаетъ *дѣйствительное отношеніе невидимымъ* и показываетъ *прямо противоположное*, покоятся всѣ правовыя представленія рабочаго и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, *всѣ его иллюзіи относительно свободы*, всѣ апологетическія увертки вульгарной экономіи».*)

Вотъ что заключается въ понятіи «продажи рабочей силы».

Буржуазная политическая экономія называетъ капиталиста «работодателемъ». Изъ всѣхъ ея нелѣпыхъ выраженій это, быть можетъ, самое нелѣпое. Даетъ работу или трудъ не капиталистъ, а пролетарій и даетъ ее даромъ, получая лишь средства для новаго воспроизведенія рабочей силы. Получаемая капиталистомъ «прибавочная цѣнность» составляетъ его доходъ и отчасти идетъ на удовлетвореніе его потребностей нормальныхъ и ненормальныхъ, отчасти на воспроизведеніе капитала, превращаясь въ *средства производства* и рабочую силу.

Пролетарій принужденъ сначала продавать свою рабочую силу, такъ какъ «первоначальное накопленіе» лишило его земли и другихъ средствъ производства, а безъ этихъ средствъ онъ не можетъ превратить свою рабочую силу въ трудъ. Трудъ его въ процессѣ воспроизведенія капитала создаетъ машины и массу другихъ средствъ производства, но трудъ его

*) «Капиталъ» томъ I. Пер. подъ ред. Струве, стр. 447, 448.

купленъ капиталистомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи права частной собственности куплены и новыя средства производства.

Владѣніе средствами производства, созданными чужимъ трудомъ и «оживляемыми» въ процессѣ производства чужой, купленной рабочей силой — таковъ главный признакъ современнаго капиталиста.

Первое положеніе нашей программы называетъ классъ капиталистовъ—*буржуазіей*. Мы здѣсь опять-таки слѣдуемъ примѣру «Коммунистическаго Манифеста». Но для выясненія этого понятія, для выясненія классового характера буржуазіи характеристики «Коммунистическаго Манифеста», несмотря на всю ея яркость, *въ настоящее время* недостаточно.

Прежде всего необходимо сговориться относительно понятія общественнаго класса вообще. Не смотря на то, что слово «классъ» въ соціалистической литературѣ встрѣчается на каждомъ шагу, твердо установленнаго и общепринятаго пониманія его до сихъ поръ въ сущности нѣтъ. То же можно сказать о «партіи», «соціальной революціи», даже самомъ «соціализмѣ». Много недоразумѣній, много товарищескихъ и нетоварищескихъ нападокъ исчезло бы, если бы русскіе соціалдемократы и вообще соціалисты выяснили себѣ эти понятія до конца. Время выработки партійной программы, казалось бы особенно благопріятно для выясненія этихъ понятій, но, къ сожалѣнію, у господствующихъ нынѣ минимальныхъ и искрящихся соціалдемократовъ слишкомъ много самоувѣренности, чтобы они могли заняться этой какъ бы соціальной азбукой. Не даромъ ихъ *Минерва*, какъ выразился одинъ изъ минимальныхъ соціалдемократовъ, особенно разносившій нашъ проектъ, *выходитъ* не изъ головы Юпитера, а изъ *«пѣны морской»*.

Карлъ Марксъ не оставилъ точнаго опредѣленія «класса». Въ третьемъ томѣ «Капитала» онъ началъ было изслѣдованіе понятія «класса», но не закончилъ его, прервавъ на самомъ интересномъ и рѣшающемъ мѣстѣ. Каутскій въ своей недавно опубликованной работѣ «О классовыхъ интересахъ» *) пытается закончить это изслѣдованіе Маркса. Онъ приходитъ къ

*) См. «Библіотека Русскаго Пролетарія» № 35.

заключенію, что отдѣльные классы образуются «не только общностью источниковъ дохода, но также и вытекающей изъ нея общностью интересовъ и общностью противоположности къ другимъ классамъ, изъ которыхъ каждый стремится присвоить источники доходовъ другихъ, чтобы сдѣлать доходнѣе свой собственный.»

Вмѣстѣ съ Марксомъ онъ видитъ въ современномъ обществѣ три крупныхъ класса: наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. У нихъ три разныхъ источника дохода: заработная плата, прибыль и поземельная рента, которые при данной величинѣ національнаго дохода могутъ увеличиваться лишь одинъ насчетъ другого. Идеалъ перваго класса, наемныхъ рабочихъ, лежитъ въ будущемъ, идеалъ второго класса, капиталистовъ, лежитъ въ настоящемъ, идеалъ третьяго класса, поземельныхъ собственниковъ, въ прошломъ.

Но Каутскій не можетъ не видѣть также, что классъ капиталистовъ включаетъ въ себѣ представителей промышленнаго, торговаго и денежнаго капитала, причемъ источникъ дохода денежныхъ капиталистовъ, именно, процентъ повышается на счетъ прибыли и такимъ образомъ ставитъ ихъ въ противоположность всѣмъ остальнымъ капиталистамъ. Если-бы Каутскій въ данномъ случаѣ былъ вполнѣ послѣдователенъ, онъ долженъ былъ-бы отказаться отъ указаннаго Марксомъ дѣленія общества на три класса и раздѣлить его на четыре. Но онъ этого не дѣлаетъ и такимъ образомъ самъ нарушаетъ свое собственное опредѣленіе. Но если даже принять четыре класса: наемныхъ рабочихъ, промышленныхъ капиталистовъ, денежныхъ капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ, то все-же останутся обширные слои населенія, не подходящіе ни подъ одинъ изъ этихъ классовъ. Нѣкоторые соціалдемократы, подобно «Группѣ освобожденія труда» и порожденной ею «Искрѣ», говорятъ еще о «высшихъ и низшихъ» классахъ, причемъ къ «низшимъ» причисляютъ, конечно, пролетаріатъ. Можно встрѣтить также указаніе на «образованные классы» къ которымъ пролетаріатъ, конечно, не причисляется.

Намъ кажется, что всей этой путанницы можно избѣжать, если принять ни три, ни четыре класса, не говоря уже объ искровскомъ неопредѣленномъ числѣ

классовъ, а всего лишь два: одинъ, интересамъ котораго противорѣчитъ существующій строй съ современными производственными отношеніями, другой, интересы которыхъ совпадаютъ съ сохраненіемъ существующаго строя и его производственными отношеніями. Въ докапиталистическую эпоху такими двумя классами были буржуазія и крупно-поземельные собственники. Въ настоящее время такими двумя классами являются —пролетаріатъ и буржуазія. Различіе между интересами пролетаріата и интересами буржуазіи несоизмѣримо съ различіемъ между современными поземельными собственниками и промышленными и денежными капиталистами. Разница между пролетаріатомъ съ одной стороны и всѣми категоріями капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ съ другой, такъ сказать—*качественная*. Различіе-же между крупными поземельными собственниками и различными категоріями капиталистовъ лишь *количественное*. Всѣ эти категоріи живутъ эксплуатаціей другихъ и сами не создаютъ никакихъ цѣнностей. Пролетаріатъ же никого не эксплуатируетъ, но самъ эксплуатируется.

Всѣ эти категоріи капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ господствуютъ и дѣлятъ между собою государственную власть, пролетаріатъ же угнетается и борется за уничтоженіе этого господства.

Дѣленіе на классы имѣетъ для насъ смыслъ лишь въ соединеніи съ понятіемъ борьбы и, мы, видимъ, что чѣмъ сильнѣе становится пролетаріатъ, тѣмъ сплоченнѣе становятся его господствующіе противники.

Классы—это борцы, выдѣляющіеся изъ всей остальной массы населенія: изъ нихъ одинъ отстаиваетъ настоящее, другой — расчищаетъ путь для будущаго. И такихъ борцовъ въ настоящее время только два. Классовая физіономія пролетаріата гораздо опредѣленнѣе и выдержаннѣе, чѣмъ классовая физіономія его противника, у котораго феодальныя черты перемѣшались въ настоящее время съ чертами буржуазными. Буржуа многое воспринялъ отъ феодальныхъ поземельныхъ собственниковъ, но феодалъ еще больше приспособился къ буржуазной хитрой механикѣ. Не мало лицъ во всѣхъ странахъ, которыя соединяютъ въ себѣ поземельнаго собственника, денежнаго, промышленнаго и даже торговаго капиталиста. Но тонъ задаетъ элементъ буржуазный,

ибо способъ эксплуатаціи и въ городѣ, и въ деревнѣ— буржуазный, способъ покупки рабочей силы, создающей прибавочную цѣнность. Поэтому классъ, стоящій за существующій общественный строй, мы въ правѣ назвать однимъ словомъ — буржуазіей, что въ настоящее время равнозначуще классу капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Оба эти названія встрѣчаются въ нашей программѣ.

Объединяя различныя категоріи капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ подъ названіемъ буржуазіи, какъ врага пролетаріата, мы не думаемъ, конечно, чтобы они представляли такое же опредѣленное цѣлое, какъ рабочій классъ. Они нерѣдко дерутся между собою изъ за своихъ рентъ, прибылей, процентовъ, и эта драка часто приноситъ нѣкоторую пользу пролетаріату. Марксъ по поводу борьбы англійскихъ промышленныхъ капиталистовъ съ англійской поземельной аристократіей очень кстати приводитъ старую англійскую пословицу, что «когда два вора вцѣпятся другъ другу въ волоса, то изъ этого всегда выйдетъ что-нибудь полезное».

Характерно, что здѣсь онъ не считаетъ крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленную буржуазію двумя отдѣльными классами, а лишь двумя фракціями одного и того же класса.

«И въ самомъ дѣлѣ», — говоритъ онъ, — «громкій, страстный споръ между *двумя фракціями господствующаго класса* о томъ, которая изъ нихъ болѣе безсовѣстно эксплуатируетъ рабочаго, и справа и слѣва помогъ правдѣ выйти наружу*).

Раздоры, выгодные пролетаріату, иногда происходятъ въ одной и той-же «фракціи» промышленнаго капитала. Русское фабричное законодательство развивалось и развивается не только подъ вліяніемъ рабочаго движенія, но и подъ вліяніемъ борьбы интересовъ фабрикантовъ различныхъ районовъ.

Законъ 1-го іюля 1882 года запретившій работу дѣтей до 12-ти лѣтъ отъ роду и ограничившій работу малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12—15 лѣтъ 8-ю часами въ сутки, былъ отчасти, какъ доказываетъ Туганъ-

*) «Капиталъ», I т., стр. 570 (Перев. подъ ред. Струве).

Барановскій, «побѣдой петербургскихъ фабрикантовъ надъ московскими».

Законъ 2-го іюля 1897 года, ограничившій рабочій день взрослыхъ рабочихъ $11^1/_2$ часами, прошелъ *отчасти* подъ вліяніемъ борьбы лодзинскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ съ московскими*).

Законные воры дерутся между собою, но въ минуту серьезной опасности они представляютъ одну шайку, защищающую, при помощи современнаго государства, современный воровской строй.

Итакъ, по нашему мнѣнію, существуетъ лишь два класса: пролетаріатъ и буржуазія. Остальное населеніе не имѣетъ классовой структуры; интересы его огромнаго большинства совпадаютъ съ интересами пролетаріата, но пониманіе этого совпаденія только еще начинаетъ пробуждаться. Во всякомъ случаѣ съ каждымъ днемъ силы «реакціонной массы« убываютъ, силы же пролетаріата могуче ростутъ.

II

Усовершенствованіе техники, дѣлая трудъ болѣе производительнымъ, обусловливаетъ ростъ общественнаго богатства, но оно присваивается классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ первой половинѣ этого положенія мы указываемъ на положительную сторону капиталистическаго производства, на то, что обыкновенно, считаютъ «прогрессомъ». Несомнѣнно, капиталистическое производство стоитъ въ связи съ усовершенствованіемъ техники, усиленіемъ производительности труда и ростомъ общественнаго богатства.

Впервые буржуазія «показала, что въ состояніи создать человѣческая дѣятельность. Она сотворила чудеса совсѣмъ иныя, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе водопроводы и готическіе соборы»**). Само

---

*) См. *Туганъ Барановскій*. «Русская фабрика», 2-ое изд., стр. 428.

**) «Манифестъ Коммунистической Партіи»— Библіотека Русскаго Пролетарія, № 20, стр. 18.

собою разумѣется, что буржуазія руководствовалась при этомъ не идеальными соображеніями, а просто погоней за прибылью.

Капиталисты, конечно, прекрасно знали и знаютъ, что съ ростомъ производительности возрастаетъ масса продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и масса «прибавочнаго продукта», въ которомъ заключается прибавочная цѣнность; они знали и знаютъ также, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ производительности труда идетъ «удешевленіе рабочаго», а это опять таки благопріятно отражается на прибавочной цѣнности. Изъ прибавочной цѣнности образуется и «фондъ накопленія», и «фондъ потребленія». Оба повышаются съ возрастаніемъ производительности труда; капиталистъ можетъ и болѣе накоплять, и болѣе наслаждаться. Такимъ образомъ погоня за прибылью ведетъ къ погонѣ за производительностью труда, а для этого необходимо прежде всего усовершенствованіе техники: примѣненіе къ производству всѣхъ открытій естествознанія, введеніе и усовершенствованіе машинъ и т. д.

Буржуазія «создаетъ» крупную промышленность со всѣми ея «чудесами», но «создаетъ», разумѣется, по-своему, по-буржуазному — чужими нервами и мускулами, чужимъ потомъ и кровью. Она поощряетъ техническій процессъ; но опять таки поощряетъ по своему, по буржуазному, выдавая награды исключительно самой себѣ и обрекая истинныхъ творцовъ его на всевозможныя лишенія.

Кто изобрѣлъ паровую машину? Ремесленникъ, часовщихъ Уаттъ. Кто изобрѣлъ прядильную машину? Цирульникъ Аркрайтъ. Кто изобрѣлъ пароходъ? Ювелирный рабочій, Фультонъ. Кто сдѣлалъ возможной передачу силы посредствомъ электричества на большія разстоянія? Рабочій — электротехникъ Граммъ. Ни одного изъ нихъ нельзя, конечно, назвать капиталистомъ. Не капиталистами были и ученые, открывшіе механическій эквивалентъ теплоты, которые, по словамъ Кропоткина, сдѣлали этимъ больше для развитія крупной промышленности, чѣмъ всѣ капиталисты въ мірѣ. Но главнымъ творцомъ остается масса рабочихъ.

Давъ прекрасную картину цивилизованной страны, съ тысячью шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, съ искусственными гаванями, съ цѣлыми лабиринтами под-

земныхъ галлерей, съ расчищенными лѣсами и съ фруктовыми рощами, съ многочисленными городами, заключающими въ своихъ стѣнахъ сокровища промышленности. искусства и науки, Кропоткинъ говоритъ:*)

«Цѣлыя поколѣнія людей, родившихся и умершихъ въ нищетѣ, униженныхъ и оскорбленныхъ господствующими классами, истомленныхъ трудомъ, завѣщали XIX-му вѣку это огромное наслѣдство...

Милліоны человѣческихъ существъ потрудились для созданія цивилизаціи, которой мы такъ гордимся. Другіе милліоны, разсѣянные по всѣмъ угламъ земного шара, трудятся и теперь для ея поддержанія. Безъ нихъ отъ всего этого черезъ пятьдесятъ лѣтъ остались-бы груды муссора.

Даже мысль, даже геній изобрѣтателя — явленія коллективныя, плодъ прошлаго и настоящаго. Тысяча писателей, поэтовъ, ученыхъ трудились цѣлые вѣка для того, чтобы выработать знаніе, чтобы разсѣять заблужденіе, чтобы создать ту сферу мыслей, безъ которой не могло-бы явиться ни одно изъ чудесъ нашего вѣка. Но эти тысячи поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей были въ свою очередь продукты труда прошлыхъ вѣковъ. И развѣ въ теченіе всей ихъ жизни ихъ не кормили и не поддерживали какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи цѣлые легіоны всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ...

Всякая машина имѣетъ въ своемъ прошломъ... длинную исторію безсонныхъ ночей и нужды, разочарованій и радостей, второстепенныхъ усовершенствованій, изобрѣтенныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, понемногу прибавлявшихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ мелкія подробности, безъ которыхъ самая плодотворная идея остается безплодной».

Что такое «*усовершенствованіе техники*», что такое «*роста производительности труда*», лучше всего показываютъ цифры.

То количество, напр., пряжи, которое въ прежнее время, до введенія машинъ, производили 1.100 рабочихъ, теперь производитъ 1 рабочій. Точно также и число рабочихъ, необходимыхъ для напечатанія опре-

*) «Хлѣбъ и Воля», стр. 5 и слѣд.

дѣленнаго количества листовъ, сократилось въ тысячу разъ.

Въ *одинъ часъ* въ настоящее время отпечатываютъ столько же, сколько раньше успѣвали отпечатать въ *100 дней*. *)

Цѣна транспорта съ введеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, напр., понизилась въ 20 разъ.

Въ 1837 году въ Пруссіи было 423 паровыхъ машины *въ 7500* лошадиныхъ силъ; въ 1879 году двигательная сила прусскихъ паровыхъ машинъ выражалась уже 934.884 лошадиными силами; въ 1897 г.—2.881.799 лош. силъ. Десять лѣтъ тому назадъ работа, производимая паровыми машинами всего міра, равнялась 200 милльонамъ лошадиныхъ силъ или замѣняла работу *тысячи милльоновъ* людей. **) И съ тѣхъ поръ ростъ паровыхъ машинъ и ихъ силъ шелъ съ прогрессивной быстротой.

Для характеристики роста продуктивности труда въ сельскомъ хозяйствѣ самыя эффектныя иллюстраціи даютъ западныя хозяйства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудъ одного рабочаго при посредствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и пары лошадей даетъ 6.200 пудовъ хлѣба въ одно лѣто.

Одна машина въ однѣ сутки жнетъ, обмолачиваетъ, провѣиваетъ и упаковываетъ пшеницу съ 25 десятинъ.

Такихъ поразительныхъ цифръ можно привести безконечное множество изъ всѣхъ отраслей промышленности и изъ всѣхъ капиталистическихъ странъ. И даже наша Россія лѣтъ 15 тому назадъ могла «гордиться» *самымъ колоссальнымъ* гидравлическимъ прессомъ для стали, который производилъ *давленіе въ полмилльона пудовъ*. ***)

У капиталиста аппетитъ едва-ли худшій, чѣмъ у «короля и церкви», но все-же онъ не въ состояніи пожирать того, что создаетъ ему пролетарій при по-

---

*) См. *Сеньобосъ*. «Политическая исторія современной Европы». 3-е изд., т. II, стр. 560 и слѣд.

**) *Каутскій*. «Эрфуртская программа», стр. 9.

***) «Die Neue Ziet», IX Jahrgang. «Jm Zeitalter des Stahls» von Zerbst, стр. 218.

мощи машинъ. Значительная часть добавочнаго продукта сберегается, образуя богатство, которое можно назвать общественнымъ не только потому, что оно создано трудомъ трудящагося общества, т. е. главнымъ образомъ пролетаріатомъ, но и потому, что въ концѣ концовъ оно будетъ вырвано изъ рукъ присвоившихъ его капиталистовъ и возвращено всему обществу.

Можно только приблизительно представить себѣ величину этихъ накопленныхъ богатствъ. По приблизительному вычисленію извѣстнаго англійскаго статистика Мюльгаля общее ежегодное сбереженіе всего міра равняется приблизительно 12 милліардамъ франковъ. Это, конечно, очень приблизительно, и дѣйствительная цифра значительно превышаетъ вычисленную Мюльгалемъ. Надо, впрочемъ, отличать дѣйствительное сбереженіе отъ фиктивнаго. Къ сбереженіямъ относятъ и государственные долги, образовавшіеся, конечно, главнымъ образомъ изъ добавочнаго капитала, изъ прибавочной цѣнности, созданной рабочими, но удержанной капиталистами и затѣмъ отчасти переданной своему исполнительному органу — государству. Только часть этого долга покрывается государственными желѣзными дорогами, общественными зданіями и другими полезными учрежденіями, представляющими дѣйствительно богатство. Другая-же, быть можетъ, болѣе значительная часть поглощена тратами непроизводительными, преимущественно на войну и на вооруженный миръ.

Болѣе реальными сбереженіями, чѣмъ государственные долги, является капиталъ, вложенный въ обрабатывающую промышленность. Поучительныя цифры въ этомъ отношеніи даютъ промышленныя переписи (цензы) Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1880 году этотъ капиталъ составлялъ 2.790 милліоновъ долларовъ; въ 1890 — 6.524 мил. дол. и въ 1900 году—9.854 м. дол., т. е. около 20 милліардовъ рублей. Извѣстное представленіе о ростѣ общественнаго богатства даетъ также развитіе желѣзнодорожныхъ вѣтвей и торговаго флота. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1890 году общая длина рельсовыхъ путей составляли 268.409 кил., къ концу 1901 года—317.354 кил. Въ Россіи: въ 1890 году —30.957 кил.; въ 1901 г. — 63.194 кил. На всемъ зем-

номъ шарѣ въ 1890 году—617.285 кил., въ 1901 году—816.755 кил. Капиталъ, вложенный въ желѣзнодорожныя сооруженія въ Сѣверо-Американзкихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1895 году, равнялся приблизительно 23 милліардамъ рублей, въ 1900 году болѣе чѣмъ 24 милліардамъ рублей. Торговый флотъ Британской имперіи въ 1900 г. состоялъ изъ 22.701 паруснаго судна и 13.282 пароходовъ, вмѣщавшихъ въ общемъ 11.120.388 тонъ, или болѣе 560 милліоновъ пудовъ. Въ германскомъ торговомъ флотѣ въ 1871 году было лишь 147 пароходовъ, вмѣщавшихъ 81.994 тонны, въ 1902 г. — 1.463 парохода, вмѣщавшихъ 1.506.059 тоннъ, т. е. за 31 годъ транспортная собственность коммерческаго флота Германіи увеличилась почти въ 20 разъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы придать, такъ сказать, конкретную форму словамъ о «ростѣ общественнаго богатства».

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ нашего положенія, къ «присвоенію общественнаго богатства классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ».

Въ проектѣ программы «Жизни» эта часть второго положенія была формулирована немного иначе; тамъ было указано, что «общественное богатство присваивается *постепенно уменьшающимся въ своемъ числѣ* классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ» Сначала мы перенесли эту формулировку въ нашъ проектъ безъ всякихъ измѣненій, но теперь рѣшаемся выкинуть слова «постепенно уменьшающимся въ своемъ числѣ». Мы дѣлаемъ это отчасти подъ вліяніемъ замѣчаній на нашъ проектъ представителя Бельгійской рабочей партіи Эмиля Вандервельда, которыя онъ любезно прислалъ намъ по нашей просьбѣ. Вопросъ о томъ уменьшается-ли или не уменьшается число капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, послѣ появленія извѣстной книги Бернштейна, вызывалъ очень много споровъ, при чемъ рѣшенію его въ ту или другую сторону придавалось слишкомъ много значенія. При внимательномъ разсмотрѣніи дѣло совсѣмъ не такъ важно для успѣха рабочаго движенія, какъ это многимъ кажется.

Въ концѣ 24-ой главы I тома «Капит. ла», давая сжатый очеркъ историческаго генезиса капитала,

Карлъ Марксъ говоритъ между прочимъ: «Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія (вытѣсненія частной собственности, добытой собственнымъ трудомъ, капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого труда) уже достаточно и въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда — въ капиталъ, послѣ того, какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая эксплуатація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріаціи уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ централизаціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ избиваетъ многихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развивается кооперативная форма труда» и т. д. Нѣсколькими строками ниже Марксъ прибавляетъ, что «вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты» и т. д.

Здѣсь Марксъ прямо говоритъ объ уменьшеніи числа капиталистовъ и *съ перваго взгляда* кажется, что онъ противорѣчитъ тому, на что онъ самъ-же указывалъ въ 23 главѣ, разъясняя всеобщій законъ капиталистическаго накопленія:

«Возрастаніе общественнаго капитала происходитъ посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ ростъ индивидуальныхъ капиталовъ, а съ нимъ и концентрація средствъ производства, происходятъ въ пропорціи, соотвѣтствующей долѣ каждаго индивидуальнаго капитала въ совокупномъ общественномъ ка-

питалѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ первоначальнаго капитала откалываются куски, которые функціонируютъ какъ первые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имуществъ въ семействахъ капиталистовъ. *Съ накопленіемъ капитала возрастаетъ поэтому болѣе или менѣе число капиталистовъ.* Два обстоятельства характеризуютъ этотъ ходъ концентраціи, непосредственно покоящійся на накопленіи или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ: ростъ концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ индивидуальныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограниченъ степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ: часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкурирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и тоже время на многихъ пунктахъ, но и возрастаніе функціонирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны ростущею концентраціей средствъ производства и ростущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны — взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.»

Итакъ съ одной стороны Марксъ утверждаетъ, что число капиталистовъ уменьшается, съ другой, — что число капиталистовъ увеличивается. Противорѣчіе, повторяю, *съ перваго взгляда*, неразрѣшимое.

Во время споровъ противники обыкновенно ссылались то на одно изъ этихъ мѣстъ, то на другое. Лица, старавшіяся разбить ортодоксальный марксизмъ и самого Маркса, приводили лишь конецъ 24 главы съ утвержденіемъ о ростѣ капиталистовъ и противоставляли ему недостаточно продуманныя цифры подоходной статистики, доказывающія, что «число имущихъ» увеличивается. Марксъ обвинялся при этомъ въ игнорированіи дѣйствительности, въ построеніи своихъ положеній не индуктивнымъ путемъ, не путемъ изученія точныхъ фактовъ, а путемъ діалектическимъ,

который при этомъ обыкновенно отождествлялся съ путемъ метафизическимъ. На это обвиненіе, нелѣпость котораго очевидна для всякаго безпристрастнаго читателя произведеній Маркса, лучше всего отвѣчаетъ самъ авторъ «Капитала» въ предисловіи ко второму его изданію. Приведя выдержки изъ рецензіи на «Капиталъ» русскаго статистика и экономиста И. И. Кауфмана, Марксъ прибавляетъ: «Авторъ очень мѣтко и, поскольку дѣло идетъ о сдѣланномъ мною лично приложеніи очень благосклонно изображаетъ здѣсь то, что онъ называетъ моимъ дѣйствительнымъ методомъ. Но вѣдь это не что иное, какъ діалектическій методъ.

Правда, способъ изложенія долженъ формально отличаться отъ способа изслѣдованія. Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удается и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что передъ нами апріорная конструкція.

Мой діалектическій способъ въ своемъ основаніи не только отличается отъ гегелевскаго, но даже составляетъ прямую его противоположность. Для Гегеля процессъ мысли, который онъ, подъ именемъ идеи превращаетъ даже въ нѣчто самостоятельное, является деміургомъ дѣйствительности, представляющей лишь внѣшнее его обнаруженіе. Для меня же идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ.»

Несомнѣнно, строгіе критики Маркса не умѣютъ въ немъ разобраться, не умѣютъ отдѣлить методъ изслѣдованія отъ формы изложенія, но передъ лицомъ той массы фактовъ дѣйствительности, которые собраны въ «Капиталѣ», все же удивительна смѣлость тѣхъ, которые рѣшаются утверждать, что Марксъ игнорировалъ дѣйствительность. Нѣтъ, Марксъ, можно сказать, погружался въ дѣйствительность, онъ погружался, вооруженный великимъ методомъ, почерпнутомъ изъ изученія законовъ вселенной, методомъ, которымъ руководствовались всѣ великіе умы, всѣ мыслители, во всѣхъ областяхъ знанія, методомъ, заключающимся

въ томъ, чтобы брать явленіе въ его развитіи, методомъ, вытекающимъ изъ той простой истины, что міръ представляетъ изъ себя не совокупность готовыхъ вещей, а рядъ процессовъ. Этотъ методъ Марксъ называлъ діалектическимъ. Кому не нравится это названіе, тотъ можетъ выбрать другое, но оспаривать правильность его болѣе, чѣмъ трудно.

Но все это лишь попутно. Вернемся къ противорѣчію убыли и роста капиталистовъ.

Если противники Маркса ссылаются лишь на то мѣсто «Капитала», которое говоритъ объ убыли капиталистовъ, то защитники его обыкновенно сознательно или безсознательно игнорируютъ это мѣсто, выдвигая лишь утвержденіе о ростѣ числа капиталистовъ. Такъ, напримѣръ, дѣлаетъ Бебель въ своей извѣстной Ганноверской рѣчи противъ Бернштейна.*) Само собой разумѣется, необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ отнестись къ обоимъ указаннымъ мѣстамъ «Капитала». И мы не побоимся сказать, что оба эти мѣста вѣрны, что противорѣчіе между ними лишь кажущееся.

Въ одномъ мѣстѣ Марксъ характеризуетъ одну стадію развитія капитализма, въ другомъ — другую. Число капиталистовъ ростетъ, пока въ накопленіи капитала большую роль играетъ еще экспропріація частной собственности, добытой собственнымъ трудомъ; убыль же числа капиталистовъ начинается тогда, когда эта стадія экспропріаціи уже закончена или заканчивается, и крупные хищники начинаютъ экспропріировать и уничтожать болѣе мелкихъ хищниковъ. Само собой разумѣется, что на ряду съ этой *экспропріаціей* продолжается *эксплуатація* пролетаріата.

Въ міровомъ хозяйствѣ капитализмъ одновременно переживаетъ различныя стадіи. Въ однѣхъ странахъ экпропріирующей способности капитала—еще раздолье въ области экспропріаціи, въ области частной собственности, добытой своимъ трудомъ, въ другихъ крупному капиталу приходится сосредоточиться на пожираніи мелкихъ капиталовъ; въ нѣкоторыхъ странахъ развитіе промышленнаго капитала въ самомъ разгарѣ, въ другихъ оно вытѣсняется развитіемъ капитала денежнаго и т. д. Но и въ одной и той же

*) См. «Жизнь» 1902 г., № 1.

странѣ въ различныхъ областяхъ промышленности капиталъ переживаетъ различныя стадіи, такъ что и въ предѣлахъ одной страны увеличеніе числа капиталистовъ сталкивается съ ихъ убылью.

Во всякомъ случаѣ, при рѣшеніи этого вопроса, надо различать капиталистовъ отъ имущихъ, производство отъ распредѣленія, капиталистовъ, не только потребляющихъ доходъ, но и воспроизводящихъ капиталъ, отъ капиталистовъ, участвующихъ лишь въ распредѣленіи дохода, потребляющихъ его, но не воспроизводящихъ капитала. Наконецъ необходимо имѣть въ виду все капиталистическое общество во всѣхъ странахъ со всѣми отраслями производства, а не отдѣльныя его части.

У критиковъ Маркса, каковы Бернштейнъ, Черкезовъ *) и многіе другіе, царитъ въ этомъ отношеніи величайшая путаница, они не разбираются въ стадіяхъ развитія капитализма, переживаемыхъ обществомъ одновременно. Они понятіе «капиталисты» постоянно подмѣниваютъ понятіемъ «имущіе» и наоборотъ. Они опираются, главнымъ образомъ, на подоходную статистику Англіи, не считаясь со своеобразнымъ характеромъ ея современнаго капитализма.

Остановимся прежде всего на этомъ послѣднемъ пунктѣ.

Англія переживаетъ въ настоящее время натишье въ развитіи не только сельскохозяйственной, но и обрабатывающей промышленности; процвѣтаетъ въ ней, главнымъ образомъ, капиталъ денежный, которымъ она ссужаетъ другія страны. Ея «общественное богатство» растетъ теперь преимущественно на счетъ промышленнаго развитія другихъ странъ, гдѣ ея деньги двигаютъ фабрично-заводское производство и насчетъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ своихъ колоній, главнымъ образомъ, Индіи.

Въ своей интересной работѣ «Fields, Factories and Work-shops», Кропоткинъ указываетъ, что англійскими капиталистами въ иностранную промышленность и иностранные займы вложено около 2-хъ милліардовъ фунтовъ стерлинговъ или 20 милліардовъ рублей, проценты на которые идутъ изъ прибавочной цѣнности,

*) См. «Наканунѣ» 1899 г., № 2 и 3.

выжимаемой изъ пролетаріевъ другихъ странъ. Онъ-же указываетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ волна промышленнаго развитія отхлынула отъ Англіи и катится все болѣе на востокъ. Англія становится ссудной кассой для остальной Европы, и въ ней въ настоящее время господствуютъ поэтому условія крайне благопріятныя для увеличенія числа капиталистовъ-процентщиковъ. Своеобразный характеръ англійскаго капитализма въ современной его стадіи не ускользнулъ и отъ вниманія Маркса.

«Одной Индіи»,—писалъ Марксъ въ III т. «Капитала», — приходится платить 5 милліоновъ фунтовъ ежегоднаго трибута за «хорошее правительство» и какъ проценты и дивиденды на британскій капиталъ и т. д., причемъ здѣсь еще не приняты во вниманіе суммы, которыя ежегодно посылаются въ Англію отчасти чиновниками, какъ сбереженіе изъ ихъ жалованья, отчасти англійскими купцами, какъ часть ихъ прибылей. Изъ каждой британской колоніи по тѣмъ-же причинамъ постоянно получается большія денежныя посылки. Большинство банковъ въ Австраліи, Вестъ-Индіи, Канадѣ основано британскимъ капиталомъ, дивиденды приходятся платить въ Англіи. Точно также Англія владѣетъ множествомъ иностранныхъ государственныхъ бумагъ европейскихъ, сѣверо и южно-американскихъ, съ которыхъ она получаетъ проценты, къ этому присоединяется еще ея участіе въ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, копяхъ и т. д., съ соотвѣтствующими дивидендами...» *)

Разумѣется, при такомъ обильномъ денежномъ дождѣ, падающемъ со всѣхъ частей свѣта на Британскій островъ, тамъ, какъ грибы, должны расти «имущіе», но не промышленные капиталисты, и *этотъ ростъ скрываетъ экспропріацію крупными промышленными капиталистами мелкихъ промышленниковъ-капиталистовъ.*

Но и въ Англіи число крупныхъ богачей сравнительно съ ростомъ населенія, а главное съ ростомъ общественнаго богатства, попадающаго въ ихъ руки, увеличивается очень незначительно.

Изъ чиселъ, приводимыхъ Черкезовымъ для уни-

*) «Das Kapital». B. III, S. 130.

чтоженія Маркса, видно, что за двадцать лѣтъ съ 1869 по 1889 г. число лицъ, получавшихъ въ годъ 50.000 фунтовъ стерлинговъ *и болѣе*, увеличилось съ 52 до 79. Чтобы понять, что значитъ это небольшее увеличеніе, необходимо было бы знать дѣйствительную сумму состоянія каждаго изъ нихъ, по сравненію съ ростомъ всего богатства страны; но этихъ данныхъ у насъ нѣтъ.

Если мы изъ Англіи перенесемся въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, то мы увидимъ, что тамъ пятью капиталистами-магнатами—Рокфеллеромъ, Гариманомъ, Піермонтомъ Морганомъ, Вандербильтомъ и Гульдомъ, захвачена въ свои руки большая часть каменоугольныхъ районовъ Сосдиненныхъ Штатовъ, всѣ желѣзныя дороги, ведущія въ эти районы, большая часть областей, доставляющихъ желѣзную руду, а затѣмъ и всѣ громадныя учрежденія для ея обработки, для производства желѣза, стали и тѣхъ продуктовъ, которые изготовляются изъ этихъ металловъ. Они-же монополизировали весь керосинъ, имъ принадлежитъ значительная часть золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ копій и средства передвиженія и освѣщенія многихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ; у нихъ цѣлый флотъ океанскихъ судовъ и т. д.

Представьте себѣ сколько мелкихъ капиталистовъ должно было быть «избито», сведено на нуль, подчинено при этомъ захватѣ промышленнаго господства этими пятью капиталистами—королями. И изъ этихъ пяти королей уже выдѣляется императоръ, мистеръ Морганъ, полновластный распорядитель международнаго судоходнаго треста, стремящійся наложить свою властную руку уже и на капиталистовъ европейскихъ.

Въ менѣе поразительныхъ размѣрахъ подобное же явленіе можно замѣтить и въ другихъ странахъ, гдѣ промышленность находится въ полномъ расцвѣтѣ. Повсюду люди, стоящіе ближе къ промышленной жизни могутъ наблюдать избіеніе мелкихъ капиталистовъ крупными, но это явленіе не улавливается или плохо улавливается современной статистикой. Число господствующихъ въ промышленности, на денежномъ рынкѣ и даже въ поземельной собственности уменьшается. Но имъ требуется много всевозможныхъ слугъ: слугъ — чиновниковъ, слугъ — депутатовъ,

слугъ — журналистовъ, слугъ — техниковъ и т. д. На долю этихъ слугъ выпадаютъ хорошіе доходы и они, конечно, увеличиваютъ число «имущихъ». Но вполнѣ причислить ихъ къ классу капиталистовъ врядъ ли возможно, они лишь примыкаютъ къ нему.

Въ основныхъ своихъ чертахъ, тенденція капиталистическаго развитія, указанная Марксомъ, не опровергается, а подтверждается современнымъ развитіемъ; и развитіе классовой противоположности, что представляетъ для насъ особенную важность, нисколько не нарушается отъ того, что число лицъ, получающихъ хорошіе доходы, въ нѣкоторыхъ странахъ нѣсколько увеличивается.

Можно предвидѣть, что съ развитіемъ капитализма въ пока еще отсталыхъ странахъ денежный дождь перестанетъ падать на Британскій островъ, и тогда на его денежномъ рынкѣ, на его биржѣ начнется усиленное пожираніе мелкихъ ростовщиковъ. Это послѣднее на Лондонской биржѣ совершается уже и теперь, хотя не въ такой степени, какъ на биржахъ Парижской или Петербургской, и оно называется.... «игрой».

Маркса цифры Бернштейновъ и Черкезовыхъ не убиваютъ, но въ виду того, что въ міровомъ капиталистическомъ хозяйствѣ въ настоящее время одновременно совершаются два процесса, одинъ, увеличивающій число капиталистовъ, а другой—уменьшающій ихъ число, и въ виду того, что несомнѣнно нѣсколько увеличивается число лицъ съ хорошимъ потребительнымъ доходомъ, лицъ, хотя и не участвующихъ въ «воспроизведеніи капитала», но во всякомъ случаѣ примыкающихъ къ классу капиталистовъ, въ виду всего этого, программа не можетъ утверждать, что классъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ уменьшается въ своемъ числѣ. Да это, повторяю, и не слишкомъ важно. Важно то, что число пролетаріевъ безостановочно ростетъ и что общественное богатство присваивается Морганами, Ротшильдами, Круппами и Морозовыми.

Этого не отрицаетъ и Черкезовъ, доказывающій, что число *бѣдныхъ въ Англіи* за 50 лѣтъ съ 1845 по 1894 г. возросло на 9 милліоновъ.

Что же значитъ сравнительно съ этою колоссаль-

ною цифрою увеличеніе числа крупныхъ богачей съ 52 до 79 въ теченіе двадцати лѣтъ!

А возьмите теперь «красное королевство» Саксонію, гдѣ, какъ показали послѣдніе выборы на 5 человѣкъ 3 соціалдемократа; въ этой типичной капиталистической странѣ, гдѣ капитализмъ приближается къ своему «отрицанію», число лицъ, получающихъ въ годъ менѣе 400 марокъ, т. е. менѣе 200 руб. съ 1882 по 1895 г., увеличилось на 141.101 человѣкъ, но за то ежегодный доходъ самого крупнаго саксонскаго богача поднялся съ 2.570.000 марокъ до 3.625.000 марокъ.

III

Вслѣдствіе этого въ буржуазномъ обществѣ все глубже развивается противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и возрастающею производительностью его труда, все больше становится разстояніе между имущими и неимущими, все рѣзче появляется несоотвѣтствіе между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ.

Это положеніе отчасти пояснено уже тѣмъ, что мы только что говорили о ростѣ общественнаго богатства. Намъ теперь приходится пояснять не столько сущность основного противорѣчія капиталистическаго строя, противорѣчія между богатствомъ праздныхъ и бѣдностью трудящихся, сколько ту формулировку, которую даетъ этому противорѣчію наша программа. Эта формулировка отличается отъ формулировки обычной тѣмъ, что въ ней не говорится ни о нищетѣ, ни о вырожденіи, ни объ одичаніи рабочаго класса. Въ ней нѣтъ сгущенности темныхъ красокъ, въ ней нѣтъ обвинительнаго акта противъ капиталистическаго строя, что, какъ справедливо думаетъ Каутскій, совсѣмъ не составляетъ задачи соціалдемократической программы.

Мы формулируемъ не «теорію нищеты», а тѣ явленія общественнаго развитія, которыя вызываютъ революціонное недовольство пролетаріата, которыя побуждаютъ его стремиться къ измѣненію существующаго строя.

Вся наша программа проникнута сознаніемъ, что значеніе пролетаріата, вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго строя повышается, а не понижается, что тенденція капитала — подчинить себѣ трудъ, встрѣчается съ тенденціей труда — подчинить себѣ капиталъ, что тенденція вырожденія встрѣчается съ болѣе могучею тенденціею — возрожденія и, что въ концѣ концовъ одичаніе не на сторонѣ класса рабочихъ, а на сторонѣ класса капиталистовъ.

Мы указываемъ въ согласіи съ Вѣнскою программою австрійскихъ соціалдемократовъ на противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и ростомъ производительности его труда, но мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма положеніе рабочаго класса абсолютно ухудшалось; условія жизни промышленнаго пролетаріата въ настоящее время лучше, чѣмъ были нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и онѣ, конечно, неизмѣримо лучше положенія крѣпостныхъ и рабовъ, особенно, если помнить, «что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ». Но съ другой стороны, несомнѣнно положеніе трудящихся было-бы неимѣримо лучше, если бы результатами возростающей производительности ихъ труда пользовались и распоряжались они сами, а не буржуазія и ея государство. Промышленный пролетаріатъ съ каждымъ днемъ сознаетъ это все больше и больше, и вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ ростетъ его революціонность и сила.

«Товарищи, — обращался къ делегатамъ Вѣнскаго партейтага Викторъ Адлеръ, — вы живете среди рабочихъ, вы близко знаете условія ихъ жизни. Обратитесь къ прошлому и скажите мнѣ: получается-ли у васъ впечатлѣніе, что жизнь рабочихъ теперь хуже, чѣмъ десять лѣтъ назадъ и что рабочіе глубоко убѣждены въ томъ, что черезъ десять лѣтъ положеніе ихъ еще болѣе ухудшится?... Я спрашиваю особенно товарищей изъ крупныхъ промышленныхъ отраслей, дѣйствительно-ли жизненное положеніе рабочихъ у нихъ хуже, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ; спросите нашихъ рабочихъ перемѣнили-ли бы они все свое теперешнее жизненное положеніе на то, какимъ оно было десять лѣтъ тому назадъ?...» «Я агитаторъ,— говорилъ Адлеръ дальше, — мнѣ приходилось говорить въ сотняхъ со-

браніяхъ. и я никогда не говорилъ рабочимъ: вамъ съ каждымъ днемъ становится хуже, миновали хорошіе дни. Эти *филистерскія жалобы* о худыхъ временахъ я предоставляю другимъ. Я, напротивъ, старался вызвать раздраженіе: посмотрите, какъ выглядитъ міръ, какъ растетъ богатство, которое вы производите, и посмотрите, что вамъ достается; въ лучшемъ случаѣ — крохи, дающія вамъ возможность жить нѣсколько лучше, но эти крохи не выдерживаютъ сравненія съ тѣмъ, что вы могли-бы имѣть.

Это *противорѣчіе* и является динамитомъ, революціоннымъ взрывчатымъ веществомъ въ каждомъ мозгу, а совсѣмъ не *нищета. (Апплодисменты).* Одна нищета можетъ, пожалуй, сдѣлать пьяницу, не больше (восклицаніе: *совершенно вѣрно!*); но революціонера дѣлаетъ убѣжденіе, что эта нищета не является необходимой, революціонера дѣлаетъ указанное противорѣчіе. Я не говорю: вамъ становится все хуже, я стараюсь пробудить въ рабочихъ аппетитъ къ богатствамъ, которыя ихъ окружаютъ, и при этомъ я говорю имъ: вамъ-же живется нѣсколько лучше, потому что вы организованы, потому что вы соціалдемократы. Ваше положеніе уже совсѣмъ другое, чѣмъ раньше, но вамъ еще многого не достаетъ, чтобы было такъ хорошо, какъ другимъ.» (*Оживленное одобреніе).*

Вотъ, что значитъ указанное нами «противорѣчіе между жизненнымъ уровнемъ промышленнаго пролетаріата и возрастающею производительностью его труда». Мы говоримъ далѣе, что «разстояніе между имущими и неимущими все возрастаетъ». Это само собою вытекаетъ изъ экспропріирующей способности капитала, о которой мы уже достаточно говорили. Наконецъ, третье положеніе программы говоритъ о «все рѣзче проявляющемся несоотвѣтствіи между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ». Это несоотвѣтствіе въ своемъ развитіи имѣетъ, конечно, огромное революціонное значеніе и объясняется, опять-таки не нищетою, а нравственнымъ и умственнымъ ростомъ промышленнаго пролетаріата. Если-бы пролетаріатъ впадалъ все больше и больше въ матеріальную и духовную нищету, тогда бы не могли возрастать его потребности, и тогда противорѣчія капиталистическаго строя скорѣе вели бы къ полному

вырожденію цивилизованнаго общества, а не къ его соціалистическому возрожденію.

Такое представленіе о вліяніи развитія буржуазнаго общества на положеніе промышленнаго пролетаріата не совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ «Капитала» Маркса, которое обыкновенно считается обоснованіемъ, такъ называемой, «теоріи обнищанія».

«Наконецъ, законъ,—говоритъ Марксъ въ главѣ о «Всеобщемъ законѣ капиталистическаго накопленія», — который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія или промышленной резервной арміей и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Законъ этотъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соотвѣтствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала».

Если это мѣсто взять отдѣльно, внѣ связи со всѣмъ ученіемъ Маркса, то оно кажется невѣрнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности промышленный пролетаріатъ не «принижается», напротивъ его сила и экономическая мощь постоянно возрастаютъ, какъ наэто указываетъ, напримѣръ, Каутскій. *)

Марксъ разумѣется видѣлъ эту тенденцію къ возрастанію силы пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, и на ряду съ вышеприведеннымъ мѣстомъ о накопленіи богатства на одномъ полюсѣ, и накопленіи нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, мы въ томъ же «Капиталѣ» встрѣчаемъ слѣдующее утвержденіе: «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, раб-

*) См. *К. Каутскій.* «Классовые интересы». Библіотека Русскаго Пролетарія», № 35.

ства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возростающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства».

Здѣсь прекрасно подчеркнутъ второй изъ упомянутыхъ нами «законовъ», а именно возрастаніе силы пролетаріата, но это указаніе слишкомъ ослабляется вторичнымъ упоминаніемъ о нищетѣ, вырожденіи, рабствѣ и т. д.

Намъ кажется, что можно оставаться вѣрнымъ ученикомъ Маркса и находить въ то же время, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Капитала» соотношеніе между развитіемъ современнаго общества и развитіемъ пролетаріата формулировано не совсѣмъ точно. Вѣрный другъ Маркса и одинъ изъ лучшихъ его истолкователей Энгельсъ писалъ въ 1890 г. Каутскому: «Невѣрно, что нищета пролетаріевъ становится все больше. Ростъ организаціи быть можетъ создаетъ препятствіе росту нищеты, но что несомнѣнно ростетъ — это необезпеченность существованія пролетаріевъ.»

Это заявленіе, конечно, не совпадаетъ съ первымъ изъ мѣстъ, приведенныхъ нами изъ «Капитала» Маркса.

Другой извѣстный истолкователь Маркса, Каутскій, говоритъ объ экономической мощи пролетаріата и понимаетъ усиленіе нищеты лишь въ смыслѣ тенденціи.

Но что значитъ усиленіе нищеты, въ смыслѣ тенденціи? Это лишь значитъ, что развитіе капитализма создаетъ условія, которыя вели-бы къ прогрессивному обнищанію пролетаріата, но дѣйствіе этихъ условій чѣмъ-то парализуется. Чѣмъ-же? Другими условіями, создаваемыми тѣмъ-же капиталистическимъ строемъ, а именно ростущею организаціею пролетаріата.

По поводу «теоріи обнищанія» въ соціалистической литературѣ всѣхъ странъ велись ожесточенные споры не менѣе, чѣмъ по поводу убыли или роста капиталистовъ. Въ результатѣ этихъ споровъ для большинства учениковъ Маркса, кажется, выяснилось, что «теоріи обнищанія» не существуетъ.

Еще въ 1899 году Бебель въ своей рѣчи противъ Бернштейна заявилъ, что «ни у Маркса, ни у Энгельса,

ни у Лассаля, ни у Родбертуса нѣтъ такъ называемой теоріи обнищанія, по которой нищета массъ усиливается вмѣстѣ съ усиленнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства».

Не выяснилъ себѣ этого вопроса, кажется, одинъ лишь русскій истолкователь Маркса — Плехановъ, который въ N⁰ 2-3 «Зари» посвятилъ «теоріи обнищанія» чрезвычайно путанную статью, гдѣ видимо старается доказать буквальную вѣрность каждаго слова «Капитала» по этому поводу. Читая эту статью, никакъ не можешь понять, какой въ сущности точки зрѣнія на вопросъ объ обнищаніи матеріальномъ и духовномъ пролетаріата держится самъ авторъ ея? Сначала какъ будто онъ признаетъ, что положеніе пролетаріата абсолютно улучшается, что обнищаніе его можно понимать лишь въ относительномъ смыслѣ, сравнительно съ обогащеніемъ капиталистовъ, затѣмъ, оказывается, что обнищаніе совсѣмъ не относится къ промышленному пролетаріату, и что Марксъ здѣсь имѣлъ въ виду лишь «лумпенпролетаріатъ», но въ концѣ концовъ выходитъ, что все-же положеніе промышленнаго пролетаріата во всѣхъ отношеніяхъ ухудшается и что пролетаріатъ принижается.

«Пролетаріатъ,—говоритъ Плехановъ, — находился въ положеніи человѣка, плывущаго противъ могучаго теченія: если бы онъ безъ сопротивленія отдался силѣ воды, то его понесло бы *очень далеко* назадъ; но онъ сопротивлялся; онъ старался подвинуться впередъ, и потому теченіе отодвинуло его назадъ *не такъ далеко*, какъ *могло бы* отодвинуть; но *оно все таки отодвинуло его*, потому что *оно все таки было гораздо сильнѣе*».

Критикуя Струве, Плехановъ вспоминаетъ, что у Ибсена тролли предлагаютъ Пееру Гюнту слегка помять ему лѣвый глазъ. «Ты будешь, правда, слегка косить послѣ этого, — успокоительно прибавляетъ ихъ глава, — но все, что не представится твоему взору, покажется тебѣ прекраснымъ и отраднымъ». Надъ нашимъ критикомъ, — прибавляетъ Плехановъ, — подобная же операція сдѣлана была *школой Брентано*, свято хранящей традицію Кэри-Бастіа».

Надъ нашимъ почтеннымъ критикомъ критика, — скажемъ мы отъ себя,—кто-то совершилъ еще болѣе злую

операцію: у него помяты оба глаза, такъ что, въ то время, какъ одинъ глазъ видитъ все отраднымъ и прекраснымъ, другому все представляется мрачнымъ и безнадежнымъ. Вообще зрѣніе Плеханова нельзя назвать вполнѣ нормальнымъ, иначе не могло бы произойти слѣдующаго казуса: на стр. 140 извѣстныя слова Маркса о «нищетѣ» приведены совершенно правильно, а именно: «Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ, — т. е. на сторонѣ класса, *производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала*,—накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубенія и нравственнаго униженія»; на стр. же 150 та же цитата появляется уже безъ словъ, въ первомъ случаѣ подчеркнутыхъ самимъ критикомъ критика «о классѣ, производящемъ свой собственный продуктъ въ видѣ капитала», но, вѣроятно, въ видѣ компенсаціи за это исчезновеніе подчеркнуты всѣ остальныя слова. Еслибъ не произошло этого фокуса, Плехановъ не могъ бы утверждать, что Марксъ, говоря о нищетѣ и проч., имѣлъ въ виду лумпенпролетаріатъ, который, какъ извѣстно, не занимается производствомъ своего собственнаго продукта въ видѣкапитала. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, кажется, всѣ сотрудники «Искры» подвергнуты какой-то операціи. Заявилъ же Ленинъ на одномъ изъ своихъ рефератовъ и заявилъ не безъ гордости, что «Искра» цитируетъ, не только выкидывая слова, но и вставляя ихъ отъ себя.

Не знаемъ какого рода операціей объясняется еще слѣдующій казусъ въ той же статьѣ Плеханова. Критикъ критика, стараясь доказать ростъ нищеты народныхъ массъ, пускается въ область преступности во Франціи и затѣмъ торжественно заявляетъ: «Просимъ также нашего «критика» замѣтить, что *преступность* растетъ не только во Франціи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи».

Англія, несомнѣнно, капиталистическая страна и, несомнѣнно, изучена въ этомъ отношеніи, и мы просимъ нашего «сверхкритика» замѣтить, что преступность тамъ не растетъ, а падаетъ! Въ Англіи число осужденныхъ уменьшилось за послѣдніе 20 лѣтъ на $28^0/_0$, несмотря на то, что населеніе Англіи и Уэльса

за это-же время увеличилось болѣе, чѣмъ на 13%. Средняя ежегодная цифра осужденныхъ за *преступленія* была въ пятилѣтіе 1880—1885 г. — 9962; въ слѣдующее пятилѣтіе среднее число осужденныхъ понизилось до 9.126 чел.; въ 1890—95 г. до 8.253 чел.; въ 1895—1900 г. — до 7.766 чел. и, наконецъ, въ 1901 году было осуждено всего лишь 7.091 челов. Такимъ образомъ число преступниковъ, если принять въ разсчетъ ростъ населенія, уменьшилось за это время на 41,8%. Число осужденныхъ за мелкія преступленія и *проступки* также понизилось, хотя и въ меньшей степени, оно упало съ 149.046 въ 1880—1885 г. до 141.509 въ 1901 году, т. е., принимая въ расчетъ ростъ населенія, понизилось на 22.5%.

Если мы распредѣлимъ общія числа осужденныхъ по группамъ, то убѣдимся, что процентъ сокращенія преступности измѣняется въ зависимости отъ возраста осужденныхъ и отъ тяжести преступленія. Наиболѣе сильнѣе сокращеніе замѣчается въ рядахъ малолѣтнихъ, несовершенолѣтнихъ осужденныхъ.

Число преступныхъ дѣтей моложе 12 лѣтъ сократилось за 11 лѣтъ съ 214 до 20, т. е. въ 10 разъ, число малолѣтнихъ отъ 12—16 лѣтъ сократилось за это время съ 3.678 до 1.361, т. е. почти въ 3 раза, наконецъ число несовершеннолѣтнихъ (16—21) сократилось за это же вермя съ 22.983 до 14.027, т. е. болѣе, чѣмъ въ 1½ раза (на 64%).

Если мы возьмемъ среднія цифры осужденныхъ по тяжести преступленій, то увидимъ, что до 60-хъ годовъ XIX вѣка число осужденныхъ скорѣе увеличивалось, чѣмъ сокращалось. Съ 60-хъ годовъ начинается уменьшеніе числа наиболѣе тяжкихъ преступленій; за послѣдніе 40 лѣтъ число это уменьшилось приблизительно въ четыре раза. За послѣдніе 21 годъ число это уменьшилось абсолютно почти въ 2 раза (на 94%); относительно же, т. е. принимая въ расчетъ населеніе, это число сократилось на 130%. *)

«Ага, вотъ оттого-то и соціализмъ не прививается въ Англіи, что тамъ преступность и одичаніе не ростутъ, а убываютъ»,—скажетъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ

*) См. статью Д. Сатурина «Тюрьма или Школа?» въ «Образованіи за 1903 г.

минимальныхъ соціалдемократовъ. Ну, и Богъ съ нимъ, съ *такимъ* соціализмомъ, который вытекаетъ изъ одичанія народныхъ массъ! Истинный соціализмъ порождается умственнымъ и нравственнымъ подъемомъ могучаго пролстаріата. Только такой соціализмъ и возможенъ.

IV.

Это противорѣчіе обостряется промышленными кризисами съ сопровождающими ихъ безработицей и всевозможными лишеніями для рабочихъ массъ.

Выясненіе причинъ и механизма промышленныхъ кризисовъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ политической экономіи и нельзя сказать, чтобы въ настоящее время уже существовала вполнѣ закопченная, вполнѣ безупречная съ научной точки зрѣнія, теорія кризисовъ. Возможно, что окончательно эта задача будетъ разрѣшена уже послѣ того, какъ рухнетъ современный капиталистическій строй. Наиболѣе яснымъ, наиболѣе согласнымъ съ общимъ марксистскимъ міровоззрѣніемъ представляется намъ то пониманіе промышленныхъ кризисовъ, которое даетъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ» и нѣкоторыхъ другихъ своихъ работахъ. Кстати сказать, Каутскій постоянно указываетъ на огромныя трудности, сопряженныя съ выработкой законченной теоріи, обхватывающей и поясняющей всѣ явленія, связанныя съ возникновеніемъ и развитіемъ промышленныхъ кризисовъ.

«Крупные современные кризисы, потрясающіе всемірный рынокъ», — говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — являются вслѣдствіе перепроизводства, которое въ свою очередь вытекаетъ изъ неизбѣжнаго, при товарномъ производствѣ, *отсутствія планомѣрности*».

Въ послѣднихъ словахъ, подчеркнутыхъ самимъ Каутскимъ, именно: въ отсутствіи планомѣрности,— лежитъ для него сущность вопроса.

«При господствѣ развитого товарнаго производства на рынкѣ всегда оказывается или слишкомъ мало, или слишкомъ много товаровъ», — говоритъ Каутскій.

«Недостатокъ товара обыкновенно ведетъ къ расцвѣту промышленности, излишекъ товаровъ—къ кризису.

Расцвѣтъ и кризисъ въ промышленномъ хозяйствѣ неразрывно связаны другъ съ другомъ».

Это простое положеніе, высказанное Каутскимъ въ его книгѣ «о Бернштейнѣ и соціалистической программѣ», въ сущности очень важно, такъ какъ изъ него вытекаетъ, что для пониманія сущности кризиса необходимо изучить всѣ явленія, составляющія «расцвѣтъ промышленности». Это изученіе показываетъ, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной кризисовъ можетъ быть не только перепроизводство, но и недостаточность производства или недопроизводство (Unterproduktion).

На это указалъ еще К. Марксъ во второмъ томѣ «Капитала» и съ этимъ совершенно согласенъ Каутскій.

«Если,—говоритъ онъ, *)—на рынокъ поступаетъ, напримѣръ, недостаточно сырья, то долженъ произойти застой въ производительномъ процессѣ, и является кризисъ. Такимъ не вслѣдствіе перепроизводства возникшимъ кризисомъ былъ недостатокъ хлопка въ началѣ 60-хъ годовъ въ Ланкаширѣ, вызванный американской междуусобной войной. Подобный кризисъ, предшествовавшій всеобщему кризису, видѣли мы на высшей точкѣ развитія послѣдняго расцвѣта въ Германіи, когда временами желѣзо, уголь и хлопокъ были слишкомъ въ обрѣзъ, такъ что нѣкоторыя фабрики принуждены были пріостановить работу или ограничить производство».

Марксъ указалъ также въ томъ же второмъ томѣ, что причиной кризиса можетъ быть и недостатокъ пропорціональности въ производствѣ. Каутскій находитъ, что это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Плехановъ-же, для котораго, въ противоположность Каутскому, никогда не существуетъ никакихъ трудностей, обрушивается въ № 4 «Зари» на тѣхъ экономистовъ, которые «по старой привычкѣ до сихъ поръ изображаютъ *излишекъ* производства, какъ слѣдствіе... *недостатка* его въ нѣкоторыхъ отрасляхъ народнаго хозяйства: капиталъ неправильно («непропорціонально»)

*) «Die Neue Zeit», XX Jahrgang, № 4.

раздѣленъ между разными отраслями—въ этомъ, по ихъ словамъ, все дѣло. Но такое объясненіе, не выдерживающее самаго легкаго прикосновенія критики, свидѣтельствуетъ—говоритъ Плехановъ—лишь объ упорномъ нежеланіи или о полной неспособности дающихъ его экономистовъ бросить критическій взглядъ на капиталистическое общество и подмѣтить существующее въ немъ несоотвѣтствіе между производительными силами и имущественными отношеніями».

Плехановъ объясняетъ кризисы исключительно несоотвѣтствіемъ между ростомъ производства и покупательною способностью населенія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, другими словами, онъ сводитъ дѣло къ недостаточности потребленія (Unterkonsumption) и здѣсь опять таки встрѣчается съ совершенно иными взглядами классиковъ марксизма.

«Такихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, мѣсто о кризисахъ, мы не нашли ни въ одной другой программѣ», — писалъ Каутскій въ 1891 году по поводу проекта нѣмецкой соціалдемократической программы, составленной партійнымъ правленіемъ.—«Что ихъ пониманіе предполагаетъ уже нѣкоторую экономическую ясность, показываютъ, между прочимъ, недоразумѣнія въ разсужденіяхъ, которыя докторъ Фридлендеръ опубликовалъ объ этомъ въ «Vorwärts'ѣ», и въ которыхъ онъ снова подогрѣваетъ старую ошибку, будто кризисы являются продуктомъ не отсутствія планомѣрности, а *недостаточности потребленія* (Unterkonsumption). Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное обсужденіе этого вопроса, который достаточно разобранъ Энгельсомъ въ его «Anti Dühring».

«Сказать, что кризисы—писалъ Марксъ—происходятъ отъ недостатка способныхъ платить потребителей, будетъ простымъ тождесловіемъ. Капиталистическій строй не знаетъ иного рода потребленія, кромѣ платящаго, исключая лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, и мошенниковъ. То, что товары не находятъ сбыта, означаетъ только, что они не находятъ покупателей, способныхъ заплатить за нихъ, т. е. не находятъ потребителей (предполагая, что товары покупаются, въ концѣ концовъ, для производительнаго или личнаго потребленія). Если же этому тождесловію придать видъ болѣе глубокой основательности,— сказавъ,

что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную долю своего собственнаго продукта и что бѣдѣ можно помочь, увеличивъ долю его участія, вслѣдствіе чего повысится его заработная плата, то на это придется только замѣтить, что кризисъ каждый разъ подготовляется какъ разъ такимъ періодомъ, въ продолженіи котораго заработная плата вообще повышается, и когда, въ дѣйствительности, рабочій классъ получаетъ долю въ той части годичнаго продукта, которая предназначена для потребленія. Такіе періоды должны бы, наоборотъ, предотвратить кризисы, съ точки зрѣнія этихъ рыцарей «простого» здраваго смысла. Слѣдовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ злого умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бываютъ всегда только буревѣстниками кризиса.» *)

Марксъ опровергаетъ здѣсь «теорію недостаточнаго потребленія» совершенно вѣрнымъ указаніемъ на предшествующій кризису расцвѣтъ, когда потребленіе рабочихъ массъ не сокращается, а увеличивается; слѣдовательно, причину наступленія кризиса приходится искать во всякомъ случаѣ въ производствѣ, а не въ распредѣленіи продуктовъ и не въ ихъ потребленіи.

Характернымъ признакомъ понятія «промышленный кризисъ», признакомъ, его опредѣляющимъ, является періодичность, временность; «промышленный кризисъ»—не имѣетъ смысла безъ соотвѣтствующаго расцвѣта или подъема промышленности.

Расцвѣтъ промышленности является причиной кризиса, который въ свою очередь является причиной новаго расцвѣта.

«Внезапное и толчками происходившее расширеніе размѣровъ производства предполагаетъ и его внезапное сокращеніе».

«Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ

---

*) «Капиталъ», томъ II, стр. 310 рус. перевода.

это движеніе поперемѣннаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его». *)

Можно ли искать основу этой *періодичности* въ потребленіи?

Разумѣется, нѣтъ: небольшія *колебанія* въ потребленіи рабочихъ массъ слѣдствіе, а не причина періодичности промышленныхъ подъемовъ и кризисовъ.

Если бы при капиталистическомъ строѣ возможно было заранѣе соразмѣрять производство съ потребленіемъ, то не было бы и кризисовъ, но это невозможно, такъ какъ «никто не знаетъ общаго хода дѣлъ, каждый слѣдитъ лишь за своими», каждый спѣшитъ получить какъ можно больше прибыли и замѣчаетъ, что рынокъ уже не вмѣщаетъ «прибыльныхъ» продуктовъ лишь тогда, когда продукты уже готовы.

«Сбытъ произведенныхъ въ излишествѣ товаровъ затрудняется, идетъ медленнѣе, склады торговыхъ домовъ начинаютъ переполняться, а горячка все еще продолжается. Но вотъ одинъ изъ торговыхъ домовъ долженъ уплатить фабриканту за забранные нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ товары, а эти товары еще не проданы, денегъ нѣтъ, и торговый домъ банкротится. Вслѣдъ за нимъ банкротится и обманувшійся въ разсчетахъ фабрикантъ, у котораго нѣтъ денегъ и есть срочные платежи. Банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ. Всѣ приходятъ въ смущеніе, слѣпое довѣріе смѣняется страхомъ, наступаетъ всеобщая паника и *крахъ* готовъ.» **)

Капиталистъ, производя продукты, имѣетъ въ виду не *потребительную* цѣнность, а *мѣновую*, но безъ первой не можетъ быть второй и продукты въ концѣ концовъ сталкиваются съ потребленіемъ.

Если бы потребленіе росло съ тою же скоростью, какъ капиталъ, если бы оно всегда было пропорціонально производству въ разныхъ отрасляхъ промышленности, тогда бы, конечно, не могло быть ни перепроизводства, ни недопроизводства, тогда не было бы ни расцвѣтовъ промышленности, ни кризисовъ, но тогда не было бы и вообще капиталистическаго строя.

Надо замѣтить еще, что при современномъ строѣ

---

*) Марксъ. «Капиталъ», томъ I, пер. подъ ред. Струве, стр. 532.
**) К. Каутскій. «Эрфуртская программа», стр. 46.

потребленіе никогда не совпадаетъ съ удовлетвореніемъ потребностей широкихъ массъ. Потребности *никогда* не удовлетворяются вполнѣ, даже въ періоды самыхъ «пышныхъ расцвѣтовъ» промышленности, такъ что можно сказать — при современномъ строѣ никогда не бываетъ перепроизводства; и если въ періодъ сильнаго кризиса рабочія массы покончатъ съ капиталистическимъ строемъ, то кризисъ сразу прекратится.

Вотъ въ какомъ только смыслѣ можно понимать то мѣсто изъ III-го тома «Капитала», гдѣ Марксъ говоритъ, что «послѣдней причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ остается всегда бѣдность и ограниченность потребленія массъ...»

Во всякомъ случаѣ это мѣсто относится къ числу неточныхъ, которыхъ въ III-мъ томѣ можно, вѣроятно, найти не мало, такъ какъ онъ оставленъ Марксомъ въ необработанномъ видѣ.

«Бѣдность и ограниченность потребленія массъ» — величина сравнительно постоянная и, какъ таковая, не можетъ быть причиною *смѣны* легкаго сбыта товаровъ труднымъ сбытомъ или полною его пріостановкою, а именно въ этой *смѣнѣ* сущность кризисовъ.

Чтобы признать «бѣдность и ограниченность потребленія массъ» причиною кризисовъ, необходимо доказать, что эта «бѣдность и ограниченность потребленія» подвержена значительнымъ періодическимъ колебаніямъ, соотвѣтствующимъ смѣнамъ хорошаго и плохого сбыта товаровъ, но отъ этихъ смѣнъ не зависящимъ.

Этого еще никто не доказалъ.

Плехановъ, защищая свой взглядъ на кризисы и взглядъ проекта «Искры» и «Зари» противъ нападокъ Рязанова, хочетъ, *кажется* *), это доказать.

«Не противорѣчитъ нашему взгляду», — говоритъ онъ между прочимъ, — «и то замѣчаніе Маркса, что ссылка на неспособныхъ платить потребителей не объясняетъ происхожденія кризисовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что — *не объясняетъ*, такъ какъ весь вопросъ въ томъ и заключается, *чѣмъ вызвано отсутствіе названныхъ потребностей.* Кто хочетъ отвѣтить на

*) Съ увѣренностью сказать, что хочетъ доказать Плехановъ, мы не беремся.

этотъ вопросъ, тотъ долженъ показать, *въ какой причинной связи находится это отсутствіе* съ общимъ характеромъ и развитіемъ производственныхъ отношеній въ капиталистическомъ обществѣ. Нашъ проектъ немногими словами *обнаруживаетъ эту причинную связь*. Онъ показываетъ, что развитіе капиталистическихъ отношеній роковымъ образомъ (т. е. опять-таки независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ) ведетъ къ относительному, а иногда и абсолютному обѣдненію пролетаріата».

Обращаемся къ проекту и видимъ, что «относительное или даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса» упоминается, какъ *слѣдствіе* «кризисовъ и періодовъ промышленнаго застоя», а не какъ ихъ причина.

За «кризисами и періодами промышленнаго застоя» слѣдуютъ «періоды промышленнаго расцвѣта». Не эти ли послѣдніе объясняются «относительнымъ или даже абсолютнымъ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса»?!

Въ данномъ случаѣ Плехановъ очень кстати вспоминаетъ «непривлекательнаго героя въ одной изъ комедій Плавта, который, попавъ въ затрудненіе, восклицаетъ: теперь я долженъ путать, того требуетъ положеніе дѣлъ».

Да, несомнѣнно авторы проекта «Искры» и «Зари» должны «путать»: «этого требуетъ положеніе дѣлъ». Плехановъ совершенно заслуженно считается человѣкомъ остроумнымъ!

Соціалистическія и соціалдемократическія программы въ виду недостаточной выясненности «теоріи кризисовъ» или совсѣмъ не упоминаютъ о кризисахъ или упоминаютъ просто, какъ о явленіи, неразрывно связаннымъ съ капиталистическимъ производствомъ, указывая при этомъ на несомнѣнныя послѣдствія кризисовъ для развитія рабочаго движенія. Вѣнская программа идетъ нѣсколько дальше, опредѣленно говоря, что кризисы вытекаютъ изъ *отсутствія планомѣрности* въ капиталистическомъ производствѣ.

«Вытекающіе изъ *непланомѣрности* капиталистическаго производства кризисы, съ сопровождающими ихъ безработицей и нищетой, ускоряютъ и обостря-

ютъ это развитіе», — гласитъ соотвѣтствующее положеніе Вѣнской программы.

Это положеніе, формулированное Адлеромъ, одобренное Каутскимъ, одобренное партейтагомъ и т. д., должно бы, казалось, если вѣрить Плеханову, погибнуть отъ малѣйшаго прикосновенія критики! Его программный проектъ, точнѣе проектъ «Искры» и «Зари», не «обнаруживаетъ» отсутствія планомѣрности въ капиталистическомъ производствѣ, но за то несомнѣнно «обнаруживаетъ» отсутствіе планомѣрности въ головахъ своихъ составителей.

«Такое положеніе дѣлъ,» — гласитъ искровскій проектъ, — «внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще больше увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса».

Словъ, какъ видите, здѣсь не жалѣли, и разобраться въ этихъ словахъ не такъ-то легко.

Перепроизводство проявляется въ кризисахъ, слѣдовательно, причины перепроизводства — въ то же время причины кризисовъ. Перепроизводство, видимо, признается равнозначущимъ съ «все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытомъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ». Причины затруднительности сбыта — причины кризисовъ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ «такому положенію дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющемуся ихъ взаимному соперничеству на всемірномъ рынкѣ.»

Что же за «такое положеніе дѣлъ»? Его надо искать въ предыдущемъ абзацѣ, и тамъ мы находимъ

«техническій прогрессъ», «примѣненіе все въ большихъ размѣрахъ женскаго и дѣтскаго труда», «относительное уменьшеніе потребностей предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ», «увеличеніе зависимости наемнаго труда отъ капитала» и «повышеніе уровня его эксплуатаціи». Все это явленія характера международнаго, они выражаютъ развитіе всего буржуазнаго общества независимо отъ границъ, отдѣляющихъ одну страну отъ другой, и опредѣленіе ихъ, какъ «положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ» нельзя назвать слишкомъ удачнымъ, но это не важно, гораздо важнѣе, что такая общая и неопредѣленная фраза совершенно не показываетъ, что̀ именно въ «положеніи дѣлъ» существенно важно для періодической смѣны расцвѣтовъ и застоевъ промышленности? Послѣднимъ передъ этой фразой стоитъ указаніе на повышеніе «уровня эксплуатаціи» наемнаго труда, но, если бы этотъ уровень и не повышался, то *возможность* кризисовъ была бы все же не устранена.

Каутскій въ «Эрфуртской программѣ» на простомъ, наглядномъ примѣрѣ показываетъ, что промышленный кризисъ въ его «существеннѣйшихъ явленіяхъ» возможенъ даже помимо всякой эксплуатаціи наемнаго труда.

На ряду «съ такимъ положеніемъ дѣлъ» проектъ ставитъ обостреніе «взаимнаго (!) соперничества» буржуазныхъ странъ на всемірномъ рынкѣ». Составители проекта, вѣроятно, знаютъ еще *не взаимное соперничество* буржуазныхъ странъ, но могутъ ли они доказать, что при устраненіи какого бы то ни было соперничества буржуазныхъ странъ на всемірномъ рынкѣ, исчезнутъ и кризисы?

«Но предположимъ на минуту» — говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — «какъ это ни невѣроятно, что въ близкомъ будущемъ картелямъ *удается создать международную организацію міровой промышленности, безъ всякой возможности возрожденія конкурренціи.**) Каковы были бы послѣдствія? Въ *лучшемъ случаѣ* одна изъ сторонъ конкурренціи между капиталистами была бы устранена. Другія стороны этой конкурренціи остались бы, но здѣсь не

*) Подчеркнуто мною. В. П.

мѣсто ихъ изслѣдовать. Отмѣтимъ только одинъ пунктъ: чѣмъ полнѣе уничтожается междуусобная конкурренція предпринимателей внутри какой нибудь отрасли промышленности, тѣмъ глубже становится противоположность ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей тѣхъ отраслей промышленности, которыя нуждаются въ ихъ товарѣ. Если прекращаются битвы между производителями одного и того же товара, то тѣмъ ярче разгораются они *между ними и потребителями въ широкомъ смыслѣ значенія словъ*. А въ этомъ смыслѣ каждый производитель есть въ то же время и потребитель. Владѣлецъ бумаго-прядильни, напримѣръ, независимо отъ его личнаго потребленія, является потребителемъ хлопка, угля, машинъ, масла для смазки и проч. Весь классъ капиталистовъ распался бы тогда уже не на индивидуумы, а на отдѣльныя группы, ведущія между собою отчаянную борьбу».

Составители искровскаго проекта сами видятъ, что «такого положенія дѣлъ» и «взаимнаго соперничества» недостаточно [и, поддерживая ими кризисы сверху, снизу подставляютъ «развитіе производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ».

Наконецъ, въ комментаріи къ программѣ Плехановъ, какъ мы видѣли, ловко перебрасываетъ то, что въ «проектѣ» указано, какъ «слѣдствіе» кризисовъ,—въ ихъ причины.

Такимъ образомъ, «кризисы» оказывается окруженными цѣлымъ хороводомъ причинъ, но толку все же выходитъ мало, такъ какъ составители проекта, путаясь въ различныхъ проявленіяхъ капиталистическаго строя, не видятъ, что основные элементы кризисовъ даются уже самимъ *товарнымъ производствомъ*, которое — предварительное условіе и основа производства капиталистическаго.

Мы при составленіи своего проекта старались помнить, что теоретическая часть программы не должна содержать въ себѣ ничего не установленнаго научнымъ знаніемъ вполнѣ опредѣленно, и что она должна быть, какъ можно *короче* и *яснѣе* *), поэтому мы бе-

*) Либкнехтъ еще до эрфуртскаго партейтага говорилъ, что «прежде всего необходимо, чтобы программа была одновременно такъ коротка и такъ ясна, какъ это только возможно». Съ этимъ согласенъ и Каутскій.

ремъ промышленные кризисы просто, какъ фактъ, и выдвигая неизбѣжно сопровождающія ихъ явленія — «безработицу и всевозможныя лишенія для рабочихъ массъ»; констатируемъ опять-таки несомнѣнное ихъ слѣдствіе — *обостреніе* «противорѣчія», указаннаго въ предыдущемъ положеніи, т. е. противорѣчія между ростомъ производительности труда промышленнаго пролетаріата и его жизненнымъ уровнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несоотвѣтствія между потребностями трудящихся массъ и ихъ удовлетвореніемъ, а также и связанное съ этимъ обостреніемъ расширеніе пропасти между имущими и неимущими.

«Положеніе» нашего проекта въ шесть разъ короче соотвѣтствующаго «положенія» искровскаго проекта, но *революціонное* значеніе промышленныхъ кризисовъ выступаетъ отъ этого во всякомъ случаѣ не менѣе выпукло.

Для соціалдемократической программы важна не «теорія кризисовъ», а ихъ несомнѣнно огромное революціонное дѣйствіе. Если постепенное обнищаніе не можетъ создать революціонера, а можетъ создать, говоря словами Адлера, лишь пьяницу, то рѣзкій переходъ отъ сравнительно сноснаго существованія во время «расцвѣта промышленности» къ голоду во время кризиса несомнѣнно можетъ сдѣлать и дѣлаетъ массу революціонеровъ. Кризисъ всегда ведетъ къ массовой безработицѣ, а «безработица — самый страшный бичъ рабочаго класса», но, къ счастью, бичъ, направляющій рабочихъ на революціонно-соціалистическій путь.

Во время кризиса даже наиболѣе «счастливо» устроившимся рабочимъ становится ясно, что при современномъ строѣ для трудящихся нѣтъ «обезпеченности существованія», что они всегда могутъ быть «выкинуты на мостовую».

Злая нелѣпость буржуазнаго строя проявляется во время кризисовъ въ самой ужасной и въ то же время *очевидной* формѣ.

Трудящіеся голодаютъ и мерзнутъ, потому что произвели слишкомъ много, потому что склады завалены товарами.

Этотъ фактъ сильнѣе пробуждаетъ соціалистическое сознаніе рабочихъ, чѣмъ самая усиленная пропаганда. Кризисы всегда сопровождаются подъемомъ

революціонно-пролетарскаго движенія. Такъ, напр., революціонное движеніе 1848 года стоитъ въ несомнѣнной связи съ кризисомъ 1847 года.

Революціонный подъемъ прошлаго и нынѣшняго года, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ стоитъ опять таки въ несомнѣнной связи съ современнымъ кризисомъ, необычайно обострившимъ борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Грандіозныя стачечныя возстанія, которыя въ данную минуту переживаетъ Югъ Россіи, вызваны, конечно, кризисомъ, а не пропагандой «Искры» и «Зари». Даже успѣхъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ объясняется не столько тактикой вожаковъ, не столько «революціонными усиліями» Вильгельма II и «ростовщическимъ таможеннымъ тарифомъ», сколько переживаемымъ Германіей кризисомъ. Какъ всякое движеніе въ мірѣ, такъ и міровое рабочее движеніе, имѣетъ волнообразную форму, но волны подымаются все выше, и близится девятый валъ.

Можно сказать, что соціалистическое движеніе подымается и опускается вмѣстѣ съ кризисами, но паденіе становится все слабѣе, подъемъ все сильнѣе. Почти съ увѣренностью можно сказать, что великая побѣдоносная революція пролетаріата совпадетъ съ великимъ промышленнымъ кризисомъ который, какъ намъ кажется, проявится всего сильнѣе и революціоннѣе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи, гдѣ соціальные контрасты особено сильны. Въ Америкѣ революціонную энергію скопляютъ промышленные тресты, неминуемо ведущіе къ страшному кризису; въ Россіи, странѣ культурно-буржуазной эксплуатаціи и азіатскаго безправія трудящихся массъ, въ Россіи нѣтъ предохранительныхъ клапановъ для накопляющихся революціонныхъ паровъ, и капиталистическая машина должна взлетѣть на воздухъ съ страшною силою.

Старый міръ вспыхнетъ съ двухъ концовъ, въ самой демократической республикѣ и въ самой деспотической монархіи.

Пустъ дрожатъ господствующіе классы передъ грядущей революціей!

V.

Процессъ капиталистическаго развитія, вытѣсняя мелкія, самостоятельныя хозяйства крупными предпріятіями, въ которыхъ вмѣстѣ работаютъ сотни и тысячи наемныхъ рабочихъ, увеличиваетъ число пролетаріевъ и, ставя ихъ въ одинаковое положеніе, создаетъ благопріятныя условія для ихъ объединенія, просвѣтленія ихъ классового сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Если утвержденіе объ уменьшеніи числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ вносить въ программу нельзя, то, напротивъ, положеніе о *вытѣсненіи мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ крупными предпріятіями* внести необходимо. Это явленіе необходимое слѣдствіе капиталистическаго развитія и въ тоже время необходимое условіе его продолженія. Надо только помнить, что «подъ вытѣсненіемъ» подразумѣвается очень сложное явленіе, очень сложный процессъ. Капитализмъ проходитъ разныя стадіи и постепенно завоевываетъ одну область за другой; высшія формы капиталистическаго развитія терпятъ на ряду съ собой формы первичныя; «домашняя промышленность» съ ея самой безжалостной капиталистической эксплуатаціей держится рядомъ съ мануфактурой и фабрикой. Процессъ особенно осложняется въ сельскомъ хозяйствѣ, которое постепенно переплетается съ промышленностью индустріальной. Капиталы промышленные, торговые, земельные, и денежные переплетаются между собою, отчасти поддерживаютъ другъ друга, отчасти борются между собою, но источникомъ ихъ жизни, по основнымъ условіемъ ихъ существованія, ихъ взаимной борьбы, ихъ взаимной поддержки всегда остается эксплуатація производителей, эксплуатація трудящихся, эксплуатація производящихъ прибавочную цѣнность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ капиталъ не спѣшитъ съ «вытѣсненіемъ», въ буквальномъ значеніи этого слова. Ему иногда выгодно оставить производителю *видимость* его самостоятельности, чтобы тѣмъ вѣрнѣе выжимать прибавочную цѣнность, не жалѣя ни здоровья, ни жизни своей жертвы. Въ борьбѣ съ промышленнымъ капиталомъ, капиталъ земельный

готовъ даже надѣлить своихъ сельскохозяйственныхъ пролетаріевъ небольшими клочками земли, чтобы удержать въ деревнѣ «рабочія руки», чтобы не дать рабочей силѣ, этому живому источнику обогащенія, безпрерывно утекать въ промышленные центры. И торговый капиталъ не прочь покровительствовать «охранѣ» своихъ жертвъ — «кустарей», чтобы удержать за собою удобный матеріалъ для эксплуатаціи.

При современномъ строѣ собственность даже тогда угнетаетъ и эксплуатируетъ труженника, когда частица ея какъ-бы находится въ его распоряженіи «Для мелкаго производителя, — справедливо говоритъ Каутскій въ «Эрфуртской программѣ», — собственность на средства производства изъ гарантіи отъ нищеты превращается въ цѣпь, приковывающую его къ нищетѣ; для него частная собственность пріобрѣла совершенно обратное значеніе. То, что какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ было для крестьянина и ремесленника благословеніемъ, стало теперь его проклятіемъ».

Пролетарій собственникъ, — это одно изъ самыхъ чудовищныхъ явленій современнаго строя, одно изъ явленій, особенно дорогихъ сердцу эксплуататоровъ, такъ какъ у пролетаріевъ-собственниковъ несравненно меньше чувство классовой солидарности, чѣмъ у пролетаріевъ, владѣющихъ одною только рабочею силою.

Къ счастью, капиталистическое развитіе увеличиваетъ несравненно скорѣе число пролетаріевъ совершенно свободныхъ отъ собственности, чѣмъ число пролетаріевъ-собственниковъ. Наиболѣе крупные хищники эксплуатируютъ на фабрикахъ и заводахъ, эксплуатируютъ при посредствѣ машинъ. Капиталистическія предпріятія не только «вытѣсняютъ» «*мелкія самостоятельныя хозяйства*»; между самими капиталистическими предпріятіями тоже происходитъ борьба и крупныя капиталистическія предпріятія вытѣсняютъ болѣе мелкія капиталистическія предпріятія, крупные хищники пожираютъ мелкихъ хищниковъ. Сотни мелкихъ предпріятій, въ которыхъ эксплуатируются единицы и десятки рабочихъ, замѣняются десятками, въ которыхъ работаютъ сотни и тысячи.

Въ то же время эксплуатація на дому, эксплуатація «мелкаго ремесленника», мелкаго крестьянина, кустаря,

эксплуатація черезъ посредство цѣлаго ряда посредствующихъ хищниковъ замѣняется непосредственно эксплуатаціей на огромныхъ фабрикахъ и заводахъ, на огромныхъ поляхъ и лугахъ латифундій. Передъ анонимными компаніями, передъ правленіемъ національныхъ и международныхъ трестовъ и картелей непосредственно подымается сплоченная армія десятковъ и сотенъ тысячъ промышленныхъ рабочихъ.

Передъ «главными управленіями» латифундій и всякихъ графскихъ и княжескихъ экономій выростаетъ сплоченная масса изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и изъ рабочихъ на сельскохозяйственныхъ, винокуренныхъ и другихъ сельскопромышленныхъ заводахъ.

Постепенная концентрація промышленныхъ предпріятій—фактъ несомнѣнный и фактъ революціонный. Революціонный въ двухъ отношеніяхъ: эта концентрація создаетъ возможность производства соціалистическаго, такъ какъ его трудъ уже обобществленъ, и она же создаетъ живую силу для осуществленія этого перехода—*сплоченный, сознательный* пролетаріатъ.

Концентрація капитала не всюду выражается въ своей высшей формѣ, въ формѣ концентраціи технической, т. е. въ объединеніи самого производства продуктовъ; нерѣдко она сначала проявляется лишь въ экономической формѣ, когда технически предпріятія остаются разъединенными, но экономически онѣ сосредоточиваются во владѣніи одного капиталиста, одной акціонерной компаніи, одного синдиката промышленниковъ или треста. Съ революціонной точки зрѣнія особенно важна, конечно, высшая форма концентраціи, концентрація техническая, и она въ большей или меньшей степени обыкновенно слѣдуетъ за концентраціей экономической.

Статистика даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Германіи, имѣются точныя и достаточно детально обработанныя данныя о промышленномъ развитіи за послѣднее время, улавливаетъ только техническую концентрацію, отмѣчая самостоятельными предпріятія, разъединенныя технически, но экономически сосредоточенныя въ рукахъ одного капиталиста.

Принявъ это во вниманіе, посмотримъ на развитіе промышленности съ точки зрѣнія концентраціи. Въ Германіи въ 1892 г. было 423 предпріятія для добычи

каменнаго угля; въ 1901 году — 336, т. е. число предпріятій уменьшилось болѣе, чѣмъ на 20%, но за тоже время число добываемаго угля возросло съ 71.372.200 тоннъ до 108.539.400 тоннъ, т. е. болѣе, чѣмъ на 50% и цѣнность его увеличилась съ 526.979.000 марокъ до 1.015.254.000 марокъ, т. е. болѣе, чѣмъ на 90%. Экономически почти вся добыча каменнаго угля находится въ рукахъ каменноугольнаго треста, и это отразилось какъ на ростѣ технической концентраціи, такъ и на колоссальномъ повышеніи цѣны продукта.

Въ желѣзномъ производствѣ (съ доменными печами) число заводовъ съ 109 въ 1892 году понизилось до 108 въ 1899 году, но число рабочихъ увеличилось съ 24.325 до 36.334, т. е. за 7 лѣтъ на 50%; количество приготовленнаго желѣза за это время поднялось съ 4.937.500 тоннъ до 8.143.100, т. е. болѣе, чѣмъ на 65%; цѣнность добытаго продукта поднялась съ 229.296.000 до 455.875.000 марокъ, т. е. почти на 100%. Хорошій примѣръ не только для концентраціи производства, но и для роста продуктивности труда и *въ особенности* для роста прибавочной цѣнности. Въ этомъ «въ особенности»—особенность капиталистическаго строя.

Изъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ перенесемся въ другую характерную для Германіи область, въ заводы пивоваренные. Точныя статистическія данныя мы имѣемъ здѣсь только для сѣверной и средней Германіи, гдѣ существуетъ на пиво налогъ. Въ 1882 г. въ этой области было 10.921 пивоваренный заводъ, въ 1901 г. 6.674, т. е. число ихъ уменьшилось почти на 42%, но добыча пива въ то же время поднялась съ 22.113.000 гектолитровъ до 45.041.000, т. е. болѣе, чѣмъ на 100%. Число небольшихъ заводовъ, платившихъ до 60 марокъ налогу, уменьшилось съ 2.979 до 1.284, т. е. болѣе, чѣмъ вдвое; число самыхъ крупныхъ заводовъ, платящихъ больше 15.000 марокъ налогу, увеличилось съ 199 до 493, т. е. въ $2^1/_2$ раза. Яркій примѣръ «техническаго» поглощенія мелкихъ предпріятій крупными.*)

Сравненіе промышленныхъ переписей 1882 года и 1895 года показываетъ, что за эти 13 лѣтъ число лицъ

*) Для этихъ примѣровъ мы пользовались оффиціальными цифрами, опубликованными въ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за 1903 годъ.

производящихъ «самостоятельно» въ промышленности и ремеслѣ, уменьшилось на 139.382 человѣка или на 5,2%, между тѣмъ, какъ все населеніе увеличилось на 14,8%; число наемныхъ рабочихъ въ промышленности возросло на 20%. Число занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ сильно понизилось: въ 1882 г. лица, главнымъ занятіемъ которыхъ было сельское хозяйство, составляли 43,38%, въ 1885 г. только 36,19%.

Въ этомъ уменьшеніи отражается завоеваніе промышленнаго и торговаго капитала и превращеніе части сельскохозяйственныхъ пролетаріевъ въ пролетаріевъ промышленныхъ. Число сельскохозяйственныхъ рабочихъ уменьшилось на 4,3%, но число «самостоятельныхъ» поднялось на 280.692 человѣка, что составляетъ увеличеніе на 12,5%. Это увеличеніе «самостоятельныхъ» дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ марксизма утверждать, что въ сельскомъ хозяйствѣ не происходитъ концентраціи капитала, а что скорѣе мелкія и среднія хозяйства побѣждаютъ крупныя. На это надо замѣтить, что для распредѣленія на рубрики при разработкѣ переписи 1882 г. былъ принятъ другой методъ, чѣмъ при разработкѣ переписи 1895 года, при чемъ имперское статистическое бюро заявляетъ, что число «самостоятельныхъ» въ 1882 году было принято нѣсколько ниже дѣйствительнаго, такъ какъ часть «самостоятельныхъ» попала подъ рубрику «поденщиковъ съ землей». Каутскій, внося соотвѣтствующую поправку, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что число «самостоятельныхъ» не только не увеличилось, но уменьшилось на 913.613, а число батраковъ и батрачекъ, а также поденщиковъ безъ земли возросло на 201.323, такъ что число пролетаріевъ и въ сельскомъ хозяйствѣ увеличилось. Во всякомъ случаѣ нельзя говорить объ успѣшной борьбѣ въ Германіи мелкихъ сельскохозяйственныхъ производителей съ крупными, когда хозяйства наиболѣе мелкія (до двухъ гектаровъ*) въ каждомъ) потеряли 17.494 гект., а хозяйства крупныя (свыше 100 гект.) пріобрѣли 45.533 гектара.

Во Франціи за десять лѣтъ съ 1882 — 1892 годъ хозяйства съ 1—40 гект. потеряли 653.817 гект., хозяйства же меньше одного гектара пріобрѣли 243.422

*) Гектаръ = немного меньше десятины.

гектара. Хозяйства съ владѣніемъ меньше, чѣмъ въ одну десятину! Тутъ можетъ дѣло идти или объ огородничествѣ, или о той «собственности», которая приковываетъ къ нищетѣ.

Конечно, концентрація земли и земледѣльческихъ хозяйствъ явленіе гораздо болѣе сложное, чѣмъ концентрація промышленнаго капитала. Прежде всего нужно замѣтить, что *экономически* земельную собственность все болѣе и болѣе косвенно концентрируютъ въ своихъ рукахъ денежные капиталисты. Мы имѣемъ въ виду гипотечную задолженность. Число земель, дѣйствительными собственниками которыхъ являются не столько землевладѣльцы, сколько земельные банки и отдѣльные денежные капиталисты, съ каждымъ днемъ ростетъ. Въ одной Пруссіи съ 1886—1895 годъ долговая отягощенность земель возросла на $1^1/_2$ милліарда марокъ. У насъ въ одномъ лишь дворянскомъ банкѣ заложено земель болѣе, чѣмъ на 600 милліоновъ рублей.

Понятно, что эта экономическая концентрація идетъ пока независимо отъ концентраціи технической и не можетъ ей способствовать, подобно тому, какъ это происходитъ въ индустріи.

Далѣе, имѣетъ большое значеніе, что примѣненіе машинъ къ сельскому хозяйству началось несравненно позже, чѣмъ введеніе ихъ въ промышленности обрабатывающей. Въ главныхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности крупное производство уже торжествуетъ; въ сельскомъ хозяйствѣ оно еще только начинаетъ «приспособляться», но всѣ данные за то, что и здѣсь оно восторжествуетъ, хотя, надо надѣяться, восторжествуетъ уже лишь въ соціалистической формѣ.

Для всякаго знающаго сельскаго хозяина «несомнѣнно, что современное развитіе сельскаго хозяйства какъ разъ именно крупному предпріятію предоставляетъ болѣе богатыя вспомогательныя средства науки и техники, которыя позволяютъ ему при посредствѣ спеціально обученнаго хозяйственнаго персонала во всѣхъ этихъ отношеніяхъ» (скотоводствѣ, примѣненіи машинъ, введеніи улучшеній и проч.) «одерживать верхъ» *) надъ мелкими предпріятіями.

*) Кремеръ. (Handbuch von Goltz I, S. 1961). Цит. по «Die Agrarfrage» Каутскаго.

Наконецъ, надо принять во вниманіе и то, что «вытѣснить» сельскаго самостоятельнаго производителя, «вытѣснить» крестьянина труднѣе, чѣмъ производителя промышленнаго, производителя городского, ремесленника. У крестьянина масса выносливости и ничтожныя потребности, кромѣ того извѣстную роль играетъ и привязанность къ своему клочку земли. Мелкій крестьянинъ-собственникъ нерѣдко работаетъ за двоихъ поденщиковъ и питается хуже самаго «чистаго пролетарія».

«Гораздо еще болѣе, чѣмъ ремесленникъ держится за свою мастерскую, держится крестьянинъ за свою землю» — говоритъ Каутскій въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» *). «Чѣмъ больше ростетъ населеніе, чѣмъ больше требованія на землю, тѣмъ упорнѣе цѣпляется онъ за свой клочокъ. Въ Америкѣ онъ оставляетъ или оставлялъ до послѣдняго времени свою землю съ легкимъ сердцемъ, если она не приносила ему дохода, чтобы двинуться на западъ, гдѣ было еще достаточно земли. Въ Германіи и Франціи нѣтъ лишенія, передъ которымъ бы онъ остановился, чтобы удержать свой клочокъ, нѣтъ цѣны слишкомъ высокой для увеличенія его».

Эта цѣпкость сохранитъ, вѣроятно, очень многихъ крестьянъ-собственниковъ вплоть до побѣды пролетаріата.

Но объ этомъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же вернемся къ обрабатывающей промышленности и посмотримъ, какъ она концентрируется у насъ въ Россіи.

Съ 1882 г. по 1895 г. добыча каменнаго угля поднялась у насъ съ 891 *сотни* вагоновъ до 3.348 *сотенъ* вагоновъ, при этомъ въ *крупныхъ* копяхъ, отправляющихъ въ годъ 5 тысячъ вагоновъ и болѣе, добыча возросла съ 388 сотенъ вагоновъ до 2.641 сотни вагоновъ, т. е. почти *въ семь* разъ, въ копяхъ же, отправляющихъ отъ 1 тысячи до 5 тысячъ вагоновъ, она почти не увеличилась (въ 1882 г. — 344 сотни вагоновъ; въ 1895 г. — 358 сотенъ вагоновъ).

Число хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, имѣющихъ болѣе 100 рабочихъ, въ 50 губерніяхъ Россіи съ 1866 г.

---

*) Второе нѣмецкое изданіе, стр. 127.

по 1894 г. возросло съ 168 до 224, т. е. на 25%, число же рабочихъ на нихъ возросло съ 82.004 человѣкъ въ 1866 г. до 234.506 человѣкъ въ 1894 году, т. е. почти на 300%.

Въ 1866 г. не было ни одной хлопчатобумажной фабрики, имѣвшей 5000 или болѣе рабочихъ; въ 1879 году была такая фабрика лишь одна; въ 1894 г. ихъ было уже 8 съ 54.981 рабочимъ.

Количество рабочихъ на крупныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ за 15 лѣтъ увеличилось (съ 1879 — 1894 г.) болѣе, чѣмъ въ шесть разъ.

Ростъ промышленныхъ рабочихъ до извѣстной степени соотвѣтствуетъ, конечно, «вытѣсненію мелкихъ, самостоятельныхъ хозяйствъ крупными предпріятіями, въ которыхъ работаютъ сотни и тысячи наемныхъ рабочихъ».

Въ 1887 году горнозаводскихъ, фабричныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ было въ Россіи 1.536.125; въ 1897 году уже — 2.512.414, увеличеніе на 64%, по $6^1/_2$% въ годъ, т. е. въ *пять разъ скорѣе*, чѣмъ растетъ населеніе. Фактъ огромнаго *революціоннаго* значенія! Армія освобожденія всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ ростетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ. Въ настоящее время число рабочихъ въ крупномъ производствѣ и желѣзнодорожномъ транспортѣ должно превышать *три милліона* *). «Но, разумѣется», — говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій—«эта цифра далеко не выражаетъ собою всего числа рабочихъ въ крупномъ капиталистическомъ промышленномъ производствѣ вообще, такъ какъ въ нее не входятъ рабочіе въ строительномъ производствѣ — штукатуры, плотники и пр., число которыхъ должно быть громадно (вѣроятно, болѣе милліона), рабочіе въ водномъ и сухопутномъ нежелѣзнодорожномъ транспортѣ, по нагрузкѣ товаровъ и судовъ, рабочіе на рыболовныхъ тоняхъ и многіе другіе».

Въ общемъ «промышленнаго пролетаріата» въ Россіи въ настоящее время врядъ ли меньше пяти милліоновъ.

Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ — не меньше

*) М. И. Туганъ-Барановскій. «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», т. I, изд. 2-ое, стр. 375 и слѣд.

$3^1/_2$ милліоновъ, такъ что пролетаріатъ составляетъ у насъ, «*вѣроятно*», *) отъ 8 до 9 милліоновъ. Значительная часть этого пролетаріата такъ или иначе связана съ землей или, вѣрнѣе, съ деревней, но наша «деревня» гораздо болѣе революціонна, чѣмъ деревня Западной Европы; такъ что эти 9 милліоновъ надо думать, въ скоромъ времени поймутъ, что современный буржуазный строй не совмѣстимъ съ ихъ интересами. Девяти милліоновъ трудящихся пролетаріевъ вполнѣ достаточно, чтобы «покончить съ господствомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ» въ Россіи.

У нихъ къ тому же во всѣхъ странахъ союзники, сила которыхъ также ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ Германіи, если судить по послѣднимъ выборамъ, число сознательныхъ, а, слѣдовательно, и революціонныхъ пролетаріевъ ростетъ съ быстротой, поражающей интеллигентныхъ вожаковъ.

Каутскій не за долго до выборовъ высказывалъ въ итальянской газетѣ «Avanti» предположеніе, что за соціалдемократовъ будетъ подано $2^1/_2$ милліона голосовъ; въ дѣйствительности они получили болѣе 3 милл.

За пять лѣтъ число соціалдемократическихъ *избирателей* возросло не на 400.000, какъ предполагалъ Каутскій, а на 900.000, что соотвѣтствуетъ почти $4^1/_2$ милліонамъ населенія, такъ какъ 1 избиратель приходится въ Германіи почти на пять жителей.

Мы уже указывали на одну изъ причинъ этого роста революціоннаго сознанія, мы указывали на революціонизирующее дѣйствіе кризиса. Но на ряду съ этимъ «сильнымъ», временнымъ средствомъ, болѣе медленно, но безпрерывно и основательно пролетаріатъ въ соціалдемократическомъ направленіи воспитываетъ сама фабричная жизнь, заключающая въ себѣ, говоря словами нашей программы, благопріятныя условія для объединенія пролетаріевъ, для просвѣтленія ихъ классового сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

---

*) Про русскія статистическія цифры всегда приходится говорить «вѣроятно», такъ какъ наша статистика еще очень недостаточна и очень не совершенна.

Эта положительная сторона современной фабрики для революціонера-пролетарія, конечно, несравненно важнѣе ея отрицательныхъ сторонъ.

Фабрика обобществляетъ не только трудъ, она, если можно такъ выразиться, обобществляетъ самихъ трудящихся, она придаетъ ихъ психологіи общественный характеръ.

Сама атмосфера современныхъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ порождаетъ соціалдемократическое настроеніе. Нѣмецкій богословъ Гере*), лѣтъ 12 тому назадъ превратившійся на три мѣсяца въ простого фабричнаго, чтобы изучить рабочую среду, разсказываетъ, какъ одинъ молодой рабочій на вопросъ, много ли на фабрикѣ соціалдемократовъ, съ энтузіазмомъ воскликнулъ: «О, у насъ здѣсь все — соціалдемократично, даже сами машины».

«Практическое изслѣдованіе» Гере вообще чрезвычайно интересно и важно для пониманія воспитательнаго значенія современной фабрики; и очень характерно, что этотъ богословъ, поставившій сначала своей цѣлью борьбу съ соціалдемократіей, унесъ изъ фабричной атмосферы такую сильную соціалистическую заразу, что въ концѣ концовъ сбросилъ пастырское одѣяніе, сдѣлался соціалдемократомъ и является теперь однимъ изъ 81 соціалдемократическихъ депутатовъ, выбранныхъ въ рейхстагъ въ іюнѣ нынѣшняго года. Особенно сильное впечатлѣніе на Гере произвело чувство солидарности, господствовавшее надъ всѣми остальными чувствами рабочихъ, побѣждавшее личныя антипатіи, зависть, ревность и проч. Рабочій почти никогда не забываетъ, что съ нимъ рядомъ работаетъ товарищъ и что ихъ интересы настолько-же едины, насколько они противоположны интересамъ фабричнаго начальства.

Въ столкновеніяхъ съ фабричной администраціей «фабрика», безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній, а просто по инстинкту держалась какъ одинъ человѣкъ. Чувство классовой общности по наблюденію Гере проявляется у рабочихъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо

*) «Drei Monate Fabrikarbeiter und Handwerksbursche». Eine praktische Studie von Paul Goere, Kandidat der Theologie, General secretär des evanq-socialen Kongresses in Berlin, Leipzig, 1891.

проявлялось чувство національное или расовое. И это чувство проявляется не только въ особыхъ торжественныхъ случаяхъ. но въ каждой мелочи повседневной жизни.

«Съ перваго же дня моего поступленія на фабрику», — разсказываетъ Гере, — «выяснилось, что я былъ не способенъ такъ же стойко и сильно работать, какъ опытные товарищи, стоявшіе со мной въ одномъ ряду. Это тотчасъ принято было во вниманіе и, вмѣсто того, чтобы эксплуатировать новаго и еще боязливаго товарища и заставлять его работать вмѣсто себя, его всегда ставили на самое легкое мѣсто, а иногда даже совсѣмъ ставили въ сторону, чтобы скорѣе и лучше исполнить за него работу. И такое-же товарищеское отношеніе, такое-же дружеское снисхожденіе встрѣчалъ я со стороны большинства слесарей и машинныхъ рабочихъ».

По мнѣнію Гере чувство солидарности воспитывается самимъ процессомъ труда. Онъ «основывался у насъ на принципѣ трудового участія всѣхъ въ производствѣ одного и того-же продукта; отъ мастера и монтера до укладчика и перевозчика каждый имѣлъ дѣло съ одинаковымъ объектомъ, участвуя въ единомъ полномъ смысла цѣломъ, въ сложномъ произведеніи искусства машиннаго организма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ постоянно жило сознаніе взаимной необходимости и отвѣтственности... Ибо каждая рабочая категорія была необходима для процесса работы, каждая въ своемъ урокѣ зависѣла отъ быстрой, акуратной и толковой дѣятельности другихъ. Всѣ хорошо знали, какъ много значитъ, напримѣръ, для слесаря, чтобы буравщикъ буравилъ какъ разъ по предписанію; всѣ видѣли, какъ много труда стоило поправить дѣло, испорченное однимъ и боялись справедливыхъ упрековъ и жалобъ товарищей по работѣ, привлекавшихъ въ такихъ случаяхъ виновнаго къ непріятной отвѣтственности....»

Несомнѣнно, богословъ, пробывшій фабричнымъ рабочимъ всего лишь три мѣсяца, склоненъ, идеализировать процессъ труда, но *долю правды* въ его словахъ найдетъ, вѣроятно, и тотъ, кому приходится участвовать въ этомъ процессѣ работы всю жизнь.

Не только на фабрикѣ, но и внѣ ее пролетарская

жизнь воспитываетъ рабочаго въ коммунистическомъ направленіи. Гере разсказываетъ, какъ въ кварталахъ и домахъ, населенныхъ исключительно рабочими, исчезаетъ семейная обособленность, какъ всѣ дѣти, постоянно играющіе вмѣстѣ, относятся другъ къ другу какъ братья и сестры, независимо отъ формальнаго родства, какъ однѣ и тѣ-же вещи служатъ хозяйству цѣлаго ряда семей, какъ семейный кругъ замѣняется кругомъ цѣлаго квартала, гдѣ всѣ живутъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ.

Міровоззрѣніе фабричнаго населенія развивается, по наблюденіямъ Гере, опять-таки «подъ давленіемъ все измѣняющаго строя крупнаго фабричнаго производства». Фабричные рабочіе «свободны отъ всѣхъ традиціонныхъ, твердыхъ жизненныхъ формъ, выросшихъ изъ почвы прежнихъ общественныхъ группировокъ».

Рабочіе легко отбрасываютъ традиціонные взгляды отцовъ и стремятся къ «все обхватывающему образованію».

Духовный кризисъ совершается у наиболѣе способныхъ и вдумчивыхъ «безъ всякаго принужденія и вліянія со стороны», онъ совершается «подъ давленіемъ жизненныхъ условій», онъ вытекаетъ изъ возникающаго въ нихъ сознанія «противоположностей и недостатковъ», изъ «*самостоятельнаго* размышленія объ окружающихъ ихъ людяхъ и вещахъ».

То, что Гере говоритъ о нѣмецкихъ рабочихъ, вѣрно и для англійскихъ, французскихъ, *русскихъ* и т. д. Пролетарская психологія интернаціональна, какъ интернаціонально капиталистическое производство.

Какъ вѣрно понимаетъ зависимость революціонной психологіи пролетаріата отъ окружающей среды этотъ нѣмецкій богословъ, сравнительно съ тѣми русскими интеллигентными «соціалдемократами», которые, подобно Ленину, ставятъ своей революціонной задачей «совлечь рабочее движеніе съ пути опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ матерьяльной среды» *) и съ интеллигентнымъ высокомѣріемъ утверждаютъ, что «о самостоятельной, самими рабочими массами вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи»**)

*) Н. Ленинъ. «Что дѣлать?»
**) Id.

Въ согласіи съ Гере и, само собою разумѣется, въ несогласіи съ Ленинымъ о революціонномъ вліяніи на рабочихъ «матерьяльной среды» говоритъ (въ № 6 «Жизни») и Максъ Грюндвальдъ, одинъ изъ «лѣвыхъ» нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

«Принудительная общая работа на капиталистической фабрикѣ» — говоритъ онъ — «вызываетъ у пролетаріевъ-рабочихъ сильное чувство общности, настолько сильное, что въ исторіи еще ни разу не приходилось, чтобы даже самая воодушевляющая общая идея породила что-нибудь подобное. Какъ колеса и винты, цѣпи и ремни соединяютъ составныя части машины, такъ машина *сама* сковываетъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ одинъ общій солидарный кругъ. Если эта солидарность направляется общимъ желаніемъ и болѣе и менѣе яснымъ сознаніемъ, она порождаетъ *организацію.*»

Будемъ надѣяться, что русскимъ сознательнымъ рабочимъ удастся въ концѣ концовъ совлечь русскихъ соціалдемократическихъ «академиковъ» съ пути высомѣрія, который тоже опредѣляется «взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ и матерьяльной среды».

VI

Съ интересами промышленнаго пролетаріата совпадаютъ интересы ремесленниковъ и земледѣльцевъ, огромное большинство которыхъ при капиталистическомъ строѣ обречено на полуголодное прозябаніе.

Слово «ремесленникъ» мы беремъ въ самомъ широкомъ значеніи, т. е. мы здѣсь имѣемъ въ виду не только мелкаго производителя, производящаго по заказу потребителя, но и всѣхъ вообще работающихъ на дому, сохраняющихъ большую или меньшую «видимость» самостоятельности и собственности, мы здѣсь имѣемъ въ виду также не только «мастеровъ», но и «подмастерьевъ», мы имѣемъ въ виду и всѣ разнообразныя категоріи «кустарей», нижніе слои которыхъ смѣшиваются съ промышленнымъ пролетаріатомъ.

Придавать слову «ремесленникъ» такое широкое значеніе можетъ быть не научно. Этою словесною на-

учностью можно, какъ намъ кажется, пожертвовать въ данномъ случаѣ, такъ какъ изъ всѣхъ названій, обычно употребляемыхъ для пестрой массы мелкихъ промышленныхъ производителей, еще не слившихся съ промышленнымъ пролетаріатомъ, «ремесленникъ» (Handwerker) — наиболѣе международное и наиболѣе коренное въ томъ смыслѣ, что «ремесло» въ самомъ научномъ значеніи этого слова является первичною формою мелкаго производства для продажи.

Изъ ремесленныхъ категорій, особенно важное значеніе для русскаго сознательнаго пролетаріата имѣютъ кустари.

В. Ильинъ въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи» называетъ кустаря-крестьянина «роднымъ братомъ» крупнаго промышленника. Называя кустаря мелкимъ буржуа, Ильинъ утверждаетъ, что этотъ «мелкій буржуа стремится своими мелкими средствами отстоять въ сущности тѣ-же самые классовые интересы, для защиты которыхъ крупный фабрикантъ жаждетъ протекціонизма, премій, привиллегій и проч.»

Изъ этихъ словъ казалось-бы явствуетъ, что по мнѣнію автора классовые интересы кустаря и крупнаго фабриканта одни и тѣ-же, но въ примѣчаніи къ выше приведенному мѣсту, авторъ говоритъ: «Чувствуя, что конкуренція его погубитъ, мелкій буржуа стремится задержать ее, — точно такъ-же, какъ его идеологъ, народникъ, чувствуетъ, что капитализмъ губитъ милые его сердцу «устои», и потому стремится «предотвратить», не допустить, задержать и проч. и проч.»

Изъ этого примѣчанія, кажется, явствуетъ, что интересы кустаря противоположны интересамъ капиталиста, и что авторъ примѣняетъ къ нашему кустарю извѣстныя слова «Коммунистическаго Манифеста» «о среднихъ сословіяхъ». «Они, такимъ образомъ, не революціонны, а консервативны. Болѣе того, они реакціонны, они пытаются повернуть назадъ колесо исторіи».

Но за этими извѣстными словами въ «Комммунистическомъ Манифестѣ» слѣдуютъ другія не менѣе извѣстныя слова: «Если они (среднія сословія) революціонны, то только въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ, такимъ образомъ они защищаютъ не свои настоящіе, но свои будущіе интересы, такимъ

образомъ они оставляютъ свою собственную точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата».

Этимъ послѣднимъ словамъ самъ Марксъ придавалъ впослѣдствіи особенно важное значеніе; онъ напоминаетъ о нихъ въ своей жестокой критикѣ готской программы.

По нашему мнѣнію въ настоящее время по отношенію къ кустарямъ могутъ имѣть значеніе лишь слова «о революціонности».

Положеніе кустарей въ огромномъ большинствѣ случаевъ даже хуже положенія промышленнаго пролетаріата и многимъ изъ нихъ при «переходѣ въ пролетаріатъ» придется не опуститься, а подняться. Ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами пролетаріата; каждый шагъ впередъ пролетаріата улучшаетъ и ихъ положеніе, побѣда пролетаріата — ихъ побѣда. Справедливость этого положенія становится очевидна, если серьезно познакомиться съ кустаремъ въ его прошломъ и настоящемъ. Такое знакомство даетъ превосходное изслѣдованіе М. И. Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ». Туганъ-Барановскій указываетъ, что кустарные промыслы отчасти выросли изъ домашняго производства сельскаго населенія, отчасти порождены фабрикой и крупной мастерской. Кустари первой категоріи уже въ XVII и XVIII вѣкѣ были подчинены посредникамъ-капиталистамъ, которые владычествовали на рынкѣ. «Власть надъ рынкомъ всегда сопровождается властью надъ производителями». Эти кустари были и остались жертвами эксплуатаціи со стороны торговаго капитала.

Кустари другой категоріи, болѣе обширной и значительной, въ дореформенную эпоху вели упорную борьбу съ крупными капиталистами и часто оказывались побѣдителями. Рядомъ неопровержимыхъ фактовъ Туганъ-Барановскій доказываетъ, что въ Николаевскую эпоху, когда малоразвитая техника еще не была на сторонѣ крупнаго производства, фабрики и заводы вытѣснялись мелкими производителями - кустарями. «Кустарь билъ фабриканта», но въ большинствѣ случаевъ самъ попадалъ въ сѣти торговаго капиталиста. Но во всякомъ случаѣ побѣда въ области производства дѣлала положеніе кустаря довольно сноснымъ. Дѣло совершенно измѣнилось, когда техника окончательно

стала на сторону крупнаго производства; фабрикантъ началъ бить кустаря. Тяжесть зависимости отъ торговаго капитала страшно усилилась. Положеніе кустарей становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невыносимымъ; они массами бѣжали на работу къ своимъ побѣдителямъ фабрикантамъ, но тѣ брали съ выборомъ, брали только наиболѣе умѣлыхъ, другимъ-же оставляли ихъ «самостоятельность», предпочитая выжимать изъ нихъ потъ работой на дому. Капиталисты стараются теперь не только сохранить «кустарей», но и увеличить ихъ число, такъ какъ при ихъ посредствѣ создавать прибавочную цѣнность иногда еще проще, чѣмъ при посредствѣ фабричнаго рабочаго. «Машина и домашняя система, — говоритъ Туганъ-Барановскій, — являются различными методами достиженія одной и той-же цѣли: пониженія издержекъ производства и повышенія прибыли. Машина является методомъ пониженія издержекъ производства путемъ повышенія производительности труда; домашняя система выжиманія пота — методомъ пониженія издержекъ производства путемъ увеличенія эксплуатаціи рабочаго. Результатъ съ точки зрѣнія капиталиста одинъ и тотъ-же—увеличеніе барыша»...

«Всѣмъ извѣстно,—продолжаетъ Туганъ-Барановскій, — что нищенская плата, непомѣрно продолжительный рабочій день и крайняя эксплуатація дѣтскаго труда являются характерными отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менѣе извѣстно, что такъ называемый самостоятельный кустарь въ дѣйствительности находится въ полной зависимости отъ посредника — мастерка, свѣтелочника, скупщика, — который изъ него выжимаетъ буквально всѣ соки, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наглый обманъ, плутовство, расплату не деньгами, а товаромъ по непомѣрно высокой цѣнѣ, закабаленіе кустаря въ неоплатнаго должника и пр. и пр.».

Кустарей у насъ считается до $7^1/_2$ милліоновъ, и эта громадная армія въ концѣ концовъ будетъ на сторонѣ борющагося пролетаріата, такъ какъ если теперь многіе изъ нихъ считали-бы счастьемъ попасть въ ряды современныхъ фабрично-заводскихъ пролетаріевъ, то пролетарская революція дастъ имъ возможность вступить въ ряды пролетаріевъ—побѣдителей, проле-

таріевъ, освободившихся отъ всякой эксплуатаціи, отъ всякаго угнетенія.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время большинство кустарей еще не проникнуты классовымъ пролетарскимъ сознаніемъ, такъ какъ ихъ матеріальной средѣ недостаетъ многихъ «благопріятныхъ» условій для ихъ объединенія, просвѣтлѣнія ихъ классоваго сознанія и организаціи совмѣстной борьбы противъ класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи положеніе городскихъ ремесленниковъ-подмастерьевъ, пекарей, сапожниковъ, портныхъ и т. д., благопріятнѣе, и, насколько мы можемъ судить по сообщеніямъ товарищей пропагандистовъ, соціалистическая пропаганда среди нихъ находитъ очень воспріимчивую почву. Положеніе «самостоятельныхъ производителей» въ Западной Европѣ въ общихъ чертахъ сходно съ ихъ положеніемъ у насъ. Даже въ Англіи имѣются «кустари», живущіе совершенно въ русскихъ условіяхъ.

«Кажется трудно найти двѣ европейскія страны до такой степени несходныя между собой, какъ Россія и Англія, — говоритъ Туганъ-Барановскій, — а между тѣмъ изученіе англійской кустарной промышленности показываетъ, что англійскіе кустари многими чертами поразительно напоминаютъ своихъ русскихъ собратьевъ. Такая же организація промысла, такая же зависимость отъ скупщика, такая же бѣдность, такая же безпомощность, такой же непомѣрно длинный рабочій день и даже такая же невѣжественность».

Это утвержденіе иллюстрируется авторомъ многими характерными фактами.

Въ Германіи, гдѣ когда-то дѣйствительно процвѣтали ремесла, мы видимъ теперь, что большинство ремесленниковъ обречено на голодное прозябаніе.

«Правда, число маленькихъ и среднихъ предпріятій огромно, — говоритъ Бебель въ своей рѣчи противъ Бернштейна. — и это привело Бернштейна къ заключенію, что въ близкомъ будущемъ немыслимо исчезновеніе среднихъ слоевъ. Голыя, поверхностно разсмотрѣнныя цифры даютъ ему на это кажущееся право. Въ 1882 г. всѣхъ самостоятельныхъ предпріятій, считая и домашнюю промышленность, было 2.270.000; въ 1895 г. —2.146.000, уменьшеніе всего на 5,4%. Но населеніе за

этотъ періодъ увеличилось на $14^1/_2{}^0/_0$, такимъ образомъ въ 1895 г. должно бы быть приблизительно 2.600.000 предпріятій, а ихъ въ дѣйствительности было лишь 2.146.000, слѣдовательно, относительное уменьшеніе не на $5,4^0/_0$, а на $20^0/_0$.

Уменьшеніе одиночныхъ предпріятій составляетъ 188.000 т. е. $12,6^0/_0$. И здѣсь огромный упадокъ, полный крахъ предпріятій. Тѣ предпріятія, въ которыхъ у мастера нѣтъ ни одного помощника, ни одного ученика, составляютъ, однако, еще цѣлыхъ $61^0/_0$ всѣхъ предпріятій. Товарищи, вы почти всѣ—люди, стоящіе въ практической жизни, и ко всѣмъ вамъ я обращаюсь съ вопросомъ: какое экономическое значеніе имѣетъ въ нашей промышленности этотъ $61^0/_0$ мастеровыхъ предпріятій? Всѣ они, безъ исключенія, влачатъ чисто пролетарское существованіе, и большая часть изъ нихъ поставлена хуже, чѣмъ хорошо оплачиваемые рабочіе. Въ экономическомъ отношеніи эти предпріятія совершенно не должны приниматься въ расчетъ, *они должны болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой желать, чтобы этому общественному строю, какъ можно скорѣе, былъ положенъ конецъ*».

Идеологами всѣхъ этихъ ремесленниковъ могутъ быть только сознательные пролетаріи, только соціалисты и соціалдемократы. Переходъ всѣхъ ремесленниковъ въ фабрично заводскій пролетаріатъ не является необходимымъ условіемъ соціальной революціи, не является онъ необходимымъ и послѣ соціальной революціи. Пролетаріатъ, совершивъ соціальную революцію, экспропріируетъ эксплуататора и положитъ конецъ производству *ради прибыли*, но ему нѣтъ основаній и нѣтъ возможности держаться какой-нибудь одной опредѣленной формы производства продуктовъ ради удовлетворенія потребностей производителей. Вполнѣ возможно представить себѣ, что послѣ соціальной революціи на ряду съ крупнымъ производствомъ сохранится и будетъ развиваться производство мелкое, производство ремесленное. Могутъ найтись производители, которые пожелаютъ быть въ своей работѣ самостоятельными, производить тѣ или другіе предметы для своего потребленія или для потребленія другихъ членовъ общины у себя на дому съ помощью хотя бы небольшихъ электрическихъ двигателей и въ

этомъ имъ, конечно, никто не будетъ препятствовать. Такъ что совершенно правы нѣмецкіе соціалдемократы, которые, выступая защитниками интересовъ мелкихъ производителей, говорятъ имъ, что соціальная революція ихъ кажущуюся самостоятельность и дѣйствительное рабство замѣнитъ дѣйствительною самостоятельностью и дѣйствительной свободой.

Сказанное по поводу ремесленниковъ въ значительной степени относится и къ земледѣльцамъ. Мы намѣренно употребляемъ слово земледѣлецъ, а не крестьянинъ, чтобы показать, что мы имѣемъ въ виду только тѣхъ, кто лично занимается *земледѣліемъ*, т. е. пашетъ, коситъ и т. д. Между «крестьянами» и у насъ, и на Западѣ уже не мало лицъ, переставшихъ быть *земледѣльцами* и сдѣлавшихся болѣе или менѣе крупными *землевладѣльцами* и эксплуататорами.

Едва ли не самымъ отвратительнымъ типомъ эксплуатора является деревенскій кулакъ, деревенскій паукъ, деревенскій міроѣдъ. Изъ міроѣдовъ, эксплуатирующихъ только односельчанъ, выростаютъ крупные хищники, скупающіе окружныя земли у помѣщиковъ и тѣснящіе малоземельныхъ крестьянъ цѣлой округи; нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ-хищниковъ владѣютъ десятками тысячъ десятинъ земли и превратились въ купцовъ. Пользуясь малоземельемъ, бѣдностью, темнотой и безправіемъ сельскаго люда, кулаки съ необычайной быстротой порабощаютъ себѣ окружныхъ крестьянъ, доводя ихъ до нищеты и до полнаго истощенія. Они жирѣютъ одинаково на урожаѣ и на неурожаѣ и на послѣднемъ можетъ быть еще больше, чѣмъ на первомъ. *) «Система» хозяйства у нихъ самая простая. Скупивъ землю, необходимую крестьянамъ, они сдаютъ ее въ аренду и при этомъ стараются такъ опутать арендаторовъ всевозможными условіями и неустойками, чтобы возможно большая часть сжатаго хлѣба перешла въ ихъ амбары. Современный самодержавный полицейскій строй чрезвычайно удобенъ всѣмъ категоріямъ кулаковъ, отъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ. Они злѣйшіе враги всякаго прогресса, и ихъ земельный капитализмъ не имѣетъ ни-

*) Одинъ изъ такихъ хищниковъ описанъ нами въ очеркахъ «На холерѣ».

чего общаго «съ сознательнымъ научнымъ примѣненіемъ агрономіи», съ раціонализаціей земледѣлія и другими великими заслугами капиталистическаго производства въ земледѣліи, о которыхъ говоритъ Марксъ во второй главѣ третьяго тома «Капитала», но тѣмъ не менѣе «непосредственнымъ производителямъ» приходится платить этому разуваевскому капиталу ту же цѣну, какъ капиталу культурному и заслуженному — «цѣну своего полнаго обнищанія».

Кулаки—заклятые враги пролетаріевъ, враги всякаго революціоннаго движенія, и надо быть Плехановымъ, чтобы надѣяться на Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, какъ на союзниковъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, чтобы думать, что «они по необходимости должны предварительно пережить свой «періодъ бурныхъ стремленій», чтобы «наперед знать», «что между кулакомъ и его «батюшкой царемъ» должны произойти сильныя неудовольствія».*)

Надѣясь съ одной стороны на бурныя стремленія Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, Плехановъ возлагаетъ не меньшія надежды въ борьбѣ съ современнымъ режимомъ на гибель «мужика». «Подобно прокурору», — говоритъ Плехановъ, — «въ шуточномъ стихотвореніи «Рѣчь Желеховскаго» онъ (Тихомировъ) готовъ умильнымъ голосомъ воскликнуть теперь:

Христу благодареніе,
Въ мужичкѣ для насъ спасеніе!

И дѣйствительно мужичекъ спасъ бы г. Тихомірова и его нынѣшнихъ «единомышленниковъ», если бы г. Тихомировъ и его нынѣшніе единомышленники могли спасти мужичка, завѣщаннаго намъ добрымъ старымъ временемъ. Но, его не спасетъ никакая ужъ сила».**)

Въ противоположность Плеханову, мы съ одной стороны полагаемъ, что промышленному пролетаріату нѣтъ никакихъ основаній надѣяться на кулаковъ,

---

*) См. брошюру Плеханова «Новый защитникъ самодержавія или Горе господина Тихомирова» (стр. 45); эту брошюру можно было бы назвать съ нѣкоторымъ основаніемъ и такъ: «Новый защитникъ буржуазіи или Горе господина Плеханова».

**) См. то же «Горе», стр. 42.

съ другой стороны мы думаемъ, что «мужичекъ» можетъ оказать очень серьезную поддержку городскому рабочему въ его борьбѣ за соціализмъ, и что «мужичка» въ свою очередь можетъ спасти сила промышленнаго пролетаріата.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство нашихъ мужиковъ состоитъ изъ бѣдноты, что оно не живетъ, а прозябаетъ и, что подняться до жизни оно можетъ лишь послѣ низверженія самодержавно-буржуазнаго господства. В. Ильинъ въ «Развитіи капитализма въ Россіи», на основаніи различныхъ данныхъ, (главнымъ образомъ на военно-конной переписи) приходитъ къ заключенію, что зажиточное крестьянство или сельская буржуазія составляетъ не болѣе $^1/_5$ доли дворовъ (что соотвѣтствуетъ приблизительно $^3/_{10}$ населенія), число же сельскихъ пролетаріевъ собственниковъ, у которыхъ или совсѣмъ нѣтъ лошадей, или одна лошадь, и которыхъ Ильинъ называетъ наемными рабочими съ надѣломъ, составляетъ не менѣе половины всего числа крестьянскихъ дворовъ (что соотвѣтствуетъ приблизительно $^4/_{10}$ населенія); остальную массу составляетъ среднее крестьянство. «Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ Ильинъ, — средній крестьянинъ не можетъ свести концовъ съ концами безъ того, чтобы не прибѣгать къ займамъ подъ отработки и т. п. безъ того, чтобы не искать «подсобныхъ» сторонніхъ заработковъ, состоящихъ тоже отчасти изъ продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасываетъ массы средняго крестьянина въ ряды пролетаріата».

Н. Ленинъ въ своемъ обращеніи «Къ деревенской бѣднотѣ», фактическая часть котораго, повидимому, построена на тѣхъ же данныхъ, какъ и книга Ильина, высчитываетъ, что «къ деревенской бѣднотѣ принадлежитъ громадное большинство, почти $^2/_3$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ Россіи» ($6^1/_2$ милліоновъ дворовъ изъ 10 милліоновъ); среднихъ крестьянъ, у которыхъ по одной парѣ рабочаго скота около $^1/_5$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ (около 2 милліоновъ); наконецъ, зажиточныхъ крестьянъ («богатыхъ», по выраженію Ленина), имѣющихъ болѣе чѣмъ по парѣ рабочаго скота, — 0,15 дворовъ ($1^1/_2$ милліона). Изъ этихъ послѣднихъ только очень небольшая часть дѣйствительно

богаты, и эти богатые, главнымъ образомъ, кулаки. Деревенскую бѣдноту Ленинъ считаетъ роднымъ братомъ городского рабочаго. Среднимъ крестьянамъ онъ доказываетъ выгоду соединенія съ рабочими-соціалдемократами. Что касается до богатыхъ крестьянъ, то съ ними соціалдемократы могутъ сдѣлать лишь первый шагъ, добившись свободы, а затѣмъ начать бороться противъ нихъ за соціализмъ. Впрочемъ, Ленинъ, видимо надѣется, что съ богатыми крестьянами можно сдѣлать и второй шагъ. «Но можно-ли,—пишетъ онъ, —теперь уже сразу сказать, какое требованіе встанетъ на очередь завтра для второго шага? Нѣтъ, этого сказать нельзя, потому что мы не знаемъ, какъ будутъ себя держать завтра богатые крестьяне и многіе образованные люди, занятые всякими коопераціями и всякимъ перетеканіемъ земли отъ капитала къ труду. Можетъ быть, они еще не успѣютъ завтра-же сойтись съ помѣщиками и захотятъ добить помѣщичью власть до конца. Отлично».

Ленинъ, какъ видите, сильно расходится съ Плехановымъ въ своихъ взглядахъ на «мужичка». Расходится онъ съ Плехановымъ въ *данномъ случаѣ* (т. е. въ обращеніи «Къ деревенской бѣднотѣ») и во взглядахъ на «образованныхъ людей.»

Члены «Группы освобожденія труда» и въ частности Плехановъ очень высоко ставили «образованныхъ людей», приводимыхъ въ уныніе непониманіемъ мужика, Ленинъ-же ставитъ ихъ на одну доску съ богатыми крестьянами и считаетъ вѣроятнымъ, что эти «образованные люди»завтра-же соединятся съ помѣщиками. Къ этимъ «образованнымъ людямъ» Ленинъ, видимо, относитъ народниковъ, соціалистовъ-революціонеровъ и нѣмецкаго соціалдемократа Эдуарда Давида, выбраннаго въ нынѣшнемъ году рабочими Майнца въ Германскій рейхстагъ. Надо замѣтить, что соціалисты-революціонеры и Эдуардъ Давидъ составляютъ одинъ изъ пунктовъ душевнаго разстройства Ленина. Онъ ихъ суетъ рѣшительно всюду и обыкновенно совершенно не къ мѣсту, особенно не къ мѣсту упоминаніе о нихъ въ туманно-обвинительной формѣ въ такой брошюрѣ, какъ «Къ деревенской бѣднотѣ», которая должна служить своего рода оффиціальнымъ объясненіемъ для крестьянъ «Чего хотятъ соціалдемократы».

Упоминаніе о Давидѣ просто смѣшно, такъ какъ деревенская бѣднота, если къ ней попадетъ книга Ленина, вѣроятно смѣшаетъ его съ царемъ Давидомъ-Псалмопѣвцемъ, но двухсмысленные намеки на солидарность крѣпостниковъ и соціалистовъ-революціонеровъ *) можно извинить лишь душевнымъ разстройствомъ автора.

Обращеніе «Къ деревенской бѣднотѣ» точно также, какъ книга «Что дѣлать» показываютъ, что у автора ихъ несомнѣнно бываетъ «intervala lucida», минуты просвѣтленія, и просвѣтленія иногда блестящаго. Къ такимъ «intervala lucida» принадлежитъ все то, что Ленинъ говоритъ о современномъ положеніи крестьянства и о совпаденіи интересовъ огромнаго большинства его съ интересами промышленнаго пролетаріата. Но на ряду съ этими свѣтлыми промежутками мы встрѣчаемъ мѣста, которыя не могутъ не вызвать у читателя чувства и огорченія, и опасенія за почтеннаго автора. Таково, напримѣръ, мѣсто, гдѣ объясняется, какъ долженъ рабочій соціалдемократъ держать себя въ деревнѣ. «Деревня вся цѣликомъ, какъ муха въ паутинѣ, въ лапахъ у сосѣда—помѣщика, не выходитъ изъ кабалы всю жизнь и некуда дѣться ей отъ этой кабалы. Надо сейчасъ выбрать самыхъ *толковыхъ, разумныхъ и надежныхъ крестьянъ*, которые ищутъ правды и не убоятся первой полицейской собаки, и *разъяснить этимъ крестьянамъ, отчего происходитъ ихъ безисходная кабала*, разсказать, *какъ помѣщики надували крестьянъ и обирали* ихъ въ дворянскихъ комитетахъ, *разсказать про силу богатыхъ* и поддержку ихъ царскимъ правительствомъ, разсказать о требованіяхъ рабочихъ-соціалдемократовъ. Когда крестьяне поймутъ всю эту *нехитрую механику*, тогда надо хорошенько обдумать сообща, нельзя-ли дать дружный отпоръ этому помѣщику, нельзя-ли крестьянамъ заявить свои первыя и главныя требованія (подобно тому, какъ въ городахъ рабочіе заявляютъ свои требованія фабрикантамъ). Если закабалено этимъ помѣщикомъ большое село или нѣсколько деревень, то лучше бы всего было достать отъ ближняго соціалдемократическаго комитета черезъ довѣренныхъ людей *листовку*:

*) См. стр. 60

въ листовкѣ соціалдемократическій комитетъ напишетъ, какъ слѣдуетъ, съ самаго начала, *отъ какой кабалы страдаютъ крестьяне* и чего они *въ первую голову требуютъ* (чтобы плата за съемную землю была дешевле или чтобы при зимней наемкѣ разсчитывали по настоящимъ цѣнамъ, а не за полъ-цѣны, или чтобы за потравы такъ не преслѣдовали, не тѣснили, или разныя другія требованія). Изъ такой листовки всѣ грамотные крестьяне *узнаютъ* хорошо, *въ чемъ дѣло*, да и неграмотнымъ объяснятъ. *Тогда крестьяне увидятъ ясно, что соціалдемократы стоятъ за нихъ, что соціалдемократы всякій грабежъ осуждаютъ.*»*)

Неужели безъ «ближняго соціалдемократическаго комитета» и его волшебной «листовки» крестьяне не будутъ знать, чего «они въ первую голову требуютъ», неужели «ближній соціалдемократическій комитетъ», гдѣ, навѣрное, засѣдаютъ «образованные люди», лучше знаетъ «требованія» крестьянъ, чѣмъ они сами?! Развѣ «комитетскихъ», а не крестьянскихъ лошадей и коровъ загоняютъ за «потравы»?

Даже «самые толковые, разумные и надежные крестьяне» безъ «соціалдемократа» не знаютъ, отчего происходитъ ихъ безысходная кабала!

И въ концѣ концовъ все для того, чтобы узнать, что «соціалдемократы всякій грабежъ осуждаютъ». Хорошее, нечего сказать, опредѣленіе сущности соціалдемократизма! И что такое «грабежъ»?

И съ «*законной*» и съ «*обычной*» точки зрѣнія очень многія требованія соціалдемократіи можно назвать «грабежемъ».

Впрочемъ, вѣдь по мнѣнію «Искры» намъ предстоитъ «буржуазная революція», которая, разумѣется, «осудитъ всякій грабежъ» и, пожалуй, введетъ смертную казнь за нарушеніе священнаго права частной собственности.

Ленинъ не въ состояніи ликовать при мысли, что мужичка «не спасетъ никакая ужъ сила», но и онъ возлагаетъ какія-то надежды на кулаковъ.

Въ число его «богатыхъ мужиковъ», на сколько можно понять, входятъ и кулаки, а съ богатыми му-

---

*) Подчеркнуто всюду мною. В. П.

жиками, по его мнѣнію, обязательно надо идти вмѣстѣ. Фабричный рабочій, деревенскій батракъ и кулакъ съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли соединятся въ одномъ революціонномъ порывѣ, чтобы отыскать въ перегородкѣ дверь!

Первый шагъ непремѣнно «вмѣстѣ съ богатѣями»!

Кто думаетъ, что съ самаго начала надо бороться и съ помѣщиками, и съ богатѣями, тотъ «засоряетъ глаза деревенской бѣднотѣ»!

Не засорены ли глаза у самого Ленина?

Только при засореніи глазъ можно совершенно правильно указывать, что «богатѣямъ» вѣрить нельзя, что «они и теперь уже понабрали и купчей земли и съемной, да имъ еще мало» и въ то же время, даже безъ передышки, рекомендовать деревенской бѣднотѣ идти съ ними въ союзѣ, чтобы дѣлать вмѣстѣ первый шагъ.

Нѣтъ, всѣ эти разсужденія о возможности союза съ тѣми, интересамъ которыхъ противорѣчитъ измѣненіе существующаго капиталистическаго строя, — говоря словами Ленина—«одинъ обманъ, одна издѣвка надъ крестьянствомъ».

«Союзы» съ буржуазіей для «перваго шага» всегда оказывались «обманомъ и издѣвкой» для неимущей и трудящейся массы.

Несомнѣнно, что соціалдемократъ-рабочій неспособенъ давать деревенской бѣднотѣ подобныхъ совѣтовъ; что же касается «образованныхъ людей», то, вѣдь говоритъ же Ленинъ, что «многіе образованные люди могутъ завтра-же, какъ только худшая кабала будетъ ограничена и урѣзана, соединиться съ помѣщиками»...

У «честныхъ и развитыхъ людей», у которыхъ, по словамъ Плеханова, «не можетъ быть вопроса, нужна-ли намъ (!) эта свобода», у этихъ людей найдутся потомъ очень дѣйствительныя средства привести въ уныніе уже не «высшіе классы», а «деревенскую бѣдноту».

Съ «переходомъ на точку зрѣнія пролетаріата» надо быть тоже очень осторожнымъ. Переходъ серьезный, переходъ безъ «обмана и издѣвки» предполагаетъ совпаденіе интересовъ.

У *земледѣльцева* интересы совпадаютъ съ интере-

сами промышленнаго пролетаріата, потому что при современномъ капиталистическомъ строѣ и тѣ, и другіе обдѣлены и угнетены, потому что и тѣ, и другіе, какъ труженники и производители всѣхъ цѣнностей, могутъ стать свободными людьми только въ такомъ обществѣ, гдѣ трудъ и производство перестанутъ быть источниками эксплуатаціи и угнетенія для тружениковъ и производителей.

Конечно, совпаденіе интересовъ не есть еще единство сознанія этихъ интересовъ. Условія жизни промышленнаго пролетаріата болѣе благопріятны для выработки соціалистическаго сознанія, чѣмъ условія жизни земледѣльцевъ.

Для западно-европейскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій является ихъ *разбросанность*, русскіе земледѣльцы находятся въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятномъ положеніи: значительная часть ихъ живетъ въ обширныхъ деревняхъ и селахъ и привыкла дѣйствовать «міромъ».

Ленинъ слишкомъ быстро ставитъ крестъ надъ «міромъ».

Совершенно вѣрно, что въ «мірѣ» происходитъ борьба между богатѣями и бѣднотой, но сама эта борьба носитъ «мірской», общественный характеръ и несомнѣнно воспитываетъ *солидарность бѣдноты*. «Сходъ» объединяетъ бѣдноту болѣе, чѣмъ богатѣевъ, и нерѣдки случаи, когда бѣднота беретъ верхъ. *)

Но и помимо этого «міръ», мірское самоуправленіе пріучаетъ къ общественной жизни, къ созданію изъ индивидуальной воли — воли общественной.

Мы увѣрены, что мірское воспитаніе русскихъ крестьянъ скажется самымъ благопріятнымъ образомъ при созидательной работѣ послѣ побѣды пролетаріата.

Рано также ставить крестъ и на «общинномъ землевладѣніи» и легкомысленно видѣть въ немъ однѣ лишь отрицательныя стороны.

Въ этомъ отношеніи русскіе марксисты, въ противоположность Марксу, не мало погрѣшили. Прежде

*) Объ одной изъ такихъ побѣдъ очень живо разсказываетъ *П. С.* въ очеркѣ «Изъ деревенскихъ впечатлѣній». (См. «Жизнь», № 6, 1902).

всего они слишкомъ увлеклись почтеннымъ русскимъ ученымъ Б. Н. Чичеринымъ, главнымъ творцомъ теоріи, по которой общинное землевладѣніе результатъ финансовой политики государства. По словамъ М. М. Ковалевскаго, «наши историки покинули мало-по-малу теорію г. Чичерина, которая въ настоящее время имѣетъ приверженцевъ только заграницей, особенно во Франціи», но это не мѣшаетъ авторамъ «приложенія» къ докладу русскихъ соціалдемократовъ лондонскому соціалистическому конгрессу 1896 года рѣшительно заявлять, что представленіе о русской общинѣ, какъ остаткѣ первобытнаго коммунизма, — «совершенно ошибочно», что «новѣйшія изслѣдованія обнаружили его несостоятельность» и «съ полной убѣдительностью показали, что русское общинное землевладѣніе создано, съ одной стороны, властью помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами, а съ другой — финансовой политикой государства». Для авторовъ «приложенія» къ докладу «не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе или менѣе раціональная реформа налоговъ, ведущая къ облегченію податного гнета, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ могилой русскаго общиннаго землевладѣнія, которое къ тому же, невыгодно для бѣднѣйшей части сельскаго населенія».

Не знаемъ, писалъ ли этотъ докладъ Плехановъ, или кто-нибудь другой, но во всякомъ случаѣ авторъ очень близокъ къ тѣмъ, про которыхъ Некрасовъ сказалъ: «что ему книга послѣдняя скажетъ, то на сердце сверху и ляжетъ», и очень далекъ отъ такихъ серьзныхъ мыслителей, какъ К. Марксъ.

К. Марксъ, какъ извѣстно, очень серьезно занимался вопросомъ о русской общинѣ и пришелъ къ заключенію, что «русская крестьянская община», — «уже очень разложившаяся *форма первобытной общинной собственности*» и что «если русская революція будетъ сигналомъ къ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ дополнятъ другъ друга, тогда современная русская общинная собственность можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія».

Намъ кажется, что русскимъ «марксистамъ» пока еще не удалось опровергнуть этого осторожнаго заявленія Маркса.

Подождемъ, что дастъ серьезное изслѣдованіе во-

проса объ «общинѣ», предпринятое не-марксистомъ К. Р. Качоровскимъ, но уже вышедшій первый томъ («Общее введеніе») открываетъ въ этомъ вопросѣ много новыхъ сторонъ и показываетъ, что терминъ «русская крестьянская земельная община» охватываетъ очень разнообразныя формы, изъ которыхъ выдѣляются два *типа*: «первый типъ, основное ядро котораго составляютъ бывшія государственныя общины (а также инородческія, казаческія, удѣльныя и т. п.), представляетъ дѣйствительную... общину обычнаго права, общину, говоря крестьянскими словами, «вольную», натуральную», «самонатурную».... «Землевладѣніе остальной части общинъ — бывшихъ помѣщичьихъ — наоборотъ, представляетъ въ большей степени государственно-юридическій, чѣмъ обычно-правовой институтъ».

Качоровскій отмѣчаетъ также рядъ фазисовъ, переживаемыхъ общиною подъ вліяніемъ «факторовъ естественныхъ и экономическихъ»: «сначала *развитія*, затѣмъ *дѣйствія* и, наконецъ, *замиранія*.

Все русское крестьянство проходитъ черезъ общину: «на востокѣ она въ будущемъ и развивается, въ центрѣ — въ настоящемъ и въ полной силѣ и на западѣ — въ прошломъ и идетъ къ упадку и разложенію».

Особенно интересны и важны для насъ общины сибирскія, находящіяся въ «развитіи», — въ этихъ общинахъ происходитъ борьба малоземельныхъ «малолѣтовъ», отстаивающихъ *право на трудъ* съ многоземельными «старозаимщиками», захватившими большія участки, когда еще не было «земельнаго утѣсненія», и отстаивающими *право труда*.

Результатомъ борьбы является созданіе своеобразной формы общиннаго землепользованія.

Во всякомъ случаѣ въ русскомъ крестьянствѣ еще живетъ сила коллективнаго творчества въ созданіи той или другой формы землепользованія въ зависимости отъ измѣняющихся условій. Эта сила можетъ сыграть большую роль при выработкѣ соціалистическихъ формъ общественнаго производства.

Для тѣхъ «соціалдемократовъ», которые, подобно

*) См. «Манифестъ коммунистической партіи» (Предисловіе Энгельса къ нѣмецкому изданію 1890 г.) стр. 7. нашего перевода.

авторамъ лондонскаго доклада, «не вѣрятъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», «община»—не интересна; для тѣхъ же, которые, вмѣстѣ съ западноевропейскими соціалдемократами, вѣрятъ въ близкую побѣду пролетаріата надъ буржуазіей, община — интересна и интересна, главнымъ образомъ, съ своей положительной стороны.

Въ 1871-мъ году французскіе крестьяне, къ которымъ парижскіе коммунары обращались съ призывомъ соединиться, чтобы отнять у буржуазіи всѣ средства производства, остались равнодушны.

Марксъ объяснилъ это тѣмъ, что «между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями» не успѣло установиться свободное сообщеніе.

«Деревенскіе депутаты»—говоритъ онъ въ «Гражданской войнѣ» — «знали какъ нельзя лучше — и этого они опасались больше всего — что стоитъ установиться свободному сообщенію между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями, и черезъ какіе нибудь три мѣсяца вспыхнетъ поголовное крестьянское возстаніе.»

Намъ кажется, что французскіе крестьяне не откликнулись вслѣдствіе болѣе глубокой причины: они не могли понять солидарности своихъ интересовъ съ интересами городскихъ пролетаріевъ, и не могли понять въ значительной степени потому, что между ними не было солидарности и сплоченности, что они были раздѣлены своей мелкой земельной собственностью....

Русскіе коммунары, надо надѣяться, окажутся счастливѣе парижскихъ, и до *нѣкоторой* степени они будутъ этимъ обязаны деревенскому «міру» и общинному землевладѣнію.

VII

Сила пролетаріата увеличивается и постепеннымъ вступленіемъ въ его ряды части представителей умственнаго труда, необезпеченность которыхъ возрастаетъ съ развитіемъ капиталистическаго строя.

Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ» сравнилъ русскій народъ, т. е. «народъ про-

стой», народъ мужицкій — со сфинксомъ. Но въ дѣйствительности названіе сфинкса гораздо болѣе подходитъ къ интеллигенціи. Интеллигенція — сфинксъ, передъ которой съ недоумѣніемъ стоитъ пролетаріатъ, стараясь разгадать заданную сфинксомъ загадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его самого. Древній сфинксъ спрашивалъ Эдипа: какое животное утромъ ходитъ на четырехъ ногахъ, днемъ на двухъ ногахъ и вечеромъ на трехъ? Эдипъ, сказавъ: «человѣкъ», разгадалъ загадку, и чудовище бросилось въ море.

Современный сфинксъ-интеллигенція задаетъ современному Эдипу-пролетаріату, идущему, чтобы освободить не одинъ городъ, а все человѣчество, болѣе мудреную загадку: «Какое животное одновременно ходитъ на четырехъ ногахъ, на двухъ ногахъ и на трехъ ногахъ?» И пролетаріатъ отвѣчаетъ: «Интеллигенція.» Загадка разгадана, сфинксъ исчезаетъ.

Въ интеллигенціи три основныхъ элемента: одинъ состоитъ изъ слугъ капиталистовъ, слугъ буржуазіи. Эти слуги не могутъ ходить прямо, они ползаютъ или ходятъ на четверенкахъ. Другой элементъ состоитъ изъ интеллигентовъ-пролетаріевъ, идущихъ нога въ ногу съ сознательными представителями промышленнаго труда, идущихъ прямо, идущихъ такъ, какъ слѣдуетъ ходить человѣку, сознающему свое человѣческое достоинство. Большая часть этихъ прямо идущихъ интеллигентовъ и по своему происхожденію, и по всѣмъ своимъ воззрѣніямъ и привычкамъ, а, главное, по бѣдности и необезпеченности своей трудовой жизни заслуживаетъ почетнаго названія пролетарія.

Наконецъ третій элементъ состоитъ изъ идейныхъ инвалидовъ, изъ буржуазныхъ идеалистовъ, сохранившихъ по атавизму революціонный духъ буржуазіи, въ то время, какъ она его уже окончательно потеряла, сдѣлавшись силой консервативной. Они вытолкнуты изъ рядовъ буржуазіи, съ которой они были кровно связаны и имъ не поспѣть за пролетаріатомъ, они ковыляютъ въ хвостѣ его, опираясь на костыль, они ходятъ прямо, но на трехъ ногахъ, т. е. съ костылемъ.

Сфинксъ-интеллигенція опасенъ тѣмъ, что эти три элемента такъ перемѣшаны между собою, что пролетаріатъ нерѣдко принимаетъ четвероногаго интеллигента за двуногаго, тѣмъ болѣе, что четвероногій

ползая передъ капиталистами, передъ пролетаріемъ стоитъ прямо, высоко поднявъ свою голову съ сіяніемъ ложной учености.

Мы могли-бы привести немало примѣровъ, когда четвероногіе сходили за самыхъ настоящихъ двуногихъ, но мы ограничимся указаніемъ лишь на одного четвероногаго, скрывающагося подъ псевдонимомъ Atlanticus, не потому, чтобъ онъ былъ самымъ опаснымъ и самымъ интереснымъ, а потому что онъ касается чрезвычайно опасныхъ и интересныхъ вопросовъ, а также и потому, что его, по какому-то странному недоразумѣнію, въ ряды пролетарскихъ писателей ввелъ самый видный изъ современныхъ идеологовъ марксизма, несомнѣнно интеллигентъ-пролетарій — Карлъ Каутскій.

Въ 1898 году въ соціалдемократическомъ издательствѣ Дитца, съ предисловіемъ Карла Каутскаго, появилась книга Atlanticus'a: «Взглядъ въ государство будущаго. Производство и потребленіе въ соціальномъ государствѣ» (Ein Blick in den Zukunftstaat. Produktion und Konsum im Sozialstaat).

Свое предисловіе Каутскій начинаетъ указаніемъ, что предлагаемая работа была прислана для опубликованія въ «Neue Zeit», оффиціальномъ журналѣ соціалдемократической партіи, редакторомъ котораго онъ состоитъ. Объемъ работы оказался слишкомъ великъ для журнала, но она показалась Каутскому столь интересной и важной, что онъ посовѣтовалъ издателю «Neue Zeit» Дитцу, издать ее отдѣльной брошюрой. Каутскій заявляетъ, что онъ несетъ извѣстную отвѣтственность за ея появленіе «и это тѣмъ болѣе,—прибавляетъ онъ —что авторъ сочиненія по понятнымъ причинамъ появляется передъ публикой подъ псевдонимомъ, благодаря пресловутой свободѣ, которой наука пользуется въ странѣ поэтовъ и мыслителей».

Для насъ причины выступленія автора подъ псевдонимомъ не вполнѣ понятны. Но, вѣроятно, Каутскій намекаетъ на то, что авторъ принадлежитъ къ оффиціальному научному міру Германіи. Если это такъ, то Каутскій могъ-бы, и не читая книги, понять, что онъ имѣетъ дѣло съ четвероногимъ.

Взявъ на себѣ отвѣтственность за появленіе этой книги въ соціалдемократическомъ издательствѣ, Ка-

утскій оговаривается, что она «написана никакъ не съ нашей точки зрѣнія»... «но при всѣхъ различіяхъ и противоположностяхъ онъ (авторъ) *все-же соціалистъ* и его работа не имѣла никакой надежды быть принятой въ буржуазномъ издательствѣ, но мы были-бы, добавляетъ Каутскій, очень огорчены, если-бы она совсѣмъ не могла появиться, такъ какъ она заполняетъ пробѣлъ въ современной *соціалистической**) литературѣ или, по крайней мѣрѣ, пролагаетъ путь къ его заполненію.»

Въ серединѣ предисловія Каутскій еще разъ подчеркиваетъ, что предлагаемая работа имѣетъ большія заслуги и еще разъ оговаривается, что онъ не можетъ подписаться подъ каждымъ ея выраженіемъ, но находитъ нужнымъ пояснить свое сомнѣніе (Bedenken) только по одному пункту, именно, по вопросу о колоніальной политикѣ. Свое сомнѣніе Каутскій выражаетъ въ очень мягкой формѣ и заканчиваетъ предисловіе пожеланіемъ книжкѣ «хорошаго успѣха».

Мы остановимся прежде всего на томъ вопросѣ, который вызвалъ у Каутскаго сомнѣніе, именно, на колоніальной политикѣ. Atlanticus полагаетъ, что и въ государствѣ будущаго, въ соціальномъ государствѣ, которое послѣ своей *окончательной* побѣды устроитъ нѣмецкая соціалдемократія, колоніальная политика будетъ играть большую роль. Нѣмецкіе соціалдемократы должны стремиться уже въ настоящее время къ тому, чтобы захватить какъ можно болѣе колоній для того, чтобы послѣ созданія у себя въ Европѣ соціалистическаго государства, ввести въ колоніяхъ... принудительныя работы для чернокожихъ и желтокожихъ туземцевъ. Трудность устройства тропическаго сельскаго хозяйства, по мнѣнію автора, лежитъ единственно въ недостаткѣ рабочихъ силъ. «Но, — заявляетъ онъ,— даже эта трудность преодолима. Бѣлые, конечно, не могутъ ни при какихъ условіяхъ привлекаться къ физической работѣ въ собственно тропическомъ поясѣ. Слѣдовало-бы, выражаясь просто, ввести извѣстное принужденіе работать для туземцевъ. Это принужденіе работать ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ разсматривать, какъ рабство, оно при соотвѣтствующихъ

*) Въ обоихъ случаяхъ подчеркнуто нами. В. П.

результатахъ работы, совсѣмъ не должно быть дольше чѣмъ трудовая обязанность бѣлаго въ Европѣ».

Высчитавъ выгоды отъ этого принужденія къ работѣ, Atlanticus заявляетъ далѣе: «Если изъ-за туманной сантиментальности не захотятъ рѣшиться и на такое временное принужденіе работать для чернокожихъ, тогда, конечно, ничего не подѣлать. По своей волѣ въ современныхъ условіяхъ негръ, при ограниченности его потребностей, рѣдко станетъ работать. Если иногда, особенно въ соціалдемократической прессѣ проклинается жестокосердечіе голландцевъ, принуждавшихъ на Явѣ туземцевъ къ работѣ, то при этомъ не знаютъ, какъ незначительно совершается работа, и какъ несказанно лѣниво и невнимательно она совершается туземцами».

Въ этихъ «простыхъ» словахъ соціалиста-интеллигента, вводимаго Каутскимъ въ соціалдемократическую литературу, намъ чувствуется что-то зловѣщее. Не менѣе зловѣщими кажутся намъ разсужденія соціалиста, о возможности соглашенія соціалдемократовъ съ прусскимъ юнкерствомъ, которому, по мнѣнію Atlanticus'a, въ моментъ устройства соціалистическаго общества представится случай очень выгодно продать свои имѣнія.

Заботясь о выгодахъ прусскаго юнкерства, нашъ интеллигентный соціалистъ не забываетъ, конечно, и духовенства. Въ бюджетъ нѣмецкаго соціалистическаго государства Атлантикусъ вноситъ кругленькую сумму въ 100 милліоновъ марокъ, которыя придется платить ежегодно 30000 священниковъ. По его мнѣнію, соціалдемократы дѣлаютъ тяжелую ошибку, требуя отдѣленія церкви отъ государства. «Это значитъ, — говоритъ онъ, — въ случаѣ побѣды выпустить изъ рукъ самое могучее оружіе, которое могло бы привести къ соціализму еще сопротивляющіеся круги вѣрующихъ. Именно христіанство въ высшей степени соціалистично, даже коммунистично и, при удержаніи государственной зависимости, представители церкви вскорѣ стали-бы еще съ большимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и горячностью выступать за новый порядокъ и власть, которая тогда окажется точно также установленной Богомъ, чѣмъ они это дѣлаютъ теперь по отношенію къ власти современной».

Неужели эти іезуитскія разсужденія о попахъ, съ жаромъ защищающихъ соціалистическое начальство, не вызвали въ душѣ Каутскаго чувства отвращенія? Впрочемъ, вѣдь и «Искра» расчитываетъ на русскихъ поповъ, какъ на союзниковъ и съ удовольствіемъ печатаетъ письмо, гдѣ попъ раскланивается передъ ея программой, удостовѣряя, что она соотвѣтствуетъ духу православной церкви.

Еще щедрѣе, чѣмъ поповъ, награждаетъ Атлантикусъ офицеровъ. 25000 офицерамъ германское соціалдемократическое государство должно будетъ платить ежегодно 125 мил. марокъ. Атлантикусъ, само собой разумѣется, и въ соціалистическомъ государствѣ оставляетъ постоянное войско и видимо желаетъ увеличить военный флотъ, чтобы отнять часть колоній у Англіи.

Какъ человѣкъ высокой нравственности, онъ возлагаетъ на соціалистическое государство борьбу со «свободной любовью», находя невозможнымъ измѣнить современныя постановленія о бракѣ.

Наконецъ, Атлантикусъ считаетъ важнымъ подчеркнуть, что въ будущемъ государствѣ можетъ сохраниться и монархія.

И этому четвероногому господину Каутскій выдаетъ патентъ *соціалиста*, и про эту книгу онъ говоритъ, что она заполняетъ пробѣлъ въ *соціалистической* литературѣ!

Впрочемъ, пролетарію въ одномъ отношеніи должно быть полезно появленіе въ соціалдемократическомъ издательствѣ подобной книги; оно показываетъ ему, какія буржуазно-іезуитскія натуры могутъ скрываться подъ интеллигентно-соціалистической оболочкой, и какъ необходимо, чтобы въ соціалдемократической программѣ были опредѣленно указаны тѣ измѣненія существующаго строя, которыя соціалдемократія намѣрена произвести въ моментъ своей побѣды.

Въ «Коммунистическомъ манифестѣ» Марксъ упоминаетъ о массѣ образовательныхъ элементовъ, которые попадаютъ въ среду пролетаріата изъ среды господствующихъ классовъ. Увеличиваютъ ли эти элементы силу пролетаріата—большой вопросъ. Огромное большинство этихъ элементовъ всегда готово пойти въ лакеи буржуазіи, разъ та поманитъ ихъ звонкою монетою.

Каутскій до извѣстной степени правъ, когда говоритъ въ Эрфуртской программѣ, что «интеллигентный пролетаріатъ скоро будетъ отличаться отъ другихъ наемныхъ рабочихъ лишь однимъ *высокомъріемъ*. Въ большинствѣ случаевъ онъ все еще воображаетъ, что представляетъ изъ себя нѣчто высшее, чѣмъ пролетаріи, онъ все еще причисляетъ себя къ буржуазіи, но это уже похоже на то, какъ слуги говорятъ «мы» о своихъ господахъ. Эти люди перестали быть умственными вождями буржуазіи, а стали ея клакерами.

Какъ чума, распространяется среди нихъ *карьеризмъ*. Не *развитіе* своихъ умственныхъ способностей, а *выгодная продажа* ихъ составляетъ ихъ главную заботу. Главнымъ средствомъ выдвинуться впередъ становится *проституированіе своего я... Продажа своихъ убѣжденій и бракъ изъ-за денегъ* стали въ глазахъ большинства нашихъ интеллигентовъ двумя столь же понятными, какъ и неизбѣжными, средствами завоевать себѣ счастья. Вотъ что дѣлаетъ капиталистическій способъ производства изъ идеалистовъ, изслѣдователей и мечтателей!»

Не этотъ слой интеллигенціи мы имѣемъ въ виду, когда говоримъ объ увеличеніи силы пролетаріата вступленіемъ въ его ряды части представителей умственнаго труда. Мы имѣемъ въ виду народныхъ учителей и учительницъ, фельдшеровъ, фельдшерицъ и другихъ маленькихъ интеллигентныхъ людей, которые большею частью вышли не изъ среды эксплуататоровъ, а изъ среды эксплуатируемыхъ, которымъ приходится жить «по-мужицки» и которые не могутъ мечтать ни о какой карьерѣ.

И чѣмъ больше развивается капиталистическій строй, тѣмъ легче становится сдѣлаться маленькимъ интеллигентнымъ человѣкомъ, но тѣмъ больше кандидатовъ на скудно оплачиваемое мѣсто, тѣмъ чаще этимъ интеллигентнымъ работникамъ приходится оставаться безъ работы и безъ куска хлѣба. Въ пролетарскомъ обществѣ, гдѣ школа выдвинется на первый планъ, гдѣ потребуется въ сто разъ болѣе народныхъ учителей и другихъ культурныхъ тружениковъ, чѣмъ теперь, этимъ людямъ предстоитъ начать настоящую жизнь, жизнь не менѣе трудовую, но безъ матеріальныхъ лишеній и безъ той массы нравственныхъ уни-

женій, которыя имъ приходится переживать въ настоящее время. Ихъ интересъ совпадаетъ съ интересомъ пролетаріата, и, сознавая это, они вступаютъ въ ряды борцовъ за соціализмъ.

Самоотверженнымъ союзникомъ промышленнаго пролетаріата можетъ быть и *часть* учащейся молодежи, которая еще не пропитана буржуазной дѣловитостью и законностью, у которой не успѣло еще развиться стремленіе къ эксплуатаціи людей, и у которой жизнь и работа приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ развиваетъ духъ товарищества, духъ солидарности, которой нѣсколько сближаетъ ся психологію съ психологіей пролетарской.

Впрочемъ, на союзъ съ *частью* учащейся молодежи пролетаріатъ можетъ разсчитывать почти исключительно только въ Россіи, гдѣ нѣтъ даже «буржуазной свободы», что̀ въ общемъ представляетъ извѣстныя удобства для класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, но что̀ невыносимо давитъ нѣкоторыхъ изъ ихъ «дѣтей», у которыхъ буржуазный эгоизмъ не успѣлъ еще заглушить свойственнаго человѣку состраданія, а поводовъ для проявленія этого чувства въ Россіи болѣе, чѣмъ достаточно. Наконецъ, у насъ, гдѣ пріобрѣтеніе высшаго образованія еще сравнительно дешево, среди учащейся молодежи встрѣчаются лица изъ среды угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, выросшія въ бѣдности и продолжающіе бѣдствовать въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ имъ приходится не только учиться, но и зарабатывать посторонними занятіями средства, необходимыя для скуднаго пропитанія. Обыкновенно это натуры сильныя, умѣющія заражать товарищей духомъ борьбы и протеста. Наконецъ и дѣти «интеллигентовъ-слугъ», интеллигентовъ-четвероногихъ часто умѣютъ держаться прямо и, негодуя на лакейство своихъ отцовъ, съ тѣмъ большею отвагою бросаются въ бой.

Среди русской молодежи такимъ образомъ много самоотверженныхъ борцовъ. Готовностью «пострадать за идею», принять мученическій вѣнецъ они нерѣдко превосходятъ настоящихъ пролетаріевъ-рабочихъ, но имъ не хватаетъ классового пролетарскаго инстинкта; пролетарская точка зрѣнія—не свойственна имъ сама по себѣ, имъ приходится на нее «становиться», а это

не такъ легко, за то легко съ нея сбиться и попасть на точку зрѣнія буржуазную.

Товарищеская солидарность учащейся молодежи не можетъ, конечно, замѣнить солидарности классовой: университетская «работа» сближаетъ не такъ, какъ работа фабрично-заводская.

Наконецъ, всѣ условія жизни учащейся молодежи хотя тяжелыя, все же иныя, чѣмъ условія жизни промышленныхъ рабочихъ.

Вотъ почему такъ часто даже самые развитые и самоотверженные «студенты» быстро устаютъ и отстаютъ въ длительной пролетарской борьбѣ. Они или гибнутъ въ моменты первыхъ порывовъ или ковыляютъ потомъ «на трехъ ногахъ». Неувѣренные, разочарованные, они, однако, не способны на измѣну своимъ прекраснымъ, но нѣсколько туманнымъ идеаламъ. Очень возможно, что въ революціонный моментъ, въ послѣднемъ бою, они отбросятъ свои костыли и героями станутъ въ первые ряды борющагося пролетаріата. Они во всякомъ случаѣ всегда его друзья, самоувѣренные же и ученые слуги буржуазіи всегда его враги и враги тѣмъ болѣе опасные, что они умѣютъ прикидываться «соціалистами».

VIII

Такимъ образомъ, всей совокупностью условій развитія капиталистическаго строя, пролетаріатъ становится могучимъ врагомъ буржуазіи, не имѣющимъ никакого интереса въ сохраненіи существующаго строя и единственнымъ классомъ, необходимымъ для хозяйственной жизни всѣхъ промышленныхъ странъ. Капиталисты же и крупные землевладѣльцы превращаются исключительно въ собирателей прибылей и становятся ненужными для руководства промышленными предпріятіями.

Одна изъ главныхъ особенностей такъ называемаго бернштеніанства это — интеллигентное недовѣріе къ силамъ рабочаго класса и преклоненіе передъ мощью буржуазіи.

«Рабочій классъ еще недостаточно зрѣлъ, чтобы взять въ свои руки производство, чтобы замѣнить буржуазный порядокъ угнетенія человѣка человѣкомъ пролетарскимъ порядкомъ взаимопомощи»—вотъ мысль, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ разсужденія и сочиненія явныхъ и тайныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ бернштеніанцевъ *), вотъ мысль, которая вызывала негодованіе «вождей», воспитанныхъ пролетаріатомъ,—Либкнехта и Бебеля.

Но, разумѣется, всѣ эти разсужденія и сочиненія могутъ ослаблять лишь пролетаріевъ-интеллигентовъ, они не ослабляютъ рабочій классъ, они не усиливаютъ разлагающейся буржуазіи, они лишь показываютъ, какъ трудно «становиться на пролетарскую точку зрѣнія».

Конечно, сознательныхъ и безсознательныхъ бернштеніанцевъ можно встрѣтить и среди бывшихъ рабочихъ, среди людей, *вышедшихъ* изъ рабочаго класса, но все это не измѣняетъ того факта, что пролетаріатъ становится могучимъ врагомъ буржуазіи, и что часъ его окончательной побѣды уже близокъ.

«Сила пролетаріата», — говоритъ Каутскій *) — возрастаетъ постоянно, несмотря на то, что его доля въ общественномъ производствѣ падаетъ. Его экономическая сила заключается не въ его богатствѣ, но въ его числѣ, его организаціи, его интеллигентности, его экономической необходимости и не въ меньшей

---

*) Наивный Амвросій, авторъ «Правды ростовскихъ событій», изданной съ особымъ одобреніемъ «Зари», полагаетъ, что «крайности бернштеніанства», въ которыя, по его словамъ, впадалъ главный ораторъ ростовскихъ митинговъ, состоятъ «въ пропагандѣ въ массѣ по вопросу о плохихъ мостовыхъ и объ отсутствіи фонарей на темныхъ улицахъ». (См. стр. 7 «Правды»).

Милый человѣкъ! Поищите-ка лучше крайностей бернштеніанства у тѣхъ людей, которые думаютъ, что безъ буржуазіи рабочіе не могутъ выработать въ себѣ политическаго сознанія, которые похлопываютъ по плечу либераловъ и возлагаютъ надежды на Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Не даромъ они такъ злятся на «господина Бернштейна» и желаютъ его поскорѣе «похоронить». Онъ откровенно и открыто сказалъ то, что составляетъ сущность ихъ революціонной души, но что они утаиваютъ, по удачному выраженію Старовѣра, какъ «секретную болѣзнь». Такой откровенности не прощаютъ.

*) «Классовыя интересы». Библіотека Русскаго Пролетарія. № 35.

степени, наконецъ, въ томъ фактѣ, что... его классовые интересы совпадаютъ съ интересами всего общественнаго прогресса, такъ что все, къ чему пролетаріатъ стремится въ правильномъ классовомъ интересѣ, необходимо также и съ общественной точки зрѣнія».

По вычисленію Каутскаго пролетаріатъ составляетъ въ Германіи отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ всего населенія, большинство составляетъ онъ и въ другихъ странахъ, но сущность его силы не въ числѣ, а въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ мелкими крестьянами, этими «пролетаріями-собственниками», является единственнымъ классомъ, «необходимымъ для хозяйственной жизни всѣхъ промышленныхъ странъ».

«Римскій пролетаріатъ, — сказалъ Сисмонди, — жилъ на счетъ общества, современное общество живетъ на счетъ пролетаріата».

Въ этомъ залогъ неизбѣжной побѣды современнаго пролетаріата, въ этомъ разгадка паденія древняго Рима.

«Римскіе пролетаріи», — говоритъ Марксъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ по поводу одной изъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ», — «сдѣлались не наемными рабочими, а тунеядцами, болѣе похожими на вещь, чѣмъ «бѣлые бѣдняки» Южныхъ Штатовъ Сѣверной Америки....»

Сила современнаго человѣчества въ томъ, что тунеядцами являются въ настоящее время не пролетаріи, а собственники, что у пролетаріевъ—живая, идсальная душа, что они умѣютъ жить будущимъ, собственники же все болѣе и болѣе походятъ на бездушную вещь, на автомата, рѣжущаго купоны.

Сенъ Симонъ говоритъ, что еслибъ ангелъ смерти отмѣтилъ дома всѣхъ чиновниковъ, начиная съ короля, и всѣ эти чиновники сразу погибли, то жизнь народа отъ этого ничуть не пострадала бы. Гэдъ въ своемъ «Коллективизмѣ» *) добавляетъ къ этому справедливому замѣчанію не менѣе справедливое указаніе, что еслибы ангелъ смерти отмѣтилъ дома всѣхъ капиталистовъ, то хозяйственная жизнь народовъ не пришла бы отъ этого въ замѣшательство.

Капиталисты и крупные земельные собственники

*) См. «Библіотека Русскаго Пролетарія», № 19.

властвуютъ, но не управляютъ. Политическое управленіе передано ими слугамъ-бюрократамъ, слугамъ-чиновникамъ, хозяйственное управленіе, управленіе производствомъ передано слугамъ-директорамъ, слугамъ-инженерамъ, управленіе общественнымъ мнѣніемъ слугамъ-журналистамъ.

Собственники фабрикъ, заводовъ, шахтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. обыкновенно имѣютъ меньше понятія о фабрично-заводской или желѣзно-дорожной техникѣ, чѣмъ любой изъ рабочихъ.

О знаменитомъ Круппѣ слуги-журналисты разсказывали, какъ о знатокѣ своего пушечнаго дѣла, какъ о фактическомъ руководителѣ своихъ громадныхъ заводовъ. Но въ дѣйствительности онъ былъ простымъ собирателемъ прибылей, и смерть его не внесла ни малѣйшаго замѣшательства въ сложную жизнь его заводовъ.

Корнелій Вандербильдъ, собственникъ безконечнаго числа всевозможныхъ предпріятій, собирающій прибавочную цѣнность, производимую сотнями тысячъ, если не милліонами рабочихъ — молодой человѣкъ съ ограниченными умственными способностями, интересующійся главнымъ образомъ спортомъ. Но у Круппа и Вандербильда есть еще имена ; въ большинствѣ же случаевъ капиталисты превращаются въ «анонимовъ», передавая даже представительство анонимнымъ акціонернымъ обществамъ.

Проѣзжайте по промышленному району, хотя бы такой капиталистической страны, какъ Бельгія и спрашивайте, кому принадлежатъ всѣ эти безчисленные фабрики и заводы? — и вы большею частью получите отвѣтъ: *анонимному* обществу такому-то, *анонимному* обществу такому-то.

Разумѣется, большая часть акцій всѣхъ этихъ анонимныхъ обществъ находится въ рукахъ нѣсколькихъ богачей, но отъ потребителей и производителей они скрыты «анонимомъ».

И у насъ въ Россіи за послѣдніе годы капиталисты все болѣе и болѣе начинаютъ скрываться за болѣе или менѣе анонимными акціонерными компаніями. Въ 1889-мъ году было вновь основано 29 акціонерныхъ компаній; въ 1895-мъ году — уже 86; въ 1898 году — 153. Кто властвуетъ хотя-бы надъ южно-

русской желѣзодѣлательной промышленностью? Общество новороссійское, южно-русское, донецкое и т. д. А за этими обществами со столь русскими названіями скрываются англійскіе, французскіе, бельгійскіе милліонеры: Коккерили, Бальфуры, Юзы и т. д. Капиталисты скрываются подъ видомъ акціонерныхъ компаній, во первыхъ потому, что это помогаетъ имъ подчинить своему вліянію капиталы и сбереженія лицъ*), ускользающихъ отъ непосредственной экспропріаціи, во вторыхъ потому, что при постоянныхъ и усиливающихся столкновеніяхъ капитала съ трудомъ капиталистамъ кажется, что гораздо безопаснѣе властвовать анонимно.

Развитіе акціонерной формы въ послѣднемъ счетѣ все-же выгодно рабочему классу. Сосредоточеніе капитала въ рукахъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ облегчитъ экспропріацію капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Пролетаріатъ *въ моментъ побѣды* не станетъ, конечно, нарушать «безопасность» жизни капиталистовъ, но процентныя бумаги сразу потеряютъ волшебную силу приносить проценты и сдѣлаются просто бумагами, которыми капиталисты при желаніи могутъ оклеивать свои комнаты. Земли-же, фабрики, заводы, шахты, желѣзныя дороги и т. д., т. е. дѣйствительное богатство окажется въ распоряженіи создавшихъ его, т. е. трудящихся и, чтобы принять участіе въ этомъ распоряженіи, капиталистамъ тоже придется трудиться.

Крупныхъ землевладѣльцевъ экспропріировать не трудно, но что дѣлать съ ихъ многочисленными слугами, съ бюрократами, управляющими государствомъ. съ директорами, инженерами и проч., управляющими производствомъ? Первыхъ, т. е. бюрократовъ, побѣда

*) Крупные капиталисты, основывая компанію, удерживаютъ въ своихъ рукахъ большинство акцій, сохраняя за собою большинство голосовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть надъ всѣмъ акціонернымъ капиталомъ. Кромѣ того право голоса по уставу дается обыкновенно лишь лицамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе значительное число акцій. Акціонерная форма особенно выгодна финансистамъ, которые, руководя биржевой игрой и навязывая публикѣ рискованныя бумаги, быстро экспропріируютъ маленькихъ людей. Вообще, какъ намъ уже приходилось указывать, денежный капиталъ постепенно вытѣсняетъ другія его формы.

пролетаріата сдѣлаетъ ненужными, такъ какъ вмѣстѣ съ этой побѣдой исчезаетъ государство, являющееся формой господства надъ пролетаріатомъ; что касается до вторыхъ, то они окажутся полезными и при новой формѣ производства, хотя, конечно, при этой новой формѣ управлять производствомъ будетъ коллективная воля общины, состоящей изъ всѣхъ производителей. Общиной будутъ выбираться и смѣняться руководители производства, насколько они вообще окажутся необходимыми. Но вопросъ о нужности или ненужности современныхъ управителей не совпадаетъ съ вопросомъ о силѣ ихъ сопротивленія, которое они могутъ оказать замѣнѣ буржуазнаго государства пролетарскимъ обществомъ. Сила бюрократовъ несомнѣнно очень значительна, побѣда пролетаріата имъ несомнѣнно очень невыгодна, и борющемуся пролетаріату надо знать и помнить, что фактически самый трудный бой ему придется выдержать съ бюрократами или что почти одно и то же—съ государствомъ.

IX

Развитіе промышленности, дающее возможность современному обществу, при планомѣрномъ устройствѣ производства, удовлетворять потребности всѣхъ его членовъ, и сознательная классовая борьба пролетаріата неизбѣжно ведутъ къ замѣнѣ современнаго капиталистическаго строя строемъ соціалистическимъ.

И это положеніе основано на *знаніи*, а *не* на *вѣрѣ*. Мы *знаемъ*, а *не просто вѣримъ*, что при современномъ развитіи промышленности сознательная классовая борьба пролетаріата должна въ корнѣ измѣнить существующій строй въ строй соціалистическій, основныя черты котораго мы тоже знаемъ, а не выдумываемъ, такъ какъ логически выводимъ ихъ изъ развитія явленій современныхъ.

Мы уже раньше показали, что пролетаріатъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе могучимъ врагомъ буржуазіи, и что ростъ его силы—необходимое слѣдствіе развитія промышленности. Мы по-

казали также, что интересы его требуютъ уничтоженія частной собственности на средства производства; отсюда логическій выводъ, что онъ уничтожитъ эту частную собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнитъ буржуазный строй міромъ пролетарскимъ или соціалистическимъ.

Возможность удовлетворять потребности *всѣхъ*—на лицо, но потребности пролетаріевъ, создающихъ эту возможность, не удовлетворяются; причина этого противорѣчія—въ современномъ общественномъ устройствѣ.

Разъ пролетаріи *сознаютъ* эту причину и разъ они *въ силахъ* устранить ее, они ее устранятъ; это мы знаемъ, какъ знаемъ, что растеніе тянется къ свѣту, что перелетныя птицы летятъ осенью въ теплые края...

Сознанная потребность всесторонняго довольства и сознанная возможность удовлетворить эту потребность, вотъ та «необходимость», которая превратитъ капиталистическій строй въ строй соціалистическій.

Но вѣрна-ли первая посылка о возможности удовлетворять въ настоящее время потребности всѣхъ при условіи планомѣрнаго устройства производства для потребленія, а не для прибыли?

«Мальтузіанская» теорія пыталась отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, но не было, кажется, теоріи, которая такъ скоро и блестяще была бы опровергнута фактами.

Мальтусъ утверждалъ, что народонаселеніе увеличивается скорѣе, чѣмъ производительная сила человѣка.

Въ дѣйствительности — какъ разъ наоборотъ. Въ Англіи населеніе возросло съ 1844 г. на 62%; ея производительныя силы увеличились болѣе, чѣмъ на 130%. Во Франціи населеніе почти не увеличивается, а производство одной пшеницы за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія учетверилось; въ Соединенныхъ Штатахъ развитіе производства въ десятки разъ обгоняетъ увеличеніе населенія, несмотря на огромную эмиграцію.

Бебель въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» приводитъ интересное вычисленіе Гертцка, что съ примѣненіемъ способовъ крупнаго производства во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и промышленности *всѣ* потребности 22 милліоннаго населенія Австріи могли бы удовлетворяться при двухъ съ половиной часахъ

ежедневной работы работоспособныхъ мужчинъ того же населенія, съ полнымъ освобожденіемъ отъ работы всѣхъ, не достигшихъ 16 лѣтъ и старше 50 лѣтъ.

Такимъ образомъ и теперь могла бы быть самымъ щедрымъ образомъ удовлетворена быть можетъ, самая важная человѣческая потребность — потребность въ свободномъ отъ работы времени, потребность въ досугѣ.

Кропоткинъ въ своихъ сочиненіяхъ «Fields, factories and workshops» и «Хлѣбъ и Воля» на основаніи точныхъ данныхъ приходитъ къ заключенію, что, напримѣръ, производство хлѣба, овощей фруктовъ можно увеличить въ четыре раза въ теченіе года или двухъ, какъ только трудъ станетъ «общественнымъ».

«Нѣтъ, довольство для всѣхъ — не мечта. Оно, можетъ быть, было мечтою тогда, когда человѣку едва удавалось, цѣною страшнаго труда, получить двадцать пудовъ ржи съ десятины, когда онъ выдѣлывалъ собственными руками нужныя для земледѣлія и промышленности орудія. Но оно перестало быть мечтой съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который, съ помощью небольшого количества желѣза и нѣсколькихъ фунтовъ угля, доставляетъ ему послушную и удобную силу, способную привести въ движеніе самую сложную машину. Но для того, чтобы это довольство перешло въ дѣйствительность, нужно, чтобы весь этотъ огромный капиталъ — города, дома, распаханныя поля, заводы, пути сообщенія, воспитаніе — перестало считаться частною собственностью, которою захватившій ее распоряжается по своему усмотрѣнію.*)»

И это «нужно» прежде всего пролетаріату, а то, что нужно пролетаріату, то *неизбѣжно.*

«Изъ всѣхъ классовъ, которые и нынѣ противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ — истинно революціонный классъ. Остальные классы приходятъ въ упадокъ и гибнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ-же—ея спеціальный продуктъ»...

«Жизненныя условія стараго общества уже уничтожились въ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата. У пролетарія нѣтъ собственности, его отношеніе къ

*) П. Кропоткинъ «Хлѣбъ и Воля», стр. 20.

женѣ и дѣтямъ не имѣютъ ничего общаго съ буржуазными семейными отношеніями; современный промышленный трудъ, современное иго капитала, такое же въ Англіи, какъ во Франціи, въ Америкѣ, какъ и въ Германіи, стерло съ него весь національный характеръ. Законы, нравственность, религія, являются для него какъ разъ столь-же многочисленными буржуазными предразсудками, за которыми скрываются столь-же многочисленные буржуазные интересы.

Всѣ прежніе классы, завоевавъ себѣ господство, старались упрочить себѣ свое уже пріобрѣтенное жизненное положеніе, подчиняя все общество условіямъ своего пріобрѣтенія. Пролетаріи могутъ завоевать общественныя производительныя силы, лишь уничтоживъ свои собственные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прежніе способы пріобрѣтенія. У пролетаріевъ нѣтъ ничего своего для обезпеченія, имъ предстоитъ разрушить всѣ существовавшія до сихъ поръ частныя обезпеченности и частныя обезпеченія».*)

Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ, истинность которыхъ подлежитъ въ настоящее время еще меньшему сомнѣнію, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, — *сущность революціоннаго марксизма.*

Соціалдемократъ долженъ ясно представлять себѣ что соціализмъ не есть идеалъ, возникшій въ головахъ какихъ-нибудь буржуазныхъ «міроисправителей», что соціализмъ уже въ настоящее время нѣчто реальное, что онъ ростетъ и развивается вмѣстѣ съ силою и сознаніемъ пролетаріата, что жизненныя условія новаго общества коренятся въ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата, что эти жизненныя условія, проявляясь въ настоящее время необезпеченностью существованія и всевозможными лишеніями для пролетаріата, таятъ въ себѣ зародышъ довольства, свободы и равенства для всѣхъ.

Такъ называемая зрѣлость капиталистическаго общества для перехода въ общество соціалистическое есть ничто иное, какъ зрѣлость пролетаріата, т. е. зрѣлость его сознанія и организованности.

---

*) См. нашъ переводъ «Манифеста коммунистической партіи» Библіотека русскаго пролетарія № 20. Стр. 25 и 26. Въ вольномъ переводѣ Плеханова это мѣсто «сглажено» и смягчено. В. П.

Революціонному марксизму хотятъ нерѣдко навязать мистическое представленіе о какомъ-то возстаніи техническо-экономическихъ производительныхъ силъ противъ современныхъ формъ производства, при чемъ люди куда-то исчезаютъ.

Но такое представленіе совершенно чуждо Марксу и можно только пожалѣть, что не всѣ марксисты достаточно энергично протестуютъ противъ этого подношенія буржуазныхъ «данайцевъ».

Пролетарій долженъ знать и знаетъ, что возстать приходится ему самому, а не машинамъ, и возстанетъ онъ не тогда, когда ученые придутъ къ заключенію, что капиталъ уже достаточно сконцентрированъ для экспропріаціи, а тогда, когда почувствуетъ и сознаетъ свою силу...

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о такъ называемой «соціальной революціи». Въ нашей программѣ этого выраженія не встрѣчается уже по одному тому, что за нимъ не стоитъ еще вполнѣ опредѣленнаго представленія.

Проектъ «Искры» и «Зари», который вообще гонится за революціонными словами, а не за революціонной сущностью, пять разъ упоминаетъ «соціальную революцію». Онъ отождествляетъ ее съ замѣной капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими и затѣмъ выдвигаетъ ее какъ всемогущее одушевленное существо.

«Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную орагнизацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, *соціальная революція* *) пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою».

«Необходимымъ условіемъ» появленія «этой соціальной революціи» проектъ выдвигаетъ «диктатуру пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ».

---

*) Подчеркнуто нами. В. И.

Такимъ образомъ, по проекту «Искры» и «Зари», завоеваніе политической власти пролетаріатомъ и подавленіе всякаго сопротивленія эксплуататоровъ не есть еще соціальная революція, а лишь ея условіе. Будетъ-ли пролетаріатъ только «подавлять» сопротивленіе, или онъ же замѣнитъ капиталистическія производственныя отношенія соціалистическими — это изъ проекта не вполнѣ ясно.

Посмотримъ теперь, что подразумѣвалъ подъ соціальною революціею Карлъ Марксъ.

Въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи» онъ опредѣляетъ соціальную революцію, «какъ болѣе медленный или болѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, переворотъ, вытекающій изъ измѣненій его экономическихъ основъ».

Въ другомъ мѣстѣ по поводу разсужденія Ругэ о «соціальной революціи съ политической душой» Марксъ замѣчаетъ: «Насколько соціальная революція съ политической душой является парафразой или безсмыслицей, *настолько разумна политическая революція съ соціальной душой*. Революція вообще политическій актъ. Но безъ революціи не выполнимъ соціализмъ. Онъ нуждается въ этомъ политическомъ актѣ, какъ нуждается въ *разрушеніи и уничтоженіи*. Но гдѣ начинается его *организаторская дѣятельность*, гдѣ выступаетъ *его самоцѣль, его душа, тамъ соціализмъ сбрасываетъ политическій покровъ*».

Нельзя сказать, чтобы оба эти мѣста были вполнѣ ясны, и первое изъ нихъ Каутскій и Бернштейнъ толкуютъ различно.

«Если твердо держаться этого опредѣленія», — говоритъ Каутскій, *) — то изъ понятія соціальной революціи уже заранѣе выдѣляется «измѣненіе экономическихъ основъ», какое, напримѣръ, вызвала паровая машина или открытіе Америки. Это измѣненіе — причина революціи, а не сама революція».

Бернштейнъ возражаетъ, что изъ словъ Маркса въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи» такое ограниченіе не вытекаетъ. «Измѣненіе эконо-

*) Karl Kautsky «Sozialreform und soziale Revolution», стр. 4.

мическихъ основъ, — говоритъ Бернштейнъ, *) — какъ разъ по воззрѣнію Маркса относится къ соціальной революціи, переворотъ надстройки отъ него не отдѣлить. Процессъ совершается при продолжительномъ перемѣнномъ вліяніи. И Марксъ ни въ коемъ случаѣ не предпринимаетъ такого дѣленія. Онъ характеризуетъ эпоху соціальной революціи, говоря: «Съ измѣненіемъ экономической основы быстрѣе или медленнѣе перевертывается вся огромная надстройка. «*Съ*» конечно нельзя понимать въ смыслѣ необходимой хронологической параллельности, но оно запрещаетъ толкованіе, предполагающее полное слѣдованіе одного за другимъ во времени».

Въ данномъ случаѣ можетъ показаться, что толкованіе Бернштейна болѣе правильно, но оно противорѣчитъ другому мѣсту, приведенному нами изъ Маркса, на которое, кстати сказать, не ссылается ни Каутскій, ни Бернштейнъ. Это мѣсто совпадаетъ съ опредѣленіемъ соціальной революціи, которое даетъ самъ Каутскій, не вполнѣ удовлетворенный опредѣленіемъ Маркса въ предисловіи «Къ критикѣ политической экономіи». «Завоеваніе государственной власти до тѣхъ поръ угнетеннымъ классомъ, т. е. *политическая революція*», — говоритъ онъ, — «является существеннымъ признакомъ *соціальной революціи* въ узкомъ смыслѣ въ противоположность *соціальной реформѣ*....

«Не *стремленіе* къ соціальнымъ реформамъ, но опредѣленно выраженное ограниченіе ими отличаетъ *соціальнаго реформатора* отъ *соціальнаго революціонера*. Съ другой стороны только такая *политическая революція* дѣлается соціальной, которая *исходитъ* отъ класса *до тѣхъ поръ общественно угнетеннаго*, который былъ вынужденъ свое политическое освобожденіе пополнить своимъ соціальнымъ освобожденіемъ, такъ какъ его предыдущее общественное положеніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи къ его политическому господству. Раздоръ внутри господствующихъ классовъ, какія бы насильственныя формы гражданской войны онъ не принималъ, не является соціальной революціей.

*) Ed. Bernstein «Die neueste Prognose der sozialen Revolution». Soz. Monatohefte 1902 № 8 стр. 588.

«Соціальная революція не можетъ быть заключеніемъ соціальнаго развитія, она можетъ быть лишь началомъ новаго развитія».

И такъ по Каутскому соціальная революція всегда революція политическая, состоящая въ захватѣ власти классомъ, до тѣхъ поръ угнетеннымъ, который долженъ свое политическое освобожденіе пополнить соціальнымъ. Замѣна капиталистическаго способа производства соціалистическимъ не входитъ въ понятіе соціальной революціи, а является ея слѣдствіемъ. На это указываетъ послѣднее изъ приведенныхъ нами положеній Каутскаго, это подтверждаетъ и вся его книга о соціальной революціи, гдѣ даже такія реформы, какъ отдѣленіе церкви отъ государства, введеніе полной свободы печати и собраній, уничтоженіе наслѣдственныхъ привиллегій, распространеніе всеобщаго избирательнаго права и т. д. совершаются не въ моментъ соціальной революціи, а на другой день *послѣ* соціальной революціи». О «замѣнѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими» нечего и говорить; эта замѣна произойдетъ, по Каутскому, путемъ длительнаго процесса. «На другой день послѣ соціальной революціи» онъ сохраняетъ еще систему процентовъ, которые государство, общины и товарищества принуждены будутъ платить бывшимъ промышленникамъ и землевладѣльцамъ.

Такимъ образомъ, Каутскій идетъ совершенно въ разрѣзъ съ проектомъ «Искры» и «Зари», который завоеваніе власти пролетаріатомъ считаетъ не соціальной революціей, а лишь ея условіемъ. Вообще видно, что авторы проекта при составленіи его еще не читалц книги Каутскаго о «соціальной революціи», которая, кажется, вышла нѣсколько позже опубликованія проекта. Теперь слѣдуетъ ожидать статьи Плеханова, въ которой онъ сдѣлаетъ признаніе, сходное тому, которое онъ уже сдѣлалъ по поводу «идей Риттингаузена».

«Что касается до «соціальной революціи»—будемъ мы читать — «то надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа «Искра» и «Зари» находилась тогда подъ вліяніемъ *идей Кропоткина*, и что прекрасная работа Каутскаго «Die soziale Revolution», Berlin 1902, заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ».

Теоретическая часть программы «Искры» и «Зари» очень революціонно говоритъ о «соціальной революціи», но практическая часть расчитана на революцію *буржуазную*.

«Революція, на встрѣчу которой быстро идетъ современная Россія»,—торжественно заявляла «Искра» по поводу крестьянскихъ волненій — «будетъ *буржуазной* революціей въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостного права и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ».

Къ этой «великой миссіи» — очисткѣ пути для капитализма—«Искра» и готовитъ русскій пролетаріатъ. Здѣсь, разумѣется, если и есть вліяніе чьихъ-нибудь «идей», то никакъ уже не Кропоткина.

Будемъ надѣяться, что когда-нибудь Плехановъ напишетъ признаніе и по поводу «буржуазной революціи» въ такомъ родѣ:

«Что касается «буржуазной революціи», то надо прямо сказать, что группа «Искры и «Зари» народилась подъ вліяніемъ *идей Струве* и что прекрасная статья Каутскаго «Славяне и революція», помѣщенная въ «Искрѣ», хотя и была намъ извѣстна, но, къ сожалѣнію, не вѣрно истолкована. Эту статью нашъ нѣмецкій товарищъ заканчивалъ слѣдующими словами: «Россія давно уже перестала быть для Западной Европы простымъ оплотомъ реакціи и абсолютизма. Дѣло обстоитъ теперь, пожалуй, какъ разъ наоборотъ. Западная Европа становится оплотомъ реакціи и абсолютизма въ Россіи. Гнилой царскій тронъ трещитъ по всѣмъ швамъ и, быть можетъ, онъ давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазія постоянно не скрѣпляла его заново своими милліонами. Въ 1848 г. царь послалъ опору своего могущества въ Европу, чтобы задавить возстаніе европейской буржуазіи; теперь эта самая буржуазія шлетъ опору своего могущества въ Россію, чтобы дать царю силу раздавить всѣ свободолюбивыя движенія въ его собственной странѣ. Съ царемъ русскіе революціонеры, быть можетъ, давно бы уже справились бы, если бы имъ не приходилось одновременно вести борьбу и противъ его союзника — европейскаго капитала.

Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ имъ удастся справиться съ обоими врагами и что новый «священный союзъ» рухнетъ скорѣе, чѣмъ его предшественники. Но, какъ бы ни окончилась теперешняя борьба въ Россіи, кровь и счастье мучениковъ, которыхъ она породитъ, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ достаточно, не пропадутъ даромъ. Они оплодотворятъ восходы соціальнаго переворота во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заставятъ ихъ расти пышнѣе и быстрѣе.

Въ 1848 году славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ съ собою новую, счастливую весну для народовъ».

Въ то время мы поняли эти слова нашего нѣмецкаго товарища въ томъ смыслѣ, что онъ передалъ нашей группѣ, *гегемонію* надъ революціоннымъ пролетаріатомъ всего міра, что онъ открываетъ намъ боевыя кассы западноевропейскаго пролетаріата и т. д., чтобы помочь намъ въ союзѣ со всѣми революціонными и оппозиціонными силами русскаго народа до помѣщиковъ-крѣпостниковъ включительно побѣдить всѣхъ фальсификаторовъ революціонной марксистской теоріи въ области мысли и всѣхъ фальсификаторовъ революціонной соціалдемократической борьбы въ области дѣла. Наше пониманіе мы тогда-же высказали въ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ Каутскаго. Съ тѣхъ поръ намъ многое уже представляется въ другомъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что намъ удалось побѣдить фальсификаторовъ, именуемыхъ «хвостистами» и безъ помощи революціоннаго пролетаріата всего міра и его боевыхъ кассъ. Мы побѣдили и исправили «хвостистовъ» при помощи «идей» героя пьесы Горькаго «На днѣ» русскаго мудреца Луки, который, какъ извѣстно, исправилъ двухъ жуликовъ, заставивъ ихъ другъ друга выпороть. Они теперь съ еще большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ мы, кричатъ: Да здравствуетъ буржуазная революція! Да здравствуетъ капитализмъ! Они теперь наши друзья. Тѣмъ не менѣе, мы сохраняемъ за собою гегемонію и боевыя кассы для войны съ тѣми, кто осмѣливается говорить о пролетарской революціи».

Какъ-бы то ни было, а ясно, что «соціальная революція»—понятіе не установившееся, и мы не внесли

се въ нашъ проектъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не чувствовалось никакой надобности. Не даромъ о «соціальной революціи» не упоминаетъ *ни одна изъ извѣстныхъ западноевропейскихъ соціалдемократическихъ или соціалистическихъ программъ.*

Но, если говорить о соціальной революціи, то для насъ это «экспропріація экспропріаторовъ», это конфискація пролетаріатомъ, т. е. обществомъ трудящихся земли и всѣхъ средствъ производствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Экспропріація экспропріаторовъ» можетъ быть дѣломъ одной революціи, одного краткаго революціоннаго періода.

«Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую, есть, конечно, процессъ несомнѣнно болѣе продожительный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоющейся на общественномъ производствѣ въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь же дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами»*).

«Экспропріація экспропріаторовъ»—революціонный актъ; развитіе соціалистическаго производства — эволюціонный процессъ, такъ какъ съ самаго начала будутъ существовать разнообразныя формы производства и вести между собою борьбу на почвѣ большей или меньшей производительности и удобствъ труда. Общимъ для всѣхъ этихъ формъ будетъ лишь то, что продукты будутъ производиться не для прибыли, а для удовлетворенія потребностей какъ самого производителя, такъ и всего общества.

Въ нашемъ проектѣ не упоминается «соціальная революція», въ немъ нѣтъ и «диктатуры пролетаріата», ни простой, ни подавляющей, мало того, мы не упоминаемъ даже «завоеванія политической власти».

«Диктатуры» нѣтъ и въ другихъ соціалистическихъ программахъ, за исключеніемъ, разумѣется, проекта

---

*) Карлъ Марксъ «Капиталъ» т. I стр. 646 пер. подъ ред. Струве.

«Искры», но о «диктатурѣ пролетаріата» говорили Марксъ и Энгельсъ.

Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ считать выраженіе «диктатура» въ примѣненіи къ побѣдѣ пролетаріата крайне неудачнымъ.

Диктатура предполагаетъ безапелляціонную власть и что—то же—произволъ одного лица по отношенію къ массѣ или во всякомъ случаѣ меньшинства по отношенію къ большинству. Таковы были историческія диктатуры. Побѣда же пролетаріата означаетъ побѣду «огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства», она означаетъ торжество свободы и справедливости; она будетъ въ высшей степени демократичной, такъ какъ пролетарій не можетъ не быть демократомъ. Демократія и диктатура! Совмѣстимыя ли эти понятія? *)

Завоеваніе политической власти упоминается въ «Эрфуртской программѣ» и внесено въ окончательную редакцію программы Вѣнской, хотя ни въ Гайнфельдской программѣ, ни въ проектѣ программы Вѣнской о завоеваніи политической власти пролетаріатомъ не упоминалось.

Мы не вносимъ завоеваніе власти въ свой проектъ, потому что по нашему представленію побѣда пролетаріата можетъ явиться лишь какъ выраженіе воли народныхъ массъ, и для этого необходимо не завоеваніе власти, а уничтоженіе власти. Государственная власть всегда была и остается до сихъ поръ выраженіемъ господства одного класса надъ другимъ; побѣда-же пролетаріата по самой сущности — уничтоженіе дѣленія общества на классы, слѣдовательно, уничтоженіе классового господства, уничтоженіе государственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государства. Свободное проявленіе воли народныхъ массъ обезпечивается не завоеваніемъ государственной власти, а замѣной ея самоуправленіемъ. Пролетарскія реформы, наносящія смертельный ударъ праву частной собственности и рас-

*) Когда о «диктатурѣ пролетаріата» говорятъ русскіе соціалдемократическіе командиры, считающіе себя призванными вести пролетаріатъ не туда, куда онъ хочетъ, а куда онъ долженъ идти, то мнѣ всегда слышится не «диктатура пролетаріата», а диктатура *надъ* пролетаріатомъ.

чищающія путь соціалистическому производству, нельзя ввести при посредствѣ современнаго государства или государственной власти, завоеванной пролетаріатомъ. Бюрократія и казарменная армія не измѣнятъ своему буржуазно-самодержавному духу, попавъ въ руки пролетаріата; при посредствѣ тайныхъ совѣтниковъ и урядниковъ вожаки соціалдемократіи нигдѣ не въ состояніи будутъ ввести пролетарскую свободу и равенство, но очень легко могутъ сами превратиться въ урядниковъ и тайныхъ совѣтниковъ.

Долой бюрократію, долой армію, долой государственныхъ поповъ! Вотъ что должно быть лозунгомъ пролетаріата; и только уничтоживъ бюрократію, распустивъ всю армію и уничтоживъ государственность церкви, пролетаріатъ можетъ совершить свою соціальную революцію, только при этомъ условіи онъ можетъ экспропріировать экспропріаторовъ. И для этого не потребуется никакой диктатуры.

Въ этомъ направленіи, по нашему глубокому убѣжденію, должна и будетъ развиваться соціалдемократія.

Въ «Программѣ работниковъ» Лассаль говоритъ, между прочимъ, что буржуазія понимаетъ нравственную цѣль государства исключительно, какъ охрану личной свободы индивидуума и его собственности. «Эта идея ночного сторожа, милостивые государи», — прибавляетъ Лассаль,—«идея ночного сторожа, потому что она можетъ мыслить само государство лишь подъ видомъ ночного сторожа, вся функція котораго состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать грабежу и кражѣ со взломомъ. Къ сожалѣнію, эта идея ночного сторожа не только свойственна собственно либераламъ, но вслѣдствіе недостаточнаго развитія мысли, ее довольно часто можно встрѣтить даже у многихъ такъ называемыхъ демократовъ. Если бы буржуазія захотѣла послѣдовательно высказать свое послѣднее слово, —то она должна была бы сознаться, что изъ этихъ ея мыслей вытекаетъ заключеніе, что, разъ нѣтъ разбойниковъ и воровъ, и государство совершенно излишне».

Это послѣднее слово никогда не рѣшится высказать буржуазія, но его спокойно можетъ высказать пролетаріатъ.

Государство возникло вмѣстѣ съ возникновеніемъ господъ и рабовъ, кредиторовъ и должниковъ, господ-

ствующаго мущины и порабощенной женщины. Оно съ самаго начала было и осталось до сихъ поръ орудіемъ порабощенія, и оно должно исчезнуть съ исчезновеніемъ самого порабощенія. Ни о какой «нравственной цѣли» не можетъ быть рѣчи.

Въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» Бебель опредѣляетъ государство, какъ «*насиліе и организацію, охраняющую и поддерживающую собственность*. «При посредствѣ законовъ», — говоритъ далѣе Бебель, — «государство обезпечиваетъ собственнику его владѣнія и выступаетъ противъ нарушителя законно установленнаго порядка, какъ судья и мститель. По своей внутренней сущности, такимъ образомъ, интересъ господствующаго класса собственниковъ, и государственная власть всегда консервативны. Государственная организація измѣняется лишь тогда, когда этого требуетъ интересъ собственности. И такъ, если государство *необходимая организація* государственнаго порядка, покоющагося на классовомъ господствѣ, то оно теряетъ *необходимость своего существованія и возможность его,* какъ только падаютъ классовыя противоположности вслѣдствіе уничтоженія частной собственности Государство постепенно уничтожается вмѣстѣ съ устраненіемъ отношеній господства и подчиненія, точно также, какъ религія уничтожается, если нѣтъ болѣе вѣры въ сверхъ естественныя существа или въ надѣленныя разумомъ сверхчувственныя силы. Слова должны имѣть содержаніе: теряя его они перестаютъ образовывать понятія».

Говоря въ другомъ мѣстѣ той же книги о государственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ народныхъ массъ, Бебель замѣчаетъ: «Послѣдняя искра вѣры въ чувство справедливости господства властей разрушается и познается, какъ природа государства, примѣняющаго подобныя средства, такъ и сущность общества, ихъ требующаго. Борьба до уничтоженіе обоихъ — таково слѣдствіе».

О, какъ бы возмутились противъ этихъ словъ наши минимальные соціалдемократы, какъ бы они заулюлюкали на меня, какъ на анархиста, являющагося въ волчьей шкурѣ въ стадо послушныхъ овецъ Плеханова и «Искры», еслибъ я выдалъ эти слова за свои! Но ихъ говоритъ Бебель и они, конечно, не посмѣютъ

называть его анархистомъ. Они не посмѣютъ ихъ даже опровергать, но постараются истолковать по своему, по минимальному.

X

При соціалистическомъ строѣ уничтожается частная собственность на всѣ средства производства и обращенія (землю, шахты, заводы, фабрики, желѣзныя дороги, торговые склады и проч.), и они переходятъ въ распоряженіе всего общества. Товарное производство, имѣющее цѣлью прибыль, замѣняется при этомъ производствомъ общественнымъ, имѣющимъ цѣлью продукты, необходимые для равномѣрнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общества безъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается раздѣленіе общества на классы и устанавливается полная равноправность между расами, національностями, вѣроисповѣданіями и полами.

Разсмотрѣвъ развитіе буржуазнаго общества, мы увидѣли, что это развитіе неминуемо ведетъ къ его «отрицанію», что основы его должны превратиться въ свою «противоположность». Первое положеніе программы указываетъ эти основы: частная собственность, товарное производство, раздѣленіе на классы. Десятое положеніе характеризуетъ соціалистическое общество, порождаемое развитіемъ общества буржуазнаго, указывая на общественныя основы, отрицающія основы общества буржуазнаго. Частная собственность уничтожается, и всѣ средства производства переходятъ въ распоряженіе всего общества. Производство товаровъ, которое имѣетъ въ виду исключительно прибыль, исключительно мѣновую цѣнность, уступаетъ свое мѣсто производству, имѣющему въ виду исключительно удовлетвореніе потребностей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества, *производству ради полезности продуктовъ*. Прибыль—этотъ злой геній современнаго человѣчества, этотъ демонъ, во имя котораго пролиты потоки крови и потоки слезъ, этотъ единственный богъ буржуазіи, возвышающій и губящій ее, низвергается. Смерть его въ жизни пролетаріата, въ жизни

класса, который создалъ его, и который убьетъ его*). Дѣленіе на классы исчезаетъ, такъ какъ оно держится частной собственностью на средства производства и прибылью. Классовая солидарность пролетаріата, созданная его борьбой, его совмѣстными страданіями, становится солидарностью человѣчества. Мы уже указывали, что всѣ эти измѣненія не являются мечтаніями и простыми пожеланіями, что они имѣютъ уже и въ настоящее время реальную силу, такъ какъ для пролетаріевъ, отъ которыхъ зависитъ будущее, нѣтъ ни частной собственности, нѣтъ ни прибыли, но у нихъ есть солидарность.

При формулировкѣ этого положенія мы намѣренно уклонились отъ обычнаго противопоставленія частной *собственности* въ буржуазномъ обществѣ и общественной *собственности* въ обществѣ соціалистическомъ, такъ какъ въ самомъ словѣ собственность уже заключается понятіе преимущественнаго права извѣстнаго лица или группы лицъ на ту или другую вещь, причемъ вещью очень часто бываетъ человѣкъ.

Мы знаемъ, что многіе соціалдемократы усиленно протестуютъ противъ буржуазныхъ «вымысловъ», будто соціалдемократія противъ собственности. Такъ, напримѣръ, извѣстный представитель нѣмецкой соціалдемократіи, Браке, въ своей очень распространенной агитаціонной брошюрѣ «Nieder mit den Sozialdemokraten» изслѣдуетъ вопросъ, хотятъ-ли соціалдемократы уничтожить собственность, и заявляетъ, «что соціалдемократія никогда не выставляла требованія подвергнуть изслѣдованію эти отношенія владѣній (существующую *индивидуальную собственность*), чтобы видѣть ихъ иначе урегулированными. Никогда и нигдѣ! И кто все же утверждаетъ это о соціалдемократахъ, тотъ или не понимаетъ или лжетъ. Соціалдемократы говорятъ себѣ, что изслѣдованіе о томъ, какъ кто-нибудь достигъ своего владѣнія, было-бы ненужной работой, и они этимъ не занимаются. У нихъ не вызываетъ зависти, что господинъ фонъ Ротшильдъ во Франкфуртѣ на Майнѣ *владѣетъ* 40 милліонами гульденовъ, а теперь даже больше. Они не спрашиваютъ о высотѣ имущества

*) Характерно, что въ многословномъ проектѣ «Искры» и «Зари» совершенно не упоминается о «прибыли».

господина фонъ Блейхредера въ Берлинѣ и его «друзей»... Это положеніе личностей какъ владѣльцевъ они принимаютъ какъ существующій *фактъ* и *уважаютъ* его (respectieren)».

«Соціалдемократія, — говоритъ Браке въ другомъ мѣстѣ своей брошюры,—вообще далека отъ того, чтобы желать сегодня или завтра уничтожить *собственность*, но она возвѣщаетъ, что — не вдругъ, не завтра, но въ постоянномъ развитіи — придетъ время, когда рабочій народъ будетъ охранять *свое* право на собственный продуктъ труда противъ права собственности на доходъ труда *другихъ*. *Капиталистическое* понятіе собственности *перейдетъ въ понятіе собственности рабочаго*. *Объ уничтоженіи* (Aufhebung), такимъ образомъ, нигдѣ нѣтъ рѣчи, а возвѣщенное *превращеніе* никого не задѣнетъ»*).

Всѣ эти разсужденія продиктованы желаніемъ успокоить собственниковъ, но развѣ это дѣло соціалдемократовъ? Идя по этому пути «успокоенія», легко дойти до заявленія Струве, что соціализмъ въ сущности только «проблема», и, какъ таковая, не имѣетъ права на внесеніе въ программу, легко дойти до смѣшенія соціалдемократизма съ либерализмомъ, до чего дошелъ не только Струве, но и Бернштейнъ, начавшій свою критику марксизма съ заявленія, что «соціализмъ послѣдній выводъ изъ либерализма».

Въ виду такихъ успокоеній и смѣшеній необходимо ясно сказать: да, мы *хотимъ* завтра-же уничтожить частную собственность и, если мы не уничтожаемъ ее, то только потому, что мы еще для этого недостаточно сильны, недостаточно организованы.

Способы уничтоженія частной собственности и замѣны производства ради прибыли производствомъ ради самого продукта, мы постараемся разсмотрѣть при поясненіи практической части нашей программы, теперь же остановимся лишь на послѣднемъ предложеніи разбираемаго положенія, а именно, на «установленіи полной равноправности между расами, національностями, вѣроисповѣданіями и полами».

Мы вносимъ эту равноправность въ теоретическую часть, потому что она не только пожеланіе или тре-

*) Курсивъ всюду въ подлинникѣ. В. П.

бованіе партіи, она — до извѣстной степени уже реальное явленіе, она постепенно осуществляется въ реальныхъ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата.

Эксплуатація и борьба противъ эксплуатаціи постепенно уничтожаетъ различія національныя, расовыя, вѣроисповѣдальныя и половыя. Буржуазіи очень выгодно сохранить эти различія для пролетаріевъ и, такимъ образомъ, разъединить ихъ, и она особенно въ лицѣ своихъ правительственныхъ и церковныхъ органовъ, а также своихъ газетныхъ лакеевъ очень старается въ этомъ направленіи, но сила, объединяющая пролетаріевъ, сила, коренящаяся въ самомъ развитіи бржуазнаго общества, оказывается неизмѣримо болѣе могучей, чѣмъ всѣ эти старанія.

Въ соціалистической литературѣ много говорится объ увеличивающемся примѣненіи женскаго труда, какъ признакѣ усиливающейся эксплуатаціи и обнищанія народныхъ массъ. Съ этой только точки зрѣнія упоминаетъ о женскомъ трудѣ и проектъ «Искры» и «Зари». Но для соціалдемократа важнѣе другая, положительная сторона этого явленія: участіе въ современномъ промышленномъ производствѣ повышаетъ личность женщины, уравниваетъ ея личность съ личностью мужчины. Женщина-работница перестаетъ быть рабой своего мужа-рабочаго, она становится его товарищемъ. Это, повторяю, явленіе огромнаго соціальнаго значенія. Побѣда пролетаріата сама въ себѣ уже заключаетъ побѣду равноправности женщины съ мужчиной, такъ какъ угнетается, эксплуатируется, борется и побѣждаетъ одинаково, какъ пролетарій-мужчина, такъ и пролетарій-женщина.

XI

Капиталистическое производство международно, поэтому и классовая борьба носитъ международный характеръ и ведется соединенными усиліями пролетаріевъ всѣхъ странъ. Сознательной выразительницей этой борьбы является международная соціалдемократія.

Буржуазія, гоняясь по всему міру за прибылью, повсюду насаждаетъ капитализмъ, повсюду вводитъ

усовершенствованные способы производства и эксплуатаціи рабочей силы. Капиталъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе международнымъ, и не рѣдко одинъ и тотъ же крупный капиталистъ эксплуатируетъ рабочихъ въ разныхъ странахъ и даже въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ замкахъ Англіи, Бельгіи, Франціи, Германіи и т. д., сохранившихъ феодальный обликъ, но внутри обставленныхъ всѣмъ современнымъ комфортомъ до электрическаго освѣщенія и телефоновъ включительно, живутъ капиталисты, получающіе прибавочную цѣнность отъ эксплуатаціи труда не только своихъ соотечественниковъ, но и рабочихъ самыхъ различныхъ странъ, какъ культурныхъ, такъ и самыхъ варварскихъ. Въ купонахъ и дивидендахъ ихъ акцій и облигацій нерѣдко одновременно таится кровь и потъ англійскаго трэдъ-уніониста, русскаго мужика и африканскаго нѣгра. Въ англійскій банкъ, въ это темное, мрачное зданіе безъ оконъ стекается золото со всего міра. Портреты императоровъ и королей, конституціонныхъ и неконституціонныхъ, и символическія изображенія республикъ смѣшиваются здѣсь въ одну кучу, и рядомъ стоятъ «несгораемые сундуки, гдѣ хранятся «сбереженія», опасенія и надежды коронованныхъ властителей, ростовщиковъ и угольныхъ торговцевъ. И рядомъ съ этимъ мрачнымъ зданіемъ всемірно-англійскаго банка высится болѣе веселое зданіе — всемірно-лондонской биржи. Въ биржевые часы здѣсь слышится гулъ голосовъ и кажется, что люди помѣшались на *всемірной географіи*. Конго обмѣнивается на Днѣпръ, капскіе «кафры» сопровождаютъ парижскіе трамваи, «Черное море» переливается въ «Суэцкій каналъ», Брюсселемъ уплачивается за Нью-Іоркъ и т. д. И всѣ эти «Нью-Іорки», «Днѣпры» и «Брюсселя» покорно переходятъ изъ рукъ въ руки, но на мѣстахъ и въ Брюсселѣ, и въ Нью-Іоркѣ, и на нашемъ Черномъ морѣ ростетъ непокорство, ростетъ возмущенье силъ, создавшихъ всю цѣнность, включенную въ эти бумаги и векселя.

Во имя единой прибыли экспропріируетъ и эксплуатируетъ буржуазія во всѣхъ концахъ міра; во имя единой освободительной идеи соціализма возстаютъ пролетаріи во всѣхъ концахъ міра. Соціализмъ французскій, англійскій, нѣмецкій и т. д. — лишь раз-

ныя степени проясненія пролетарскаго сознанія; чѣмъ яснѣе это сознаніе, тѣмъ больше единства въ соціализмѣ.

Соціализмъ — общественный идеалъ пролетаріата. «Онъ съ естественной необходимостью образуется повсюду, гдѣ пролетаріатъ приходитъ къ сознанію своего классового положенія и развиваетъ самостоятельное мышленіе»...

....Форма, которую этотъ идеалъ принимаетъ въ отдѣльныхъ странахъ, даже въ отдѣльныхъ головахъ, имѣетъ безконечное число варіацій въ мелочахъ, но типъ уже цѣлое столѣтіе всегда и повсюду остается одинъ и тотъ же, это — признакъ, что онъ вытекаетъ изъ глубочайшихъ потребностей большого класса, а не изъ каприза или мечтаній отдѣльныхъ личностей».*)

«Соціалистическая идея—продуктъ рабочаго класса»**). Носительницей этой идеи является международная соціалдемократія. Идея соціализма неразрывно связана съ борьбой пролетаріата. Выразительницей этой борьбы является международная соціалдемократія. «Соціалдемократія» — какъ выразился Адлеръ на Вѣнскомъ партейтагѣ—«мозгъ рабочаго класса». Но мозгъ не есть ли человѣкъ, на сколько онъ сознаетъ и мыслитъ? И соціалдемократія не есть ли рабочій классъ, на сколько онъ сознаетъ себя, на сколько онъ мыслитъ, на сколько онъ борется?

Соціализмъ созданъ рабочимъ классомъ и созданъ не въ кабинетахъ и университетахъ, онъ созданъ на фабрикахъ и въ фабричныхъ кварталахъ, онъ созданъ и создается на улицахъ Парижа, Ліона, Бирмингама, Лондона, Брюсселя, Барцелоны, Ростова, Одессы... Онъ созданъ мученіями пролетарскаго голода и пролетарскихъ болѣзней, онъ созданъ кровью іюньскихъ, мартовскихъ и майскихъ дней; онъ созданъ кровью, пролитою десятками тысячъ возставшихъ рабочихъ, онъ выростаетъ изъ жизненныхъ условій и психологіи пролетаріата, жизненныхъ условій и психологіи, противоположныхъ условіямъ и психологіи буржуазіи.

Идея соціализма создана рабочимъ классомъ;

---

*) *Каутскій.* «Классовые интересы».

**) Изъ рѣчи Адлера на Вѣнскомъ партейтагѣ.

Марксомъ, Энгельсомъ она лишь научно обоснована. Не Марксъ и Энгельсъ внесли соціализмъ въ рабочій классъ, а рабочій классъ ихъ заразилъ своимъ могучимъ стремленіемъ къ соціализму.

Таковъ нашъ взглядъ, таково наше знаніе, таково наше глубокое убѣжденіе! Но не таковъ взглядъ, не таково знаніе, не таково убѣжденіе тѣхъ, кто теперь господствуетъ надъ русскими интеллигентами-соціалдемократами.

Въ проектѣ «Искры» и «Зари», правда, въ одномъ мѣстѣ соціалдемократія названа «сознательной выразительницей классового движенія пролетаріата», но это или по недосмотру, или «на всякій случай»; на первый же планъ выдвинута соціалдемократія, какъ нѣчто самостоятельное, властно распоряжающееся пролетаріатомъ.

Она ставитъ «своею задачею сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою историческую миссію», Она «организуетъ его въ самостоятельную политическую партію», она «разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ», она «обнаруживаетъ передъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія»... и т. д.

Какъ видите, соціалдемократія распоряжается очень рѣшительно, но что она такое и откуда взялась—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, разъ она организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, то она, значитъ, была раньше этой партіи, какъ Богъ, создавшій изъ хаоса небо и землю былъ раньше неба и земли. «Въ началѣ бѣ Слово». Въ началѣ была соціалдемократія.

Искровская соціалдемократія не то Богъ, бывшій «раньше всѣхъ вѣковъ», не то та чудодѣйственная молодая изъ удалой пѣсни «Ахъ вы сѣни мои, сѣни», на мотивъ которой пишется большинство статей «Искры».

Откуда выходила молода соціалдемократія — неизвѣстно, но попала она въ «сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя» и выпускала сокола, который по ея мановенію превращался то въ «классовое политическое сознаніе» и летѣлъ въ пролетаріатъ. то въ «классовую борьбу», которая неслась въ русскую деревню, то, на-

концъ, въ цѣлые отряды, которые маршировали къ земцамъ, студентамъ, попамъ, босякамъи т. д. Картина, по-истинѣ, феерическая!... И всѣ эти волшебные полеты и маршировки можно документально подтвердить выписками изъ книги главнаго вдохновителя «Искры» Ленина («Что дѣлать?») и изъ самой «Искры».

«Классовое политическое сознаніе — говоритъ Ленинъ на 59 стр. своей книги—можетъ быть принесено только изъ-внѣ, т. е. изъ-внѣ экономической борьбы, изъ-внѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Область, изъ которой только и можно было почерпнуть это знаніе, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству, область взаимоотношеній между *всѣми* классами. Поэтому на вопросъ: что дѣлать, чтобы принести рабочимъ политическое знаніе? Нельзя давать одинъ только тотъ отвѣтъ, которымъ въ большинствѣ довольствуются практики, не говоря уже о практикахъ, склонныхъ къ экономизму, именно, отвѣтъ: «идти къ рабочимъ»! Чтобы принести *рабочимъ* политическое знаніе, соціалдемократы должны *идти во всѣ классы* населенія, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи».

Подъ «классами» Ленинъ, какъ видно изъ предлагаемаго имъ рецепта для образованія изъ рабочаго соціалдемократа (на стр. 52) понимаетъ и *помѣщиковъ и поповъ, сановниковъ и крестьянъ, студентовъ и босяковъ.*

Итакъ, чтобы «принести» рабочимъ классовое политическое сознаніе, соціалдемократія должна посылать свои отряды къ попамъ и сановникамъ, ища между ними союзниковъ. При этихъ «посылкахъ» Ленинъ, видимо, вспомнилъ одного почтеннаго патера, который поучалъ такъ:

«Всякаго рода людямъ разрѣшается посѣщать мѣста разврата съ цѣлью обращать тамъ падшихъ женщинъ, хотя и довольно правдоподобно, что они будутъ тамъ грѣшить, какъ не разъ уже испытано, что вовлекались въ грѣхъ видомъ и ласками этихъ женщинъ. И хотя и есть ученые, не одобряющіе этого мнѣнія и считающіе, что нельзя разрѣшать добровольно подвергать опасности свое спасеніе для помощи ближнему, тѣмъ не менѣе я весьма охотно принимаю это, оспариваемое ими, мнѣніе».

«Искра» въ свою очередь заявляетъ, что «нашъ прямой долгъ вмѣшиваться во всякій либеральный вопросъ» и приказываетъ пролетаріату «подталкивать впередъ всякое демократическое движеніе», а, главное, «умѣть ловить всякаго либерала въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставить его двинуться на аршинъ». «А упрется — благоразумно прибавляетъ «Искра»—такъ мы пойдемъ впередъ безъ него и черезъ него».

Чтобы сдѣлать пролетаріатъ способнымъ къ такимъ фокусамъ, его, разумѣется, по указанію Ленина, необходимо совлечь «съ пути опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матерьяльныхъ элементовъ и матерьяльной среды», тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію того же Ленина, «о самостоятельной самими рабочими массами вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи».

Ленинъ несомнѣнно учился «политикѣ» у французскаго моралиста Жубера, который писалъ въ началѣ этого столѣтія, что «политика — искусство вести массы не туда, куда онѣ хотятъ, а туда, куда онѣ должны».

Эти слова взялъ эпиграфомъ для своихъ циркуляровъ нѣкій націоналъ либеральный докторъ Гизебрехтъ, организующій въ настоящее время борьбу съ «необразованной массой» и «чернью», другими словами съ 3 милліонами нѣмецкихъ рабочихъ—соціалдемократовъ.

Отчего бы и «Искрѣ» не взять этотъ выразительный эпиграфъ? Вѣдь ея историческая миссія и заключается, какъ разъ, въ томъ, чтобы вести массу не туда, куда она хочетъ идти, а туда, куда она, по мнѣнію «Искры», должна идти... напр., къ «слабымъ» и «бѣднымъ» земцамъ.

«Искра», какъ извѣстно, требуетъ, чтобы рабочіе поддерживали даже «крѣпостниковъ-помѣщиковъ», разъ тѣ начинаютъ ссориться съ самодержавіемъ. Она проникнута старой вѣрой Плеханова въ нашу буржуазію, наше «общество».

«Само положеніе дѣлъ—писалъ Плехановъ въ «Горе г. Тихомирова»—необходимо будетъ толкать на *посильную для нея* борьбу всю нашу буржуазію, т. е. наше «общество», нашъ торгово-промышленный міръ, нашихъ помѣщиковъ, этихъ дворянъ въ мѣщанствѣ и, наконецъ, даже деревенское «третье сословіе».

Прекрасно! Но въ союзѣ съ «дворянами въ мѣщанствѣ» могутъ идти лишь «*соціалдемократы въ мѣщанствѣ*», да буржуазные Донъ-Кихоты.

Струве, кажется, принадлежитъ къ Донъ-Кихотамъ, но пошелъ въ буржуазію онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Плеханова.

Донъ-Кихоты, даже буржуазные, благороднѣе революціонеровъ въ мѣщанствѣ. Трогательно видѣть, какъ Струве гарцуетъ на своемъ благородномъ, но тощемъ конѣ въ сопровожденіи анонимнаго земца Санчо-Панчо на жирномъ ослѣ. На головѣ у Струве цирульный тазъ, принятый имъ за рыцарскій шлемъ, но это не мѣшаетъ ему отважно освобождать отъ вѣтряныхъ мельницъ нашу буржуазію, эту вульгарную дочь трактирщика, которую почтенный рыцарь принимаетъ за прекрасную Дульцинею.

Мы совершенно не понимаемъ, почему «Искра» встрѣтила Струве такими страшными словами, какъ «базаръ политическихъ сдѣлокъ», «пѣнкоснимательство», «измѣна и лицемѣріе», къ тому еще стоящіе у колыбели»?!

И самъ Струве, навѣрное, не понимаетъ.—Сами же говорили... а тутъ вдругъ... «измѣна и лицемѣріе»...

Не потому ли такой гнѣвъ, что Струве говоритъ, то, что разгнѣванные лишь думаютъ? Впрочемъ, иногда ихъ слова предательски выражаютъ и ихъ затаенныя мысли.

Посмотрите, напримѣръ, какъ характерны похвалы «Искры» по адресу бельгійскихъ соціалистовъ, заключившихъ незадолго до всеобщей стачки 1902 г. союзъ съ либеральной буржуазіей, которая имъ, какъ извѣстно, измѣнила!

«Какъ умные и практичные люди—писала «Искра» въ № 20-мъ—бельгійскіе соціалисты знаютъ, что въ борьбѣ съ противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всѣми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазію.»

Чего же вы сердитесь на Струве, который, какъ «умный и практичный человѣкъ» именно и старается «всѣми силами» привлечь на *вашу* сторону либеральную буржуазію.

И ему это можетъ удастся гораздо лучше, чѣмъ вамъ самимъ, потому что онъ *скромнѣе* и послѣдовательнѣе васъ. Вы слишкомъ избалованы похвалами окружающихъ васъ. Для вашихъ вѣрпоподданныхъ вы —люди, «выдающіеся своею ученостью и мудростью, руководимые божественною мудростію, которая надежнѣе всякой философіи», вы — «общество людей или, вѣрнѣе, ангеловъ, которое было предсказано пророкомъ Исаіей въ слѣдующихъ словахъ: «Грядите, ангелы, быстрые и легкіе», вы «орлиные умы»; вы «толпа фениксовъ». вы «измѣнили лицо соціалдемократіи».

У васъ замѣчаютъ иногда противорѣчія, вы, напр., послѣ приказа пролетаріату заключить союзъ съ буржуазіей, разъясняете, что подобные союзы всегда приносили пролстаріату одинъ только вредъ, но вамъ это прощаютъ, такъ какъ знаютъ, что у васъ «настолько хорошее о себѣ мнѣніе, что вы считаете полезнымъ и какъ бы необходимымъ для блага соціалдемократіи, чтобы ваше вліяніе распространялось повсюду, и вы могли-бы управлять всякою совѣстью».

Вышеприведенные похвалы и это оправданіе взяты нами изъ одной старой книги, но они не потеряли своей свѣжести.

Да, вы—слишкомъ избалованы. Вамъ присылаютъ письма, что «въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ *насущной задачей является* — регулярное распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ), какъ газеты «Искры», такъ и журнала «Зари», *что только при этомъ условіи можно разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы*».

И вы печатаете ихъ. Вамъ присылаютъ письма, что «ваша программа вполнѣ соотвѣтствуетъ духу православной церкви». Вы и ихъ печатаете съ удовольствіемъ.

Вы импонируете интеллигентнымъ соціалдемократамъ, вы ихъ навѣрное объедините подъ своимъ« крылышкомъ», но для пролетаріата массоваго, пролетаріата-рабочаго ваше крылышко слишкомъ мало уже по одному тому, что вы, подобно утопическимъ соціалистамъ, «не замѣчаете на сторонѣ пролетаріата никакой исторической самодѣятельности, *никакого спеціально ему свойственнаго политическаго движенія*».

Вы надменно заявляете, что не желаете *выражать то, что уже сознано пролетаріатомъ безъ какой бы то ни было помощи со стороны «революціонной бациллы»*; вы не можете «согласиться на эту смѣшную и позорную роль пятаго колеса въ телѣгѣ». *)

Но, повѣрьте, и пролетаріатъ не согласится играть роль телѣги, на козлахъ которой вы намѣрены возсѣдать. Вы открыто заявляете, что вашимъ революціоннымъ образцомъ является Робеспьеръ, что вы—террористы à la Робеспьеръ.

Будьте же послѣдовательны: идите въ ряды буржуазіи, готовьтесь воздвигать гильотины и декретами вводить «высшее существо». Пролетаріату не нужно ни «высшихъ существъ». ни гильотинъ, ни «революціонныхъ бациллъ», ни Робеспьеровъ; онъ революціоненъ самъ по себѣ, по всей своей сущности и по своему общественному положенію и тѣмъ, кто пытается его «совлекать» и «толкать» онъ грозно крикнетъ: «руки прочь!»

Оставьте всѣ эти дѣтскіе «полеты», «посылки отрядовъ» и заботы о развитіи капитализма, а прислушайтесь лучше къ тому гулу, подобному гулу морского прибоя, который въ данное время несется съ береговъ Чернаго Моря и Днѣпра! Это *выпрямляется* русскій рабочій богатырь, готовясь дать сигналъ къ міровой соціальной революціи.

На меня же не гнѣвайтесь: говорю, что думаю, а думаю, *вѣроятно*, не то, что думаете вы.

БИБЛ...

*) «Заря», № 4, отд. I, стр. 30.